

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

А. И. Изотов

ЧЕШСКАЯ СТИЛИСТИКА

Учебное пособие

МОСКВА – 2020

УДК 811.162.3'271(075.8)
ББК 81Чеш-1я73
ИЗ8

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

В. Г. Кульпина – д-р филол. наук, доцент кафедры славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова;
А. В. Литвинов – канд. пед. наук, проф. кафедры зарубежной и русской филологии
Московского государственного психолого-педагогического университета

ИЗ8 Изотов, Андрей Иванович. Чешская стилистика : учебное пособие / А. И. Изотов. – Москва :
МАКС Пресс, 2020. – 164 с.
ISBN 978-5-317-06357-3
<https://doi.org/10.29003/m867.978-5-317-06357-3>

Курс стилистики того или иного языка завершает, как правило, лингвистический цикл подготовки специалистов по соответствующему языку. Настоящее издание представляет собой обработанные лекции по современной чешской стилистике, читавшиеся автором в разное время для студентов-богемистов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Московского педагогического государственного университета.

Предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: стиль, стилистика, чешский язык, литературный язык, идиом, диалект, койне.

УДК 811.162.3'271(075.8)
ББК 81Чеш-1я73

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Стиль и стилистика	4
2. Литературность – нелитературность.....	15
3. Норма.....	20
4. Функциональные стили	27
5. Стратификация чешского языка	35
5.1. Чешский литературный язык	35
5.2. Чешский общенациональный субстандарт	38
5.3. Территориальные диалекты и интердиалекты.....	45
5.4. Профессиональный язык/речь, сленг, аргó	57
6. Стилеобразующие факторы.....	62
6.1. Объективные stileобразующие факторы.....	62
6.2. Субъективные stileобразующие факторы	65
7. Стилистические аспекты организации текста	67
8. Стилистический потенциал языковых средств	70
Приложения	72
Асимметричный билингвизм	72
К проблеме русского субстандарта	77
Чешский язык UNCENSORED.....	89
О новом «Большом чешско-русском словаре».....	95
О филологическом знании.....	109
О «троязычной ереси»	115
Еще раз о переводе сакрального текста.....	123
О религиозном / церковно-религиозном функциональном стиле в русском и чешском языках.....	128
Стилистика устного и письменного чешского языка.....	131
Чешская фразеология и идиоматика.....	134
О самоучителе опавского языка.....	139
Литература / References	145

1. СТИЛЬ И СТИЛИСТИКА

Как известно, само слово «стиль» восходит к др.-греческому слову *στῖλος*, которым когда-то назывался инструмент в виде небольшой палочки, острым концом которой можно было писать на навощенной дощечке, процарапывая в мягком воске буквы, а плоским концом – разглаживать воск, затирая написанное и тем самым освобождая место для нового текста или же для более удачного варианта текста старого либо его фрагмента.

В повседневной жизни под стилем обычно понимается некая совокупность характерных особенностей общения и поведения, манера одеваться (*стиль одежды*), методы и приёмы работы (*стиль руководства*) и т.д. В литературе, архитектуре и искусстве стиль – это совокупность признаков, характеризующих манеру творчества определённого художественного направления, определенной школы или же отдельного писателя, художника или же архитектора. Более того, в принципе можно говорить и о стиле отдельного произведения (стиль «Евгения Онегина» отнюдь не тождествен стилю «Капитанской дочки», а ведь тут и литературное направление одно – критический реализм, да и сам автор тот же) или даже отдельных фрагментов одного и того же произведения, вспомним звучащие в совершенно разных тональностях и ритмах главы «Двенадцати» А. Блока.

В отечественной лингвистике **стиль**, в соответствии с данными московского «Лингвистического энциклопедического словаря», это

1) разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой; то же, что стиль языка. В современных развитых национальных языках существуют 3 наиболее крупных стиля языка в этом значении: а) нейтральный, б) более «высокий», книжный, в) более «низкий», разговорный (или фамильярно-разговорный, или разговорно-просторечный);

2) то же, что функциональный стиль;

3) общепринятая манера, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, передовая статья в газете, научная (не узкоспециальная) лекция, судебная речь, бытовой диалог, дружеское письмо и т.д.; стиль в этом смысле характеризуется не только набором (параметрами) языковых средств, но и композицией акта;

4) индивидуальная манера, способ, которым исполнены данный речевой акт или произведение, в т.ч. литературно-художественное (ср.,

например, «стиль вашего выступления на собрании»; «язык и стиль ранних стихов Лермонтова»);

5) то же, что языковая парадигма эпохи, состояние языка в стилевом отношении в данную эпоху (ср. выражение «в стиле русского литературного языка 1-й половины 19 века») [Лингвистический... 1990].

Хотя чешское понимание стиля восходит к тому же греческому стилосу, в чешской традиции, так учебной, так и научной, превалирует несколько иной подход к пониманию того, чем **стиль (styl)** является – **с позиций не восприятия языкового произведения, а порождения его.**

Так, в классическом учебнике мы читаем: «Языковой стиль (далее просто стиль) это способ сознательного отбора и организации языковых средств, осуществляющийся при порождении текста; в готовом же коммуникате он проявляется как принцип организации языковых единиц, объединяющий частности в единство, отвечающее коммуникативному намерению автора» [Stylistika... 1997: 9].

Отметим сразу, что весьма важное для чешской лингвистики понятие «коммуниката», на котором во многом основывается приведенное определение стиля, в отечественных работах отнюдь не популярно и встречается, кажется, практически исключительно при прересказе концепций чешских исследователей, ср. [Китайгородская, Розанова 2010: 178], [Чернявская 2014: 97].

В качестве синонимичных к термину **коммуникат (komunikát)** или же **вербальный коммуникат (verbální komunikát)** в чешских работах используются также термины **text** (текст), **promluva** (≈ выступление с речью), **jazykový projev** (букв. «языковое проявление»), при этом иногда под «текстом» может рассматриваться не сам коммуникат, а его внутренняя структура [Stylistika... 1997: 8]. Наблюдаемый разноразличный употреблений непосредственно связан с определенной терминологической неупорядоченностью самой современной чешской стилистики как лингвистической дисциплины, вызванной взаимопроникновением смежных дисциплин и сосуществованием самых разных концепций и теорий, ср. [Minářová 2011: 11]. Весьма добротный анализ употребления терминов «текст» – «коммуникат» – «дискурс» мы находим в [Hausenblas 1984: 1-7].

Каждый коммуникат может быть охарактеризован стилистически, хотя, естественно, далеко не каждый будет стилистически маркирован. Например, сообщение *Prší* стилистически нейтрально, в отличие от стилистически маркированных *To prší, Leje, Už zase prší* и т.д.

В коммуникате в чешской традиции разграничивается ноциональный компонент (**nocionální složka**) и прагматический компонент (**pragmatická složka**). В первом случае речь идет об объективном состоянии

окружающей действительности, во втором – об отношениях между участниками коммуникации.

Анализ коммуниката проводится по следующей схеме:

- начало – ядро – конец;
- тема;
- ноциональный компонент – прагматический компонент;
- синтаксическая структура;
- звуковая реализация;
- графическая реализация, см. [Mitter s.a.: 9].

Чешская лингвистика пользуется также похоже звучащим термином **komunikant** (коммуникант). Так обозначается участник данного акта коммуникации, которым, в частности, являются и **autor** (автор), и **adresát** (адресат) коммуниката. Если мы имеем дело с коммуникацией устной, то вместо термина **autor** мы можем употребить термин **mluvčí** (говорящий), а вместо термина **adresát** – термин **posluchač** (слушающий). Если же речь идет о коммуникации письменной, то это будут термины **pisatel** (пишущий) и **čtenář** (читатель) соответственно.

Чешские лингвисты пользуются термином **singulární styl** (сингулярный стиль) для обозначения стиля единичного коммуниката, который может быть сопоставлен со стилями коммуникатов иных или противопоставлен им.

Тексты одного и того же автора формируют **autorský styl** (авторский стиль), а хронологически близкие тексты – **dobový styl** (стиль эпохи), а также **generační styl** (стиль поколения). Художественные произведения, созданные в контексте национальной литературы в определенную эпоху, могут сформировать **styl literární školy** (стиль литературной школы), **styl uměleckého směru** (стиль художественного направления) и **žánrový styl** (жанровый стиль). В случае же с научными текстами мы можем говорить о стиле научной школы (**styl vědecké školy**) или научного направления (**styl vědeckého směru**).

Все названные в предыдущем абзаце стили чешская традиция относит к так называемым стилям субъективным (**styly subjektivní**), в качестве же объективных стилей (**styly objektivní**) рассматриваются так называемые функциональные стили (**funkční styly**).

Заметим впрочем, что ведущий словацкий лингвист Йозеф Мистрик использует понятия объективных и субъективных стилей несколько иначе, используя их для разграничения **внутри** функциональных стилей: объективными стилями являются стиль научный (**naučný**) и административный (**administrativní**), субъективными – разговорный (**hovorový**) и художественный (**umělecký**), объективно-субъективными –

стиль ораторский (**řečnický**), публицистический (**publicistický**) и эссеистский (**esejistický**), см. [Mistrík 1985].

Традиционная для чешской школьной традиции классификация **функциональных стилей** восходит к работам Богуслава Гавранека и Вилема Матезиуса 30-х годов прошлого века и рассматривает

- **styl prostědělovací** – стиль простого сообщения
- **styl odborný** – специальный стиль
- **styl publicistický** – публицистический стиль
- **styl umělecký** – художественный стиль

Именно на эту классификацию опирались создатели Чешского национального корпуса, формируя стомиллионный (под)подкорпус SYN2000 – первый из серии (под)корпусов современных чешских письменных текстов, представляющих специальный, публицистический и художественный стили (для стилия простого сообщения в Чешском национальном корпусе предусмотрены специальные (под)корпусы разговорной речи), см. korpus.cz/.

Отбор текстов для SYN2000 осуществлялся на основании социологических данных о чтении книг и периодики гражданами Чешской республики в последнее десятилетие XX века: наличие и степень представленности в корпусе конкретных изданий и авторов зависит от их читаемости среднестатистическим чехом, поэтому большую часть материала SYN2000 образуют **публицистические** тексты (60%), на втором месте находятся **специальные** тексты – справочники, энциклопедии и т.д. (25%), на третьем – **художественные** тексты (15%). Составители SYN2000 исходят из предположения, что письменный текст не только отражает (прямо или опосредованно) современную автору языковую ситуацию, но и формирует индивидуальную языковую компетенцию читателя, поэтому включают в его состав не только оригинальные, но и некоторые переводные тексты, а также тексты, написанные и изданные до 1990 года, если они пользуются популярностью среди читателей.

Как мы видим, данная классификация очень похожа на школьную отечественную, с учетом того, что одному чешскому **специальному стилю** у нас соответствуют два – **научный стиль** и **официально-деловой стиль**.

Следует отметить, что в последние годы в Чехии появляются и более подробные классификация функциональных стилей. Например, в «учебных материалах» (**studijní opora**) для студентов педагогических специальностей университета в Усти-над-Лабом мы находим:

- **styl prostědělovací** – стиль простого сообщения, в рамках которого вычленяется, в частности, **styl konverzační** диалогический стиль;

- **styl odborný** – специальный стиль, в рамках которого выделяются, в частности, **styl vědecký** научный стиль, **styl praktický odborný** практико-специальный стиль, **styl popularizační** популяризаторский стиль;
- **styl administrativní** – административный стиль
- **styl publicistický** – публицистический стиль
- **styl řečnický** – ораторский стиль
- **styl umělecký** – художественный стиль
- **styl esejistický** – эссеистский стиль
- **styl učební** – педагогический стиль
- **styl reklamní** – рекламный стиль, ср. [Mitter s.a. 34] = [<http://www.pf.ujep.cz/pf/osobni-dokumenty/kbo/289-kbo-mitter-studijni-opora-stylistika/file> Обращение 20.10.2016].

С точки зрения вертикального членения стили в чешской лингвистике, как, впрочем, и не только в ней, подразделяются на

- **vyšší (vysoký, slavnostní) styl** – высокий стиль
- **střední styl** – средний стиль
- **nižší styl** – низкий стиль

Можно встретиться также с попытками определить стили, исходя из того, идет ли речь о коммуникате устном или письменном или же в зависимости от гендерной принадлежности автора и т.д.

Особенности интерпретации содержания термина **стиль** естественным образом взаимосвязаны с особенностями интерпретации понятия **стилистика**.

Стилистика как научная дисциплина в чешской традиции, восходящей к работам Пражского лингвистического кружка, понимается шире, чем, например, в работах американских дескриптивистов или же в британской лингвистике текста, и близко к пониманию стилистики Шарля Балли, концепция которого была развита на чешском материале прежде всего в работах Богуслава Гавранека, Вилема Матезиуса, Милана Елинека.

В чешской традиции **стилистика (stylistika)** – это изучающая **стили** лингвистическая дисциплина, которая на основе анализа отдельных текстов формулирует основные особенности стилизации порождаемого текста и имеет свою синтагматику и парадигматику. Парадигматику образует инвентарь стилистических средств выражения, а синтагматику – особенности соединения выразительных средств, относящихся к стилистической стороне текста, см., например, [Stylistika... 1997].

Поэтому чешскую стилистику, в отличие от американской **декриптивной стилистики** или британской **стилистики текста**, часто называют **функциональной стилистикой**, смыкающейся с **социолингвистикой**, см. [Лингвистический... 1990].

Чешское понимание стилистики близко её интерпретации в работах наших соотечественников, ср. «Стилистикой называется отрасль лингвистики, исследующая принципы и эффект выбора и использования лексических, грамматических и вообще языковых средств для передачи мысли и эмоций в разных условиях общения» [Арнольд 2009]. Но если в чешских работах упор делается на том, что в том же учебнике [Арнольд 2009] обозначено как **стилистика от автора**, в отечественных работах это **стилистика восприятия**, при этом самой Ирине Владимировне Арнольд мы обязаны существованием детально разработанной **стили- стике декодирования**.

Заметим, что определение стилистики, предложенное в [Арнольд 2009], близко к тому, что в античности называлось **элоквенцией**, ср. латинский вариант (Initia Eloquentiae Latinae) названия монографии А.И. Солопова (Alexii Scatebrani Ruteni) «Начала латинской стилистики» (М., 2008).

Заставляет оно вспомнить и об античной **риторике (rétorika)**, на роль современной наследницы которой претендует **лингвистическая прагматика (lingvistická pragmatika)**. Не случайно по мнению автора предисловия к [Арнольд 2009] П.Е. Бухаркина, данную книгу следовало бы назвать «Риторикой художественной речи» и «лишь отсутствие риторики в номенклатуре филологических специальностей во время создания работы, т.е. практическая невозможность дать подобное название, не позволили автору сделать это».

Стилистику часто рассматривают как дисциплину лингвистическо- го пограничья, имеющую много общего с **литературоведением (literární věda)**, поэтикой (**poetika**), эстетикой (**estetika**) и т.д.

В написанной почти сто лет назад работе «О языке художественной прозы» В.В. Виноградов обосновывает необходимость лингвистическо- го анализа художественного текста, что можно рассматривать как зарождение отечественной лингвостилистики в её противопоставленности стилистике литературоведческой.

Разграничение понятий **jazykovědně orientovaná stylistika** (лингвистически ориентированная стилистика) и **stylistika literárněvědná** (стилистика литературоведческая) представлено и в чешских работах. Среди классиков чешской лингвистически ориентированной стилистики можно назвать, например, Б. Гавранека (Bohuslav Havránek), Ё.В. Бечку (Josef Václav Bečka), В. Матезиуса (Vilém Mathesius), А. Едличку (Alois Jedlička), из современных исследователей М. Елинека (Milan Jelínek),

Фр. Данеша (František Daneš), Я. Губачека (Jaroslav Hubáček), Я. Хлоупека (Jan Chloupek), И. Крауса (Jiří Kraus), Я. Гоффманнову (Jana Hoffmannová), М. Чехову (Marie Čechová), М. Крчмову (Marie Krčmová), Э. Минаржова (Eva Minářová), среди видных представителей чешской стилистики литературоведческой – К. Гаузенбласа (Karel Hausenblas), К. Горалека (Karel Horálek), З. Кожмина (Zdeněk Kožmín), Л. Долежела (Lubomír Doležel).

Предметом лингвостилистического анализа, в отличие от анализа литературоведческого, служит не идейно-художественное содержание во всех его возможных аспектах, а аспекты чисто языковые, а поэтому его материалом оказываются: «1) архаизмы и историзмы; 2) непонятные факты поэтической символики; 3) незнакомые или малознакомые читателю диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы и термины; 4) особенности писательского словоупотребления: индивидуально-авторские языковые инновации; 5) ключевые слова; 6) тропы; 7) особенности синтаксиса; 8) своеобразие композиции; 9) специфика употребления и сцепления друг с другом нейтральных и стилистически значимых (экспрессивных) языковых элементов и структур; 10) особенности языковой организации подтекста; 11) особенности выбора и организации языкового материала в его частностях и целостности – речевая системность; 12) взаимосвязь языкового и смыслового уровней текста с точки зрения полноты выражения авторской концепции и др.» [Стилистический ... 2006].

Важным является и то, что предмет стилистики не ограничивается лишь художественными текстами. В отличие от литературоведческих дисциплин, стилистика изучает в том числе тексты публицистические, профессиональные и т.д.

Стилистика – относительно молодая дисциплина. В том виде, в какой она существует теперь, она сложилась буквально на наших глазах, при этом первоначально акцент делался на рассмотрении отдельных конкретных текстов. Поэтому первоначально стилистика рассматривалась в качестве **стилистика речи**, а о существовании каких-либо стилистических закономерностей на уровне языка, то есть возможности существования также и **стилистки языка** никто не предполагал.

И.В. Арнольд отмечает относительную связь противопоставления **лингвостилистика – литературоведческая стилистика** с дихотомией **стилистика языка – стилистика речи**, так как лингвостилистика исследует стилистические возможности языковых средств, а литературоведческая стилистика – конкретную реализацию данных возможностей в том или ином художественном произведении. Впрочем, эта связь действительно относительна, так как несмотря на существующую практику исследований сама возможность формирования неких надречевых, то

есть языковых средств маркировки тех или иных стилистических значений в рамках литературоведческой стилистики продолжает существовать.

Языковые элементы, с помощью которых происходит стилизация текста при его порождении, в чешской традиции обозначаются как **стилиемы (stylémy)**, система которых и образует парадигматику стилистики, где стилистически нейтральные стилемы противопоставляются стилям стилистически маркированным. Данная система относительно стабильна, однако она, как и всякая система, может трансформироваться с течением времени. Например, стилистически маркированное сегодня прилагательное *krásnooká* было стилистически нейтральным в эпоху создания известной повести Яна Неруды, ср. [Stylistika... 1997: 11]. В 100-миллионном подкорпусе современных письменных текстов SYN2000, входящем в состав чешского национального корпуса и адекватно отражающего, по замыслу его создателей, современную языковую ситуацию в Чехии, мы обнаружили один-единственный (!) пример употребления данного прилагательного, причем речь идет о явной аллюзии на текст Я. Неруды, ср.: *Miša tam seděla za stolem krásnooká a usměvavá, oáza klidu , miru , potěšení.*

Процессы изменения стилистического потенциала того или иного языкового средства могут происходить буквально на наших глазах. Когда в 2005 году чешское издательство LEDA в сотрудничестве со Славянским институтом Академии наук Чешской республики под названием «Большой чешско-русский словарь» / *Velký česko-ruský slovník* в одном томе переиздало в существенно переработанном виде чешско-русскую часть четырехтомного словаря, изданного в 1973 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» совместно с чехословацким «Государственным педагогическим издательством» (*Státní pedagogické nakladatelství*) и переизданного в 1976 в Праге «Государственным педагогическим издательством» совместно с советским издательством «Русский язык», стилистическую помету сменили или потеряли (то есть перешли из разряда стилистически маркированной в разряд стилистически нейтральной лексики) **сотни** словарных единиц.

Например, из разряда «обиходно-разговорное собственно-чешское койне» (помета *ob.*) в разряд «разговорный стиль чешского литературного языка» (помета *hovor.*) перешли такие слова как **anýzk||a, anýzovk||a, -y ž** анисовка *ž*; **asfaltk||a, -y ž** асфальтированное шоссе; **bál, -u m** бал *m*. Стилистически нейтральными стали ранее нелитературные слова **bankrot, -u m** банкротство; **barák, -u m** дом; **baterk||a, -y ž** электрический фонарик.

Синтагматику же стилистики, по мнению чешских исследователей, образуют закономерности объединения выразительных средств языка в

осмысленный текст, который воспринимается как стилистически однородный. В чешской стилистике принято говорить об «автоматизированном» (**automatizovaný**) употреблении языкового средства, когда слово, словосочетание, синтаксическая конструкция, особенности графического и/или фонетического оформления употреблено в полном соответствии с обстоятельствами возникновения данного коммуниката, то есть в соответствии с той или иной стилистической нормой, и употреблении «актуализированном» (**aktualizovaný**), когда это употребление данной нормы противоречит. При этом регулярное актуализированное употребление того или иного средства приводит к его автоматизации, тогда как средство автоматизированное, напротив, может под воздействием тех или иных факторов актуализироваться.

На основе автоматизации возникает постоянное стилистическое значение (**stálá stylová hodnota**), а именно качество отнесенности к определенному **объективному стилю**. Так, по свидетельству М. Чеховой, сочетание стилистически нейтральных слов *rada kladně hodnotí rostoucí pozornost veřejnosti* является публицизмом. На основе же автоматизации – контекстуальные стилистические значения (**kontextové stylové hodnoty**), речь идет о тропах, фигурах и т.д. [Stylistika... 1997: 12].

Один из основателей современной чешской стилистики Любомир Долежел более чем полвека назад в своей вызвавшей самое широкое обсуждение в научном мире монографии [Doležel 1960] обосновывал возможность и необходимость объективного стилистического описания, основанного на строгих статистических методах, предлагая сопоставлять распределение языковых средств в «актуализированных» речевых фрагментах с повествованием «автоматизированных» путем выведения средних величин из статистической обработки текстов различных жанров (поэтические тексты, художественная проза, естественнонаучные тексты, юридические тексты, драматургические тексты и т.д.). Многие тогда скептически отнеслись к данной идее, не без основания полагая, что «читатель в подсознании имеет более тонкую стилистическую модель», поскольку с точки зрения теории информации «сообщение, текст и речь можно рассматривать как вероятностный процесс, основные закономерности которого описываются распределением вероятностей его элементов: графических, фонетических, синтаксических структур, тем и т.д. Естественно предположить, что восприятие читателем текста и его декодирование опирается на вероятностное прогнозирование [Арнольд 2009].

Заметим, однако, что в результате стремительного развития компьютерных и информационных технологий то, что казалось трудноосуществимым полвека назад, сегодня таким уже не является. Подкорпус

современных письменных текстов SYN verze 8, входящий в Чешский национальный корпус, имеет в своем составе 4,5 миллиарда токенов, что вполне можно рассматривать как некий эквивалент речевого массива, проходящего через сознание человека **в течение всей его жизни**. И это в лучшем случае, ведь нетрудно подсчитать, что для того, чтобы просто проговорить такое количество слов, надо непрерывно говорить со скоростью **пяти слов в секунду по восемь часов в день** без выходных и праздничных дней в течение **более восьмидесяти лет!** Конечно, через наше сознание проходят не только те слова, которые мы произносим сами, но и те, которые мы слышим, однако **пока мы слушаем кого-то, мы сами не говорим** (а если говорим, то не слышим его). Кто-то (многие ли?) читает быстрее, чем пять слов в секунду, но много ли среди наших современников таких, кто регулярно (по много часов ежедневно) читает?

Так что мы вполне может ожидать появления компьютерной программы, которая на основании стохастического анализа сможет автоматически определять стилевую и стилистическую характеристику текста.

Связи стилистики с целым рядом лингвистических дисциплин (например, с лексикологией, с морфологией, с синтаксисом, с фонетикой и т.д.) очевидна. Весьма показательны названия глав в [Арнольд 2009]: Глава II. Лексическая стилистика. Глава III. Стилистический анализ на уровне морфологии. Глава IV. Синтаксическая стилистика. Глава V. Фонетическая стилистика. Глава VI. Стилистический анализ графики. Глава VII. Функциональная стилистика.

Пользуясь общелингвистической терминологией, а также, в случаях необходимости, терминологией смежных дисциплин – лингвистики текста (**textová lingvistika**), информатики (**informatika**), семиотики (**sémiotika**) – стилистика выработала и собственную терминологическую систему общей стилистики (**obecná stylistika**), которую называют также теоретической стилистикой (**stylistika teoretická**) и которая выступает основой для терминологических подсистем стилистики того или иного языка, например, русской стилистики (**ruská stylistika**), чешской стилистики (**česká stylistika**), немецкой стилистики (**německá stylistika**) и т.д.

Исследования, сравнивающие стилистические языковые средства различных языковых систем, образуют сопоставительную стилистику (**stylistika konfrontační/srovnávací**). Понятия **stylistika konfrontační** и **stylistika srovnávací** обычно используются в качестве синонимичным, хотя мы можем встретиться с попытками их развести, приписывая первой из них (**stylistika konfrontační**) акцент на различиях между сопоставляемыми языками, а второй (**stylistika srovnávací**) – на сходствах.

Как правило, речь идет при этом о стилистике синхронной (**stylistika synchronní**), занимающаяся языком определенной эпохи, прежде всего современной автору соответствующего исследования. Тем не менее полное право на существование имеет и стилистика диахронная (**stylistika diachronní**), исследующая стилевые и стилистические средства языка в их историческом развитии, а также стилистика сравнительно-историческая (**stylistika historickosrovnávací**), если речь идет об исторической ретроспективе стилистических средств родственных языков, то есть в рамках общего массива сравнительно-исторических исследований (компаративистики).

В нашей жизни мы учимся порождать ситуативно и интенционально адекватные тексты, то есть стилизовать свою речь, с самого детства. Немало внимания уделяется этому и в школе, причем не только на уроках родного языка и литературы с практикой регулярного написания сочинений, но и на всех тех уроках, где предполагается устное выступление ученика. В этом плане стилистику можно понимать и как науку о правилах использования тех или иных языковых средств в речи. Тогда мы говорим о практической стилистике (**praktická stylistika**), см., например, [Daneš 1957], [Minářová 2011].

Полноценные занятия стилистикой предполагаются не только отличное владение нормами **литературного языка**, но и свободную ориентацию **в иных формах существования языка этноса**, в его истории, в современной динамике языкового развития и т.д. Именно поэтому и в школе, и в вузе стилистика изучается, как правило, в конце лингвистического цикла дисциплин.

2. ЛИТЕРАТУРНОСТЬ – НЕЛИТЕРАТУРНОСТЬ

Чешский этнический язык можно рассматривать как некий конгломерат идиомов (идиомом принято называть любую форму существования языка, если её статус спорен или неважен, см. [Лингвистический... 1990]), которые выступают в качестве основного средства общения автохтонных жителей Чехии, Моравии и Силезии. Между этими языковыми образованиями много общего, они влияют друг на друга и нередко развиваются в сходных направлениях, однако вряд ли продуктивным было бы пытаться «слить» их в единую систему, подсистема фонем которой (равно как и подсистемы прочих уровней описания языка) была бы равно пригодной для описания и литературного чешского языка, и ганцацкого интердиалекта, и остравских говоров, и моравско-словацких говоров, а также прочих многочисленных представленных на названной территории чешских диалектов, ср. [Bělič 1972].

То есть сама возможность подобного описания существует, однако оно было бы, безусловно, слишком сложным для того, чтобы им можно было пользоваться в практических целях. Всякое описание, как правило, предполагает некоторое огрубление и абстрагирование от несущественных для целей данного описания деталей. Например, ответ на школьный вопрос о том, что тяжелее – тонна гвоздей или тонна пенопласта – обычно не предполагает учета архимедовой силы, хотя тех же школьников учат, что вес – это сила, с которой груз давит на опору или растягивает подвес, а тонна – единица не веса, а массы. А поскольку тело, погруженное в жидкость или газ, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная этим телом субстанция, то тонна гвоздей с меньшим, чем у тонны пенопласта, объемом при взвешивании не в вакууме будет весить действительно меньше. И это мы еще не учитывали изменения силы гравитации по мере изменения расстояния между центром тяжести Земли и центром того или иного взвешиваемого массива! Если наши грузы стоят на опоре, то в вакууме будут тяжелее гвозди, если висят на подвесе – пенопласт. Кстати, то, что взвешивание производится на поверхности Земли, в задаче тоже не оговорено.

Поэтому когда в сопоставительных, типологических и прочих «внешних» по отношению к чешскому языковому континууму исследованиях и рассуждениях речь заходит о «чешском языке» (без уточнения типа «в чешском обиходно-разговорном койне», «в говорах чешско-моравского пограничья», «в тешинских говорах» и т.д.) имеется в виду или, по крайней мере, должен бы иметься в виду **чешский литературный язык**. Например, при рассмотрении истории соотношения фонем <i> и <y> на славянском материале чешский язык должен быть назван в

числе тех языков, где данные фонемы совпали в одном качестве, хотя в говорах Силезии и чешско-польского пограничья ситуация иная, см. [Bělič 1972]. Именно чешский литературный язык как основная форма существования чешской нации выполняет функцию национально-представительскую (**národně reprezentační funkce**).

При всем этом, однако, внутри чешского этнического языка налицо дихотомия «литературный чешский язык» – «нелитературная форма чешского языка», в качестве которой может выступать территориальный диалект (**teritoriální dialekt**), развившийся на базе территориальных диалектов интердиалект (**interdialekt**), койне или «обыкновенный» язык (**kojné = obecný jazyk**), ср. *čolek obecný – tritón obyknovenňnyj* (термин «койне» восходит к греческому κοινὴ διάλεκτος ‘общий язык’).

Все эти нелитературные идиомы так же, как и литературный чешский язык, обладают системной организацией и довольно строгой нормой, см. [Stylistika... 1997: 14].

Дихотомия литературность (**spisovnost**) – нелитературность (**nespisovnost**) первоначально была связана с различиями письменной и устной речи (**psaná řeč – mluvená řeč**), о чем, собственно говоря, в чешском языке достаточно явно свидетельствует очевидная близость термина **spisovný** ‘литературный’ с дериватами глагола **psát** ‘писать’, и утвердилась, видимо, уже к XIV веку, когда чешский письменный язык, вытеснив старославянский (**staroslověnština**) или, в терминологии [Margvan 2015], чехо-славянский (**českoslověnština**) язык в качестве культурного языка чешских земель, начал успешно конкурировать с латынью и немецким.

Данное противопоставление литературности и нелитературности как противопоставление письменной и устной речи господствовало на протяжении столетий, когда редкостными явлениями были не только творческие акты создания текстов, но и акты «консумации» этих текстов – их чтение немногими грамотеями. Тогда про очень немногих можно было сказать *Mluví jako kniha*, для большинства же подходило другое выражение – *Mluví jak mu zobák narostl*, ср. [Stylistika... 1997: 15].

Положение принципиально изменилась к концу XIX века, когда формальное образование стало доступным весьма широкому кругу носителей чешского языка, в результате дихотомия литературности – нелитературности стала связываться прежде всего с противопоставлением публичной манеры говорить (**vyjadřování veřejné**) манере приватной, доверительной, фамилиарной (**vyjadřování soukromé, důvěrné, familiární**). Противопоставление «высокое» – «низкое» (**vysokost – nízkost**) оказалось замененным противопоставлением «публичная сфера» – «личная сфера» (**veřejná – soukromá sféra**) с дополнительными атрибутами «формальность» – «неформальность» (**formálnost – neformálnost**)

и «официальность» – «неофициальность» (**oficiálnost – neoficiálnost**), ср. [Bermel 2010: 27]. Носители чешского языка начинают выбирать те или иные языковые средства по шкале книжных до простонародных и даже вульгарных в зависимости от ситуации общения.

Поэтому стилистика не может ограничиваться изучением текстов исключительно литературных, она не может игнорировать тексты, таковы не являющимися. Описание же текстов может осуществляться с учетом различных их аспектов.

С точки зрения общественного и политического значения (**z hlediska společenského a politického významu**) мы различаем язык и диалект (**jazyk – dialekt**). Теоретически каждый диалект может быть описан по той же схеме, что и язык, разве что без кодификационной составляющей.

С точки зрения социолингвистики (**z hlediska sociolingvistického**) мы различаем идиомы престижные и непрестижные (**prestížní – neprestížní**). По свидетельству авторов [Stylistika... 1997: 19], в чешском языке пространство функцию престижного идиома по-прежнему выполняет прежде всего литературный чешский язык (**spisovná čeština**), который противостоит собственно-чешскому койне (**obecná čeština**) на большей части Чешской республики за исключением северо-восточных областей Моравии и Силезии, где позицию непрестижного идиома по-прежнему занимают традиционные территориальные диалекты (**tradiční teritoriální dialekt**). Интересно, что на этой территории (северо-восток Моравии и Силезия) позицию престижного идиома может занимать не только чешский литературный язык (**spisovná čeština**), но и собственно-чешское койне (**obecná čeština**). Впрочем, это не исключает возможности обращения говорящего к непрестижному идиому в знак протеста против «официозности» идиома престижного.

С точки зрения структурной организации (**z hlediska strukturního**) можно противопоставить то, что авторы «Стилистики современного чешского языка» (1997) обозначают как (**komplexní jazykové útvary** и (**nekomplexní**) **poloútvary** [букв. «(комплексные) языковые образования» и «(некомплексные) полуобразования»]. К первой группе они относят такие идиомы, как литературный чешский язык (**spisovná čeština**), традиционный территориальный диалект (**tradiční teritoriální dialekt**), «культурный» вариант собственно-чешского койне („**kulturní**“ **obecná čeština**), отличающиеся относительной стабильностью, а также существенно менее стабильные интердиалекты (**interdialekty**), региональные варианты чешского койне (**regionálně vázaná obecná čeština**), региональные варианты чешского литературного языка (**oblastní variety spisovné češtiny**). Во второй группе идиомов авторы «Стилистики...» рассматривают профилекты (**profesní mluva**), арго (**argot**), сленги (**slang**)

[Stylistika... 1997: 19]. «Комплексность» идиомов первой группы состоит в их организованности на всех уровнях языковой системы – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и т.д., тогда идиомы группы второй проявляют своеобразие практически лишь на уровне лексическом, что же касается прочих языковых уровней, то они совпадают с соответствующим уровнем того или иного идиома первой группы. Иначе говоря, идиомы второй группы лексически «надстраиваются» над тем или иным «комплексным» идиомам первой группы.

С точки зрения речевой реализации (**z hlediska promluvového**) мы можем подразделять тексты на устные (**jazykové projevy mluvené**) и письменные (**jazykové projevy psané**). В первом случае мы имеем дело, как правило, с разговорной формой чешского литературного языка (**hovorová čeština**) с собственно-чешским койне (**obecná čeština**), с интердиалектом (**interdialekt**), с территориальным диалектом (**teritoriální dialekt**), во втором случае, опять же как правило, – с чешским литературным языком. Мы употребили оговорку «как правило», потому что никто не запрещает, например, какому-нибудь снобу-интеллектуалу говорить на литературном чешском языке (**mluvit spisovně**). С другой стороны, в чешской литературе представлена традиция художественной фиксации нелитературной речи. Диалектизмы мы находим в репликах персонажей классических произведений Алоиза Ирасека и Ладислава Струпежницкого, братьев Вилема и Алоиза Мрштиков. Но если раньше диалект или сленг были способом построения языкового портрета персонажа, то сейчас мы можем встретить произведения, где нелитературный идиом проник и в авторскую речь, как это мы можем наблюдать в сборнике рассказов Зденека Галушки *Slovácko sa súdí aj nesúdí* (<http://saxcom.sweb.cz/>), ставших основой для одноименного сериала – тоже на диалекте.

При этом речь может идти о не только о «комплексных» идиомах, в целом понятных всем или, по крайней мере, большинству носителей чешского языка, но и о сленгах, зачастую нуждающихся в «переводе» не только для иностранца, но и для обычного чеха. Это, например, известный уже более ста лет брненский **hantec**, см. далее параграф 5.4.

В точки зрения языкового развития (**z hlediska vývojového**) чешская стилистика различает идиомы прогрессивные (**progresivní**) и архаические (**archaické**), будь-то во времени (**stará čeština – nová čeština**) или в пространстве (изоглоссная карта диалектов), ср. [Stylistika... 1997].

С точки зрения психолингвистики (**z hlediska psycholingvistického**) бывает важно различать речь говорящего и речь слушающего. Например, то, что говорящий может задумывать как череду придикий с сочинительной связью между ними, слушающий может воспринять как конструкцию со связью подчинительной. Говорящий может не расслы-

шать чего-то из того, что ему сообщил слушающий. Наконец, у слушающего могут быть иные, чем у говорящего, взгляды на тот или иной феномен внеязыковой действительности при совпадении (относительном, потому что абсолютных совпадений не бывает) их идиолектов. Например, для кого-то понятие «раб Божий» связано с добровольной несвободой, а для кого-то – наоборот, ведь он принадлежит самому Создателю, следовательно, над ним не властен никто другой. Вспомним эпизодического персонажа «Белого отряда» А. Конан Дойля, гордившегося тем, что он «собственность короля» (*Clear the causeway for the king's own man*), а ведь быть собственностью Всевышнего гораздо почетнее.

Наконец, с точки зрения гносеологии (**z hlediska gnoseologického**) мы можем различить случаи, когда с помощью языка мы познаем внешнюю объективную действительность и случаи, когда предметом познания является сам язык. В последнем случае речь идет уже о метаязыке (**metajazyk**), нуждающийся в собственной терминологии.

3. НОРМА

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что хотя и отечественное, и чешское понимание нормы восходит к одним и тем же трудам 30-х годов прошлого столетия Б. Гавранека, ср. [Navránek 1932], мнения наших отечественных и зарубежных коллег могут весьма существенно расходиться.

Языковая норма (**jazyková norma**) была определена Б. Гавранеком в рамках его же теории литературного языка как набор языковых средств, которые в данном языковом сообществе регулярно используются и рассматриваются данным сообществом как обязательные (**jsou považovány za závazné**). Это предельно ёмкое определение получало впоследствии те или иные «дополнения» и «уточнения». Например, могло оговариваться, что кроме набора языковых средств важны еще и правила их взаимодействия; что языковая норма не включает всё теоретически допустимое в данном языке, а лишь часть из них; что норма может быть вариативной (*v jazyku / v jazyce*) и т.д., ср. [Encyklopedický... 2002: 288-289].

Авторы московского [Лингвистический... 1990: 337] предлагают, казалось бы, сходное определение: «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Н. как совокупность стабильных и унифицированных средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфич. признаком литературного языка нац. периода. В более широкой трактовке Н. трактуется как неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития».

Нетрудно, однако, заметить, что формулировка, использованная Б. Гавранеком, позволяет рассматривать, наряду с литературной нормой, также и нормы нелитературные, тогда как формулировка «отечественная» провоцирует отождествление языковой нормы с нормой литературной (да еще при этом и с нормой кодифицированной). И действительно, для многих московских коллег автора настоящих строк само понятие «нелитературная норма» – абсурдное сочетание вроде квадратного круга, ср. следующее взятое из Википедии (и тем самым отражающее «народное», то есть массовое представление о том или ином явлении) определение узуса, которое вполне подходит для того, что мы могли бы назвать «нелитературной нормой»:

Úzus (от лат. usus – применение, обычай, правило) – общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц (слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций).

Узуальное употребление, с одной стороны, противопоставляется окказиональному (временному, индивидуальному, обусловленному специфическим контекстом) употреблению и, с другой стороны, языковой норме.

Под узусом также понимаются и «частные» нормы, отличающиеся от нормы литературного языка; в этом смысле говорят об узусах профессиональных (например, узусе научного изложения), узусах социальных групп, узусе обиходного общения и т.п. Узус, будучи тесно связанным с языковой нормой, тем не менее отличен от неё: узус может фиксироваться словарями (толковыми, фразеологическими, орфографическими и т.п.) и далее кодифицироваться в языковую норму.

Забавно, что раздел «Литература» данной статьи Википедии (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B7%D1%83%D1%81> Обращение 14.11.2016) содержит отсылку (причем иных отсылок в данном разделе нет вообще) к популярному пособию Н.Б. Мечковской, в котором мы легко можем найти, наряду с «нормой литературного языка», также «нормы нелитературных вариантов языка» и в котором при этом подчеркивается, что первая – «это только одна из сосуществующих норм общенародного языка, причем в реальности не всегда самая распространенная» [Мечковская 2000].

Авторы [Stylistika... 1997: 22след.] под языковой нормой (**jazyková norma**) понимают открытый набор языковых средств, а также закономерностей их употребления в составе той или иной формы существования языка (**jazykový útvar**), которые осознаются коллективом носителей языка как подходящие для достижения той или иной коммуникативной цели и предлагают рассматривать два аспекта языковой нормы – аспект процессуальный (**procesuální aspekt**) и аспект оперативный (**operativní aspekt**). В первом случае норма формируется и развивается в языковом сознании носителя той или иной формы существования этнического языка независимо от каких-либо его сознательных к этому усилий, во втором же, касающемся исключительно литературного языка, речь идет о метаязыковом осмыслении языкового материала и последующей его стандартизации (для нового языка) и кодификации. Осознание, метаязыковое осмысление, сохранение и упрочение нормы весьма важны как интегрирующий компонент национального самосознания.

Языковая норма, которую, в отличие от иных рассматриваемых в последующем изложении норм, можно назвать также нормой структурной (**norma strukturní**), может характеризоваться с точки зрения развития языка – как архаическая (**archaická**) или прогрессивная (**progresivní**). Так, современная чешская языковая норма архаична, тогда как современная словацкая – прогрессивна. Языковую норму можно оценивать и с точки зрения степени её соответствия актуальным по-

культурно-политическим и цивилизационным потребностям – для языка до и после изобретения книгопечатания, до и после введения обязательного всеобщего образования, до и после появления электронных чатов; для моно- и полиэтнического общества, для функционирования в качестве государственного языка и в качестве языка межгосударственного общения и т.д.

Языковая или структурная норма складывается из норм более частных. Это норма орфографическая (**pravopisná**), орфоэпическая (**výslovnostní**), грамматическая (**mluvnická**), словообразовательная (**slovotvorná**), лексическая (**lexikální**) и т.д. Одни из этих частных норм могут отличаться большей, другие меньшей строгостью. Различаться по этому параметру могут и соотносительные нормы различных языков, вспомним, например, английский и русский принципы пунктуации.

Как и в русистике, в богемистике наряду с языковой нормой выделяют также и норму стилистическую (**stylová norma**), определяющая выбор и организацию языковых средств в рамках того или иного функционального стиля. Именно поэтому в отечественных работах наряду с превалирующей по употребительности огласовке данного термина «стилистическая норма» в том же значении используется иногда огласовка «функционально-стилевая норма», ср. [Воронцова 2009: 49-51], которая может редуцироваться до огласовки «стилевая норма», ср. [Шумарин, Шумарина 2008: 203].

Следование той или иной стилистической модели (**stylový model**), например, стилистических моделей «прогноз погоды», «сообщение об официальном визите», «нота протеста» и т.п. приводит к автоматизации употребления тех или иных языковых средств, что облегчает читателю/слушателю восприятие информации, так как активизирует стохастические механизмы речевого прогнозирования. Доменой подобной автоматизации являются административный и публицистический дискурс.

Стилистическая норма возникает и развивается в связи с экономическим, политическим и культурным развитием общества по мере формирования тех или иных функциональных стилей и функциональных жанров.

Важнейшим фактором, влияющим на ситуацию со стилистическими нормами, является система образования: ученики и студенты учатся формулировать свои устные и письменные коммуникаты так, чтобы они максимально соответствовали той или иной стилистической сфере.

Важна и общая культурно-политическая ситуация в обществе, существующая традиция отношения общества к языку.

Отметим и специальную нормотворческую деятельность лингвистов и других исследователей. Отметим, например, всевозможные спра-

вочники и пособия по составлению тех или иных юридических или экономических документов.

Понятие стилистической нормы связано с понятием стилистической погрешности (**slohový nedostatek**) и стилистической ошибки (**slohová chyba**), отсутствие которых соблюдением нормы языковой, как подчеркивают отнюдь не гарантируется, ср. *Dalším bodem programu byla střelba hostů... Krájejte tři dny staré housky* [Stylistika... 1997: 26]. Сюда же можно отнести:

- небрежное произношение во время публичного выступления;
- искаженное произношение звуков и их сочетаний;
- нарушение грамматического согласования слов в предложении – анаколупф (**anakolut**);
- унификация форм стоящих рядом слов в нарушение синтаксической связи между двумя членами предложения – аттракция (**atrakce**) *Spoustě lidem/lidí to vůbec nevadiloú; Je širší než delší/dlouhý;*
- объединение глаголов, управляющих разными падежами, одним дополнением – зевгма (**zeugma**) *Včera jsem viděl a mluvil s Petrem;*
- объединение сходных элементов нескольких выражений – контаминация (kontaminace) *He plouj v koloděj – sam tuda pada-deš/Vyletem – ne poymaeš; Баба с возу – и волки сыты.*

Отметим, впрочем, что контаминация являлась и является весьма продуктивным способом образования новых понятий, ср. *bujarý < buhný + jarý; krumpáč < der Krumm + kopáč; autobus < automobil + omnibus; +čerchmant < čest homofobie < homosexualita + fobie; myšitko < tkačičko + myši.*

Наряду с нормой языковой и нормой стилистической в научный обиход А. Едличка ввел понятие нормы коммуникативной (**komunikační norma**), которая, в отличие от них, «манифестируется не только в языковой (вербальной) составляющей, но также и в составляющих неязыковых (невербальных)», см. [Jedlička 1982: 279].

Это находится в русле характерной для лингвистических исследований последней четверти истекшего столетия их «прагматизация». Необыкновенно популярной становится теория речевых актов, ядро которой было заложено в лекциях Дж.Л. Остина в Гарвардском университете в 1955, опубликованных в [Austin 1962], центральным понятием которой является понятие *речевого акта*, интерпретируемого как способ осуществления целенаправленных действий с помощью средств языка в процессе речепроизводства и заключающегося в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему в определенной обстановке с конкретной целью.

Речевой акт рассматривается как трехуровневое единство, представляющее собой три вида действий: *локуцию*, *иллокуцию* и *перлокуцию*. Дж. Л. Остин предложил классификацию речевых актов, которая, однако, как и классификации некоторых его последователей [Vendler 1972; Fraser 1975], отчасти [Wierzbicka 1972], опиралась на английский материал. Поэтому безусловно более интересной представляется классификация Дж. Р. Серля, которая, хотя также опирается на материал английского языка, имеет более универсальный характер. Дж. Р. Серль предложил 12 параметров классификации речевых актов:

(1) *Различия в цели данного (типа) акта*. Так, иллокутивная цель приказа может быть охарактеризована как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Цель описания – в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Цель обещания – в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто.

(2) *Различия в направлении приспособления между словами и миром*. Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова соответствовали миру, другие – так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую категорию, обещания и просьбы – во вторую.

(3) *Различия в выраженных психологических состояниях*. Человек, констатирующий, утверждающий, объясняющий или заявляющий, что *p*, *выражает убеждение, что p*; человек, который обещает, клянцется, угрожает или ручается, что сделает *a*, *выражает намерение сделать a*; человек, который приказывает, командует, просит, чтобы слушающий *H* сделал *A*, *выражает желание (пожелание, потребность), чтобы H сделал A*; человек, приносящий извинение за совершение *A*, *выражает сожаление по поводу совершения A*, и т. д. В общем случае, производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т. п., касающееся этого пропозиционального содержания. Это имеет место даже если говорящий неискренен, даже если он не имеет в действительности того убеждения, желания, намерения, не испытывает того сожаления или удовольствия, которое он выражает.

(4) *Различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель*. Так, высказывания «Я предлагаю пойти в кино» и «Я настаиваю на том, чтобы мы пошли в кино» обладают одинаковой иллокутивной целью, но подаваемой с различной степенью энергичности.

(5) *Различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания*. Если генерал побуждает рядового убраться в комнате, – это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой попытается побудить генерала

сделать то же самое, то это может быть советом, предложением или просьбой, но никак не приказом.

(6) *Различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего.* Речь идет о различиях, например, между похвалой и жалобой, поздравлением и соболезнованием.

(7) *Различия в соотношении с остальной частью дискурса.* Высказывания типа «Я отвечаю», «Я заключаю», «Я возражаю» служат для того, чтобы соотнести одни высказывания с другими, иные же несут более самостоятельный характер.

(8) *Различия в пропозициональном содержании, определяемые на основании показателей иллокутивной силы.* Так, различие между сообщением и предсказанием связано с тем обстоятельством, что предсказание должно делаться о будущем, а сообщение о прошедшем или настоящем.

(9) Различия между теми актами, которые всегда должны быть речевыми актами, и теми, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами. Так, можно расклассифицировать объекты, сказав «Я отношу это к классу А, а это – к классу В», однако можно просто сложить все предметы типа А в коробку для А, а все предметы типа В в коробку для В.

(10) *Различия между теми актами, которые требуют для своего осуществления внеязыковых установлений, и теми, которые их не требуют.* Есть большое количество иллокутивных актов, требующих существования некоторого внеязыкового установления, а также некоторого специального положения говорящего и слушающего в рамках этого установления. Так, для того, чтобы сочетать браком, приговорить к тюремному заключению, отлучить от церкви, удалить игрока с поля или объявить войну соседнему государству, недостаточно, чтобы произвольный говорящий сказал произвольному слушающему «Объявляю вас мужем и женой», «Отлучаю тебя» и т. п. Нужно еще, чтобы говорящий занимал определенное положение в рамках некоторого установления внеязыкового порядка.

(11) Различия между теми актами, в которых соответствующий иллокутивный глагол употреблен перформативно, и теми, в которых перформативное употребление глагола отсутствует. Не все иллокутивные глаголы являются перформативными. Так, можно осуществить речевой акт приказа, произнеся «Приказываю...», но нельзя совершить акт похвалы, произнеся «Настоящим я хвалюсь...».

(12) *Различия в стиле осуществления иллокутивных актов.* Так, различия между оглашением и сообщением по секрету не обязательно связано с каким-либо различием в иллокутивной цели или пропозицио-

нальным содержанием, а только в стиле осуществления иллокутивного акта.

На основе данных двенадцати критериев Дж. Р. Серль выделил пять следующих классов речевых актов:

– *репрезентативы*, информирующие слушающего о положении дел в действительности;

– *директивы*, представляющие попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил;

– *комиссивы*, которыми говорящий возлагает на себя обязательство совершить определенное действие;

– *экспрессивы*, выражающие психологическое состояние говорящего;

– *декларации*, вносящие изменения в статус указываемых объектов самим фактом произнесения, см. [Серль 1986: 172-177, 179-188].

Отметим также различие *прямых* и *косвенных* речевых актов, *простых* и *гибридных*, *институализованных* и *неинституализованных*, *инициативных* и *реактивных*:

Иллокутивная сила *прямых* речевых актов соответствует языковой семантике использованного формального средства, иллокутивная сила *косвенных* речевых актов выводится из буквального значения формального средства с учетом речевой ситуации, ср., например, [Searle 1975; Conrad 1983]. *Простым* речевым актом является, например, *приказ* (директивный речевой акт), *гибридным* – *приглашение*, совмещающее признаки директивного и комиссивного речевых актов, ср. [Wunderlich 1977; Hancher 1979]. *Неинституализованные* речевые акты имеют более или менее универсальный узус (например, речевые акты *констатации* или *вопроса*), тогда как *институализованные* речевые акты специфичны для определенных видов общения (например, *проповедь*) [Wunderlich 1980: 296]. *Инициативные* речевые акты выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, а *реактивные* сами являются реакцией на то или иное действие [Mluvnice čeština 1987: 306].

Таким образом, чешские лингвисты оперируют понятиями трех типов нормы: норма языковая, норма стилистическая и норма коммуникативная.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ

Как уже отмечалось, традиционная для чешской школьной традиции четырехкомпонентная классификация функциональных стилей восходит в конечном итоге к работе Б. Гавранека *Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura* [Havránek 1932], в которой рассматриваются три основные функции литературного языка, а именно функция общения (**funkce komunikativní**), функция сообщения (**funkce sdělovací**) и функция [эстетического] воздействия (**funkce estetická**), хорошо знакомые отечественному филологу по работам В.В. Виноградова (см., например, весьма добротный анализ влияния идей «Пражского лингвистического кружка» на отечественную стилистику в [Липгарт, Хуринов 2013]). Для реализации названных функций в чешском языковом пространстве используются наборы соответствующих средств чешского литературного языка, которые Б. Гавранек назвал «функциональными языками»: «разговорный/коллоквиальный язык» (**jazyk hovorový/konverzační**) для функции общения, «язык рабочий/деловой» (**jazyk pracovní/věcný**) для функции «практического сообщения» (**funkce prakticky sdělovací = funkce prakticky odborná**), «язык научный» (**jazyk vědecký**) для функции «теоретического сообщения» (**funkce teoreticky odborná**), «язык поэтический» (**jazyk básnický**) для функции эстетической (**funkce estetická**). Отметим, что Б. Гавранек рассматривал «функциональные языки» как явления уровня *parole*, то есть как нечто, восходящее к единому (на уровне *langue*) чешскому литературному языку.

Помимо Б. Гавранека, за функциональный подход к пониманию языковой культуры выступал и В. Матезиус [Mathesius 1940], отстаивавший необходимость учитывать не только авторский индивидуальный стиль, но и «стиль функционального объекта» (**sloh funkčního objektu**), имеющий более общий характер.

Концепция Б. Гавранека в целом выдерживается в работе Й.В. Бечки [Bečka 1948], где также говорится о «функциональных разновидностях литературного языка» (**funkční podoby spisovného jazyka**), или о «функциональных языках» (**funkční jazyky**), хотя сам инвентарь «функциональных языков» здесь несколько иной. На противоположных полюсах располагаются «язык научный» (**jazyk vědecký**) и «язык художественный» (**jazyk umělecký**), между которыми помещен «язык практический» (**jazyk praktický**), подразделяющийся, в свою очередь, на «язык официально-деловой, хозяйственный» (**jazyk úřední, hospodářský**), включая «язык торговый» (**jazyk obchodní**) и «язык журналистский» (**jazyk novinářský**). Весьма ценным было и обоснование особого статуса «разговорного языка», рассматривать которого в каче-

стве такой же parole-реализации чешского литературного языка, в качестве каковых рассматриваются прочие «функциональные языки», вряд ли правомерно, учитывая интегрированность в него элементов обиходно-разговорного чешского койне и/или диалектов, восходящих к иным, нежели литературный язык, langue-системам.

Ценный вклад в формирование чешской стилистической традиции внес Ф. Травничек [Trávniček 1953], рассматривавший так называемые «типы литературного слога» (**druhy spisovných slohů**), противопоставляющий «слог теоретический» (**sloh teoretický**) и «слог практический» (**sloh praktický**) и выделяющий типы «журналистский» (**novinářský**), «ораторский» (**řečnický**), «официально-деловой» (**úřední**), «общественный» (**společenský**), то есть коллоквиальный (**konverzační**), и «художественный» (**umělecký**).

Организованная и проведенная в 1954 году Институтом чешского языка Чехословацкой академии наук конференция по проблемам стилистики утвердила классификацию функциональных стилей чешского литературного языка Б. Гавранека в качестве базовой, оговорив возможность её расширения за счет бурно развивающегося стиля публицистического (**styl publicistický**), а также особый статус разговорного стиля (**styl hovorový**) литературного чешского языка, в которых в определенных условиях проникают элементы иного структурного образования – так называемого «обиходно-разговорного чешского языка» (**obecná čeština**), ср. написанные на основе выступлений на данной конференции статьи [Trost 1955], [Pauliny 1955], [Hausenblas 1955]. Об обсуждении концепции Б. Гавранека современниками см. [Мареш 2014].

В итоге эта расширенная классификация функциональных стилей чешского литературного языка стала общепринятой в чешской школьной традиции (и продолжает во многом ею оставаться) в том числе благодаря многократно переиздаваемому классическому учебнику для гимназий Б. Гавранека и А. Едлички «Чешская грамматика» (**Česká mluvnice**), ср., например [Navránek, Jedlička 1981].

В новаторской «Настольной грамматике чешского языка» (Příruční mluvnice češtiny), подготовленной в университете имени Т.Г. Масарика в Брно под редакцией П. Карлика, М. Некулы и З. Рушиновой, автор раздела «Стилистика» М. Елинек приводит наиболее актуальную, по его мнению, таблицу функциональных стилей, в которой каждый «функциональный стиль» (**funkčních stylů**) соответствует той или иной «коммуникативной функции» (**komunikační funkce**), ср:

Tabulka funkčních stylů

Komunikační funkce	Funkční styl
Estetickoaktualizační ve vyprávění, řídk. popisu v dialozích s důrazem na aktualizaci	Styl umělecký prozaický dramatický poetický
Konverzační v prostředí soukromém v prostředí veřejném	Styl konverzační (kolokviální) soukromý veřejný
Epistolární (korespondenční) v prostředí soukromém v prostředí veřejném	Styl epistolární soukromý veřejný
Odborná teoretická praktická popularizační	Styl odborný vědecký odborněpraktický odborněpopularizační
Právně-administrativní (úřední)	Styl právně-administrativní (úřední)
Ekonomická (hospodářská)	Styl ekonomický (hospodářský)
Propagační	Styl propagační (reklamní)
Získávací pro ideologii	Styly ideologické (např. náboženský)
Publicistická (novinářská) zpravodajská úvahová interviewová přesvědčovací (persvazivní)	Styl publicistický (novinářský) zpravodajský úvahový interviewový přesvědčovací
Esejistická	Styl esejistický
Direktivní	Styl direktivní
Orientační	Styl orientační

[Příruční... 1996: 725]

Как мы видим, данная классификация существенно образом развивает и дополняет классическую четырехкомпонентную классификацию.

Появляется эпистолярный функциональный стиль (**styl epistolární**), административно-правовой (**styl právně-administrativní**), он же официально-деловой функциональный стиль (**styl úřední**), экономический (**styl ekonomický**), он же хозяйственный функциональный стиль (**styl hospodářský**), пропагандистский (**styl propagační**), он же рекламный функциональный стиль (**styl reklamní**), эссеистский функциональный стиль (**styl esejistický**), директивный функциональный стиль (**styl direktivní**), ориентационный функциональный стиль (**styl orientační**) и, наконец, набор стилей идеологических (**styly ideologické**), из которых

назван в качестве примера религиозный функциональный стиль (**styl náboženský**).

Кроме того, в рамках традиционных четырех функциональных стилей выделяются их варианты: в рамках художественного функционального стиля (**styl umělecký**) выделяются (под)стили прозаический (**prozaický**), драматический (**dramatický**) и поэтический (**poetický**), в рамках специального стиля (**styl odborný**) – (под)стили научный (**vědecký**), специально-практический (**odborněpraktický**) и популяризаторский (**odborněpopularizační**), в рамках публицистического стиля (**styl publicistický**), который обозначен также как журналистский стиль (**styl novinářský**) – (под)стили новостной (**zpravodajský**), аналитический (**úvahový**), интервью (**interviewový**), персуазивный (**přesvědčovací**).

В рамках же традиционно выделяемого разговорного (**styl konverzачní**) или коллоквиального функционального стиля (**styl kolokviální**) выделяются (под)стили приватный (**soukromý**) и публичный (**veřejný**). Отметим, что использовавшегося Б. Гавранек для обозначения данного «функционального языка» (= функционального стиля) прилагательного **hovorový** М. Елинек избегает, чтобы, как мы полагаем, не возникла нежелательная интерференция с понятием **hovorová čeština**.

Свою концепцию М. Елинек развивает в написанных им для «Энциклопедического словаря чешского языка» статьях, в частности, в статьях **Styl (sloh)**, **Styl funkční**, **Styl odborný**, **Styl publicistický**, **Styl umělecký**, **Styl dramatický**, **styl poetický** (s. básnický), **Styl prozaický**, **Styl esejistický**, см. [Encyklopedický... 2002]. По мнению М. Елинека, число выделяемых функциональных стилей зависит от числа соответствующих коммуникативных функций, что, в свою очередь, во многом определяется степенью обобщения: мы можем говорить, например, о едином журналистском стиле (**styl žurnalistický = novinářský**) либо, на меньшей степени обобщения, о двух более конкретных стилях – о стиле новостном (**zpravodajský**) и о стиле комментаторском, он же стиль аналитический (**komentářový = analytický**) [Encyklopedický... 2002: 450]. Как мы помним, в «Настольной грамматике чешского языка» в рамках публицистического стиля (**styl publicistický = novinářský**) вычленились еще стиль интервью (**interviewový**), с также стиль персуазивный (**přesvědčovací**).

В статье **Styl funkční** М. Елинек предлагает делить функциональные стили на три основные группы, а именно на стили информативные (**stylely věcně informační**), основной функцией которых [вернее, основной функцией соответствующих коммуникатов. – А.И.] является более или менее объективно и полно информировать адресата, стили персуазивные (**stylely persvazivní = přesvědčovací = získávací**), служащих для

управления адресатом, и стили художественные (**styly umělecké**) с доминирующей эстетической функцией.

Среди информативных стилей наиболее характерным является, по мнению М. Елинека, специальный стиль (**styl odborný**), и прежде всего [в качестве его подстиля. – *А.И.*] стиль теоретический (**teoretický**), он же научный (**vědecký**). Автор коммуниката, выдержанного в данном стиле, ограничен в выборе лексики и синтаксических конструкций – он обязан придерживаться соответствующей терминологии, а также принципов эксплицитности и когерентности, избегать экспрессивного, а также «актуализированного» употребления языковых средств. (Вспомним, что в чешской стилистике принято говорить об «автоматизированном» употреблении языкового средства, когда слово, словосочетание, синтаксическая конструкция, особенности графического и/или фонетического оформления употреблено в полном соответствии с обстоятельствами возникновения данного коммуниката, то есть в соответствии с той или иной стилистической нормой, и употреблении «актуализированном», когда это употребление данной норме противоречит).

Специальный стиль (**styl odborný**), и особенно [в качестве его подстиля. – *А.И.*] стиль практический (**praktický**) имеет много пересечений со стилем административным (**administrativní**) или административно-правовым (**administrativně-právním**), предназначенного для коммуникации между управляющими органами, юридическими и физическими лицами. Требование точности и однозначности приводит к использованию юридических формулировок, что сближает административный стиль с юридическим подстилем специального стиля (**odborný styl právní**). Многое сближает административный стиль со стилем хозяйственным (**hospodářský**) или экономическим (**ekonomický**). Поскольку в случае со специальным, административным и хозяйственным стилем речь идет о стилях примарно письменных, многие стилистические особенности письменной речи проникли и в разговорные жанры этих стилей.

К информативным стилям М. Елинек относит и стиль публицистический (**styl publicistický**), хотя его коммуникаты нередко обладают, помимо функции информирования, также и функцией убеждения. Поскольку к области публицистики относятся не только газетные и журнальные публикации, но также и устные выступления по радио и по телевидению, а также в различных собраниях, М. Елинек предлагает понимать публицистический стиль (**styl publicistický**) шире, чем журналистский стиль (**styl žurnalistický = novinářský**), с которым обычно публицистический стиль отождествляется. В устных публичных выступлениях формируется ораторский, он же риторический стиль (**styl řečnický**

= **rétorický**), иногда рассматриваемый как самостоятельный функциональный стиль.

Немаловажное место среди информативных стилей занимает стиль colloquialный (**styl konverzační**), называемый (не вполне точно, как полагает М. Елинек) также разговорным (**hovorový**) или стилем информирующим (**prostě sdělovací**), а также стиль эпистолярный, он же корреспондентский (**epistolární = korespondenční**). Первый из двух названных стилей отличается свойствами устных коммуникатов, второй – письменных. И в том, и в другом стиле возможно использование нелитературных элементов, экспрессивных языковых средств, эллиптических конструкций и т.д.

В числе персуазивных стилей М. Елинек отмечает, помимо аналитических жанров журналистского стиля, прежде всего стиль ораторский, он же риторический (**styl řečnický = rétorický**), а также стиль рекламный (**styl reklamní**). Отчасти персуазивной функцией обладает и религиозный стиль (**styl náboženský**), цель которого, по мнению М. Елинека, – добиться того, чтобы адресат солидаризировался с высказываемыми мыслями и чувствами. Наконец, в числе персуазивных стилей М. Елинек называет директивный стиль (**styl direktivní**), с помощью которого регулируется поведение общества или его части.

К художественным стилям, то есть к стилям, формирующим на более высоком уровне обобщения единый художественный стиль, М. Елинек относит стиль прозаический (**styl prozaický**), стиль драматический (**styl dramatický**) и стиль поэтический (**styl poetický**), посвящая каждому из них отдельную словарную статью. Особенностью художественных стилей, особенно последних двух из названных выше, является высокая вероятность того, что в чешской традиции называется «актуализированным» использованием языковых средств.

Не упомянутому в статье **Styl funkční** эссеистскому стилю М. Елинек посвящает отдельную статью **Styl esejistický**, где рассматривает его в рамках стиля специального (**styl odborný**). Кроме того, эссеистский стиль анализируется также в статье М. Елинека **Styl odborný**, где он интерпретируется как результат взаимовлияния специального и художественного стилей.

Из обозначенных в «Настольной грамматике чешского языка» (1996) основных функциональных стилей в «Энциклопедическом словаре чешского языка» (2002) М. Елинек не счёл нужным отметить лишь ориентационный функциональный стиль (**styl orientační**), однако отметил, как мы видим, отсутствовавший в [Příruční... 1996: 725] стиль ораторский, он же риторический (**styl řečnický = rétorický**), формирующийся в устных публичных выступлениях и некоторыми исследовате-

лями рассматриваемый в качестве самостоятельного функционального стиля.

Отдельную статью **Styl řečnický (s. rétorický)** об ораторском (= риторическом) функциональном стиле для «Энциклопедического словаря...» (2002) написал И. Краус (Jiří Kraus), перу которого в данном словаре принадлежат, в частности, также статьи об административном стиле (**styl administrativní = s. administrativně právní, s. jednací, s. úřední, s. hospodářský, s. institucionální komunikace**), эпистолярном стиле (**styl epistolární = s. korespondenční, s. listovní**) и религиозном стиле (**styl náboženský = s. sakrální**).

Я. Гоффманнова (Jana Hoffmannová) в статьях **Styl hovorový** и **Styl konverzační** подробнейшим образом рассмотрела историю употребления этих иногда смешиваемых терминов, а также их функциональное наполнение.

О. Мюллерова (Olga Müllerová) написала для «Энциклопедического словаря...» (2002) статьи о «телефонистском» и о «телеграфном» стиле: **Styl telefonický** и **Styl telegrafický**.

Приведенная концепция была в целом сохранена и в новом, существенно расширенном издании словаря *Nový encyklopedický slovník češtiny* (2016), хотя некоторые изменения в нём, безусловно, наличествуют. Например, изменился формат названия словарной статьи (**Styl funkční** → **Funkční styl**), в результате чего функциональные стили, компактно описанные в первом издании (там они все были на букву **F**), оказались разбросанными по двум с лишним тысячам страниц издания нового, были учтены вышедшие со времени первого издания публикации, две статьи Я. Гоффманновой слились в одну, изменились авторы у некоторых статей – статью «Функциональный стиль» **Funkční styl** для нового издания написала М. Крчмова (M. Krčmová), статью **Administrativní styl (administrativně-právní styl, úřední styl, byrokratický styl, jednací styl, hospodářský styl, institucionální komunikace)** написана М. Чеховой (Marie Čechová) и т.д. Отметим кстати, что «ориентационного функционального стиля» мы не нашли и в новом издании энциклопедического словаря.

В коллективной монографии «Чешский – речь и язык» (*Čeština – řeč a jazyk*) 1996 года М. Чехова в качестве основных функциональных стилей называет разговорный (**prostěsdělovací = běžnědorozumivací = hovorový**), специальный (**odborný**), административный (**administrativní = úřední = jednací**), публицистический (**publicistický**), ораторский (**řečnický**), художественный (**umělecký**) и эссеистский (**esejistický**).

Эти же семь функциональных стилей названы в качестве наиболее популярных и в разделе «Теория функциональных стилей» (**Teorie**

funkčních stylů) «Стилистики современного чешского языка» (Stylistika současné češtiny) 1997 года, написанном Э. Минаржовой (Eva Minářová).

В своей «Стилистике для журналистов» (Stylistika pro žurnalisty) 2011 года Э. Минаржова описывает шесть «примарных функциональных стилей» (**funkční styly primární**), к которым она относит разговорный стиль (**styl prostědělovací nebo běžně dorozumivací, hovorový**), специальный стиль (**styl odborný**), административный стиль (**styl administrativní**), журналистский стиль (**styl žurnalistický**), ораторский/риторический стиль (**styl řečnický/rétorický**), художественный стиль (**styl umělecký**), а также три «вторичных стили» (**styly sekundární**), а именно эссеистский стиль (**styl esejistický**), стиль церковной коммуникации (**styl církevní komunikace**) и стиль рекламы (**styl reklamy**).

В коллективной монографии «Стилистика устного и письменного чешского языка» (Stylistika mluvené a psané češtiny) 2016 года с привлечением современного материала СМИ и электронных корпусов подробно описываются соответствующие основным функциональным стилям чешского языка сферы коммуникации. Сфера повседневной коммуникации (**sféra běžné každodenní komunikace**) проанализирована Я. Гоффманновой (Jana Hoffmannová) и Л. Илковой (Lucie Jílková), сфера институциональной коммуникации (**sféra institucionální komunikace**), соответствующей административному функциональному стилю, – И. Гомолачем (Jiří Homoláč) и К. Мразковой (Kamila Mrázková), сфера специальной коммуникации – П. Кадеркой (Petr Kaderka), сфера учебной коммуникации (**sféra školní komunikace**) – Э. Хваловской (Eliška Chvalovská), сфера медиальной коммуникации (**sféra mediální komunikace**) – П. Марешом (Petr Mareš) и П. Кадеркой (Petr Kaderka), сфера рекламной коммуникации (**sféra reklamní komunikace**) – К. Мразковой (Kamila Mrázková), сфера литературной коммуникации (**sféra literární komunikace**) – Я. Гоффманнова (Jana Hoffmannová).

5. СТРАТИФИКАЦИЯ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Как уже отмечалось, в чешской лингвистической традиции чешский национальный язык рассматривается как конгломерат идиомов, одни из которых являются системными, или «комплексными» языковыми образованиями (**komplexní jazykové útvary**), то есть характеризуются особенностями на всех уровнях организации языковой системы, другие же такими системными, или «комплексными» языковыми образованиями не являются, но «надстраиваются» над тем или иным идиомом первой группы, проявляя своеобразие лишь на лексическом уровне.

К первой группе относятся литературный чешский язык (**spisovná čeština**), в рамках авторы [Stylistika... 1997: 19] выделяют также его региональные варианты (**oblastní variety spisovné češtiny**), чешский общенациональный субстандарт (**obecná čeština**), так же представленный, по мнению авторов [Stylistika... 1997: 19], не только его «культурным» вариантом („**kulturní**“ **obecná čeština**), так и региональными вариантами (**regionálně vázaná obecná čeština**), далее традиционные территориальные диалекты (**tradiční teritoriální dialekt**) и интердиалекты (**interdialekty**).

Ко второй группе идиомов в чешской лингвистической традиции принято относить профилекты (**profesní mluva**), арго (**argot**) и сленги (**slang**), ср. [Stylistika... 1997: 19].

5.1. Чешский литературный язык

Литературный чешский язык (**spisovná čeština**) является, безусловно, наиболее функционально нагруженным и тем самым наиболее важным из формирующих чешский национальный язык (**český národní jazyk**) идиомов. Из всех этих идиомов только он кодифицирован и только он выполняет так называемую «национально репрезентативную» функцию (**funkce národně reprezentativní**), представляя язык чешской нации «на международной арене» – в сопоставительных и типологических исследованиях и фиксируя в созданных и создаваемых на нём устных и письменных текстах чешскую языковую картину мира в неизмеримо большей степени, чем любой другой чешский идиом.

Внутренняя форма термина **spisovná čeština** не должна нас вводить в заблуждение, так как сфера функционирования соответствующего чешского идиома выходит за рамки произведений исключительно письменной речи, вспомним, например, устные выступления официальных лиц. Собственно говоря, и «русский литературный язык» тоже отнюдь тождественен «языку русской литературы».

В отличие от некоторых других стран, например, Великобритании, где «литературность» тех или иных произведений устной или письменной речи определяется на основе так называемого прецедентного принципа, то есть на основе их соответствия неким образцовым текстам, в качестве которых выступают прежде всего передачи BBC и издания Оксфордского и Кембриджского университетов, в Чехии мы имеем дело с кодификаторской деятельностью неких официальных институций и прежде всего Института чешского языка Академии наук Чешской республики (**Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky**). Авторитет тех или иных кодификационных изданий может подтверждаться и соответствующим грифом министерства.

В качестве нормативных авторы «Стилистики современного чешского языка» (1997) рассматривают регулярно переиздаваемые «Правила чешского правописания» (**Pravidla českého pravopisu**), «Словарь литературного чешского языка для школы и общественности» (**Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost**), журнал «Наша речь» (**Naše řeč**), а также рекомендованные министерством учебники и учебные пособия, в первую очередь великолепную «Чешскую грамматику» (**Česká mluvnice**) Б. Гавранека и А. Едлички, которая стала нормативной помимо намерения её авторов, см. [Stylistika... 1997: 38].

Объектом кодификационной деятельности в первую очередь становится орфография, морфология и лексика, в меньшей степени орфоэпия и, наконец, в последнюю очередь – синтаксис, особенно синтаксис устной речи, что, безусловно, связано с меньшими возможностями его изучения, по сравнению с названными ранее аспектами.

В «Стилистике современного чешского языка» (1997) в числе «комплексных» идиомов называются также и региональные варианты чешского литературного языка (**oblastní variety spisovné češtiny**), ср. [Stylistika... 1997: 19]. Представляется, однако, что мы имеем дело с некими фантомными идиомами, существующими скорее в сознании лингвистов, чем в реальности. Действительно, в одних регионах Чешской республики группа <sh> читается чаще всего как [sch], а в других – как [zh], в одних столёра называют **truhlář**, а в других – **stolař**, в одних форма прошедшего времени второго лица единственного числа имеет вид **Nezaspala jsi?**, а в других – **Nezaspals**, ср. [Stylistika... 1997: 39]. Однако это совсем не значит, что, например, на территории Моравии произношение группы <sh> как [sch] запрещено или, например, в контрольной работе по чешскому языку формы типа **Nezaspala jsi?** в каком-либо регионе будут отмечаться экзаменатором как неправильные и приведут к снижению оценки. В любом случае ситуацию с этими «региональными вариантами чешского языка» нельзя ставить в один ряд, например, с региональными вариантами языка английского, когда же-

лающий сдавать экзамен TOEFL должен заранее выбрать, какой именно вариант английского языка (британский, американский и т.д.) он собирается сдавать, потому что и проверять его работу будут на предмет соответствия правилам этого выбранного варианта.

Поскольку в реальности, как это убедительно показали П. Сгалл и И. Гронек в своей книге «Чешский язык без прикрас» (**Čeština bez příkras**) 1992 года, элементы обиходно-разговорного чешского койне (**obecná čeština**) нередко проникают даже в лекции университетских профессоров, ожидать безупречной, без малейшего отклонения от предписанных норм речи от обычных носителей языка, да еще в обычной обстановке было бы наивным. Поэтому весьма продуктивным представляется мнение авторов «Стилистики современного чешского языка» (1997), считающих литературным чешский язык тех его пользователей, которые сознательно стремятся следовать нормам чешского литературного языка во всех его аспектах, ср. [Stylistika... 1997: 39].

Именно в этом плане, как представляется, и следует понимать то, что в чешской лингвистике обозначено термином **hovorová čeština**, вошедшим в обиход чуть меньше века назад, когда в 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (**spisovná čeština**) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. 'обычном'] чешском языке» (**obecná čeština**), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, см. [Navránek 1932]. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (**hovorová čeština**), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский», см. [Bělič 1959]. Отметим, что основатель советской школы богемистики профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова А.Г. Широкова переводила термин *hovorová čeština* на русский как «разговорный стиль чешского литературного языка».

Этот «разговорный чешский» (**hovorová čeština**), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его, см. [Bělič 1958]. Схема **spisovná čeština – hovorová čeština – obecná čeština** про-

должает использоваться до сих пор, хотя и вызывает всё больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалась **hovorová čeština**. Как было показано еще полвека назад, в ситуации непринужденного общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку», см. [Švehlová-Dvončová 1956: 227]. Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина *hovorová čeština* провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчеркивать, что высказывание может быть устным, но не быть при этом «разговорным» и может быть «разговорным», будучи письменным, см. [Hrbáček 1995: 53]. Нечеткость и непоследовательность в употреблении термина **hovorová čeština**, связанная с неопределенностью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из наиболее авторитетных современных богемистов Фр. Данеш в посвященном тенденциям развития языковой ситуации в Чехии сборнике назвал «разговорный чешский язык» (**hovorová čeština**) «химерой», см. [Daneš 1988] и с этим ставшим весьма популярным обозначением вполне солидарны П. Сгалл и И. Гронек, см. [Sgall, Hronek 1992: 24].

Следует отметить и то, что термин *spisovná čeština*, обязанный своим возникновением господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (**standardní čeština**).

5.2. Чешский общенациональный субстандарт

Характерной особенностью современного чешского этнического языка, заметно отличающего его и от русского, и от большинства как славянских, так и неславянских языков региона, является наличие в его составе того, что ведущий советский богемист А.Г. Широкова называла сначала «народно-разговорной речью» [Широкова 1961: 287], а потом «обиходно-разговорным языком» [Чешский... 1988: 483] и что мы могли бы назвать «общим языком» или «койне» (чешск. *obecný jazyk* = греч. *κοινή διάλεκτος*, англ. *Common Language*), вступающего с «литературным языком» (чешск. *spisovný jazyk*, англ. *Standard Language*) в отношения, близкие к диглоссным, см., например, [Изотов 2013(с)]. По мнению ведущего британского богемиста Нейла Бермела, сегодня речь идет не столько о диглоссной, сколько о постдиглоссной ситуации, поскольку «обиходно-разговорный язык» может проникать и в те сферы функционирования, которые еще не так давно были доменой «литера-

турного языка», ср. [Bermel 2010]. Тем не менее на большей части территории современной Чешской республики (западные две трети её территории), продолжают соблюдаться (пусть и с рядом оговорок) как минимум наиболее важные, на наш взгляд, признаки рассматриваемой в [Bermel 2010] классической диглоссии, а именно: (1) различаются «высокий» («литературный чешский язык» = чешск. spisovná čeština, англ. Standard Czech) и «низкий» («обиходно-разговорный чешский язык» = чешск. obecná čeština, англ. Common Czech) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно употребление другого; (2) социальный престиж «литературного чешского языка» высок, социальный престиж «обиходно-разговорного чешского языка» низок; (3) «обиходно-разговорный чешский язык» усваивается через живое общение, «литературный чешский язык» – посредством формального обучения в школе; (4) «литературный чешский язык» кодифицирован, «обиходно-разговорный чешский язык» не кодифицирован, однако характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

На остальной территории страны (восточная и северная Моравия, Силезия, отдельные регионы пограничья) в диглоссные отношения с «литературным чешским языком» может вступать местный диалект или интердиалект. Однако примечательно то, что область функционирования «обиходно-разговорного чешского языка», возникшего на основе собственно-чешского интердиалекта, вышла за границы исторической территории собственно-чешских говоров, распространившись на значительную часть Моравии и Силезии. Возможной данную экспансию сделало, по нашему мнению, последовательное отражение описанной выше диглоссной ситуации в художественной литературе и кинематографе, см. [Изотов 2013(d)].

Под влиянием художественной литературы, телевизора, кинематографа, а в последнее время также и социальных сетей, местный диалект может замещаться в составе данной диглоссии более престижным «обиходно-разговорным чешским языком», в результате чего возникает тенденция превращения «обиходно-разговорного чешского языка» в общенациональный субстандарт – нелитературный идиом, общий не только для жителей исторического королевства Богемия, но для всех, кто считает себя чехом, включая жителей Моравии, Силезии, пограничья, а также чешскую диаспору. Следует, однако, заметить, что это тенденция, отмеченная более полувека назад (ср. [Navránek 1955]), так и не привела к окончательному вытеснению моравских и силезских диалектов «обиходно-разговорным чешским языком». Причины этого мы склонны видеть, с одной стороны, в уже упоминавшейся традиции фиксирования нелитературной (в том числе и диалектной) речи в художественной

литературе, а также в Сети, см. [Изотов 2015(b)], с другой же – в том обстоятельстве, что носитель моравского или силезского диалекта отнюдь не стыдится его, а скорее наоборот, обращается к нему при случае с не меньшим удовольствием, чем московский подросток – к «олбанскому языку».

Ситуация осложняется недостаточной определенности самого содержания термина *obecná čeština*. Для многих *obecná čeština* – это то, что противопоставлено «литературному чешскому», то есть своего рода набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности, см. [Изотов 2014(b)]. Мы можем встретиться и с мнением, что помимо «обиходно-разговорного чешского языка», сформировавшегося на базе собственно-чешских диалектов, можно говорить и о другом «обиходно-разговорном чешском» – своего рода койне, вышедшем как за географические, так и за социальные рамки собственно-чешского интердиалекта, см. [Mluvená... 2011]. Тем самым мы приближаемся к ситуации в германистике, где выделение нескольких вариантов «обиходно-разговорного немецкого языка» – привычное дело [Меркурьева 2007]. Подобные неоднозначные истолкования «обиходно-разговорного чешского» приводят к тому, что уже и о нем также говорят, как о химере [Uličný 1994.].

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [Изотов 2013(b)]. Создание крупных (миллиарды словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможности надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений, ср., например, [Изотов 2007; Изотов 2012(b); Изотов 2014(a)]. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения – статистической характеристики описываемого, см. [Изотов 2008(a)].

Однако поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получают описания «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.*

spoken Czech), ср. [Mluvená... 2011]. Следует отметить и то, что термин spisovná čeština, обязанный своим возникновением господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*чеш.* standardní čeština, *англ.* standard Czech). Определённая тенденция к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» – «обиходно-разговорный чешский» в пользу дихотомии «письменный чешский» – «устный чешский» прослеживается и в учебной литературе, ср., например, [Cvejnová 2012: 55-56].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искушены в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая в 2008 году на пятнадцати DVD 30-серийный сериал в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (spisovná čeština). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом, ср. некоторые фразы из первой же сцены первой же серии (нелитературные слова и огласовки выделены полужирным):

Звук: ***Hergot, chlapi, vy jste vopravdu jako nemluvnata, fakt!***

Титры: *Chlapi, vy jste jako nemluvnata!*

Звук: ***Snad tam budou potřebovat **felčara**.***

Титры: *Snad tam budou potřebovat doktora.*

Звук: ***Už v **Český Třebový**. Pak to nemám daleko.***

Титры: *V České Třebové přestoupím.*

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами, + германизмы + немецкий язык). В русском переводе П. Богатырева

(наиболее удачном из существующих, по мнению крупнейшего чешского специалиста по Я. Гашеку Р. Пытлика [Radko Pytlík] – в личной беседе с автором настоящих строк) «степень макароничности» понижается за счет неизбежного исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (кое-где сохранены немецкие вкрапления, однако в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности типа *kvěr < das Gewehr, frajtr < der Gefreite* и т.д.), ср. следующий фрагмент из романа Гашека, в котором мы находим, во-первых, приведенные по-немецки команды *Ruht!* и *Abtreten!*, во-вторых, освоенные чешским языком германизмы *lump(ové)* (нем. *der Lump*) и *držet hubu* (нем. *das Maul halten*), в-третьих, слова *obršt, regiment, drek, kumpačka, defilovat*, которые по-немецки должны были бы выглядеть как *der Oberst, das Regiment, der Dreck, die Kompanie, defilieren*, а по-чешски, соответственно, как *plukovník, pluk, lejno, rota, slavnostně pochodovat*, при этом лексема *drek* ‘дерьмо’ и фразеологизм *držet hubu* ‘≈ заткнуть [себе] пасть’ относятся также и к вульгаризмам, а нелитературная лексема *herka* ‘кляча’ и нелитературные огласовки *vodjela, celej* — к обиходно-разговорному койне:

Potom, když komise vodjela, dal si nás pan obršt všechny seřadit, celej regiment, a povídá, že voják je voják, že musí držet hubu a sloužit, jestli se mu něco nelíbí, tak že je to porušení subordinace. ,Tak jste si, lumpové, mysleli, že vám ta komise pomůže, ‘ povídá pan obršt, ,drek vám pomohla. A teď bude každá kumpačka kolem mne defilovat a opakovat hlasitě, co jsem řekl’. <...>, Ruht!’ povídá pan obršt a chodí po dvoře, seká si bičíkem přes holinky, plívá, pak najednou se zastaví a zařve ,Abtreten!’; sedne si na svou herku a už je z brány venku.

Как мы видим несколькими строками ниже, при переводе данного фрагмента П. Богатырёву удалось сохранить лишь две упомянутые немецкие команды, хотя он и пытался компенсировать исчезнувший макаронизм текста стилистическим контрастом сниженной и возвышенной лексики (*ни хрена – пусть громогласно повторит*):

Когда комиссия уехала, полковник выстроил всех нас, весь полк, и заявил, что солдат есть солдат, должен держать язык за зубами и служить, а если кому не нравится, то это нарушение дисциплины. «А вы, мерзавцы, думали, что вам комиссия поможет?» – сказал полковник. – Ни хрена она вам не помогла! Ну, а теперь пусть каждая рота промарширует передо мною и пусть громогласно повторит то, что я сказал». <...> «Ruht!» – командует полковник, а сам мечется по двору,

хлещет себя хлыстом по сапогу, плюется, а потом вдруг остановился да как заорет: «Abtreten!» Сел на свою клячу и вон.

При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, не всегда понятный нашему современнику (смешно то, что в иных условиях могло бы быть страшно, поэтому изменившиеся исторические и социокультурные условия могут привести к совершенно иному восприятию одного того же текста). Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии – *Böhmakeln* (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода), см. [Torberg 2008].

«Обиходно-разговорный чешский язык» в качестве кандидата на роль общенационального субстандарта иногда типологически соотносят с русским просторечием, ср. [Бельчиков 1990: 402]. Это сближение может провоцировать и внутренняя форма обоих терминов: русский термин возник для обозначения «простой, обыкновенной речи, свойственной <...> необразованным людям» [Брусенская, Куликова 2016: 107], чешский же термин был внедрен в научный обиход в 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка в рамках «теории языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном (букв. 'обычном') чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, ср. [Изотов 2014(a)]. Тем не менее речь может идти лишь о типологическом сближении, но никак не об отождествлении данных идиомов, которое бы противоречило как собственно лингвистическим, так и социолингвистическим критериям.

Во-первых, «обиходно-разговорный чешский язык», в отличие от русского просторечья, является системным языковым образованием, характеризующимся языковой нормой [Čechová... 1997: 14], пусть и не такой строгой, как цементированная кодификацией норма литературного чешского языка, тогда как русское просторечье системным образованием не является, ср. [Кёстер-Тома 1993].

Во-вторых, круг носителей «обиходно-разговорного чешского языка» отнюдь не ограничивается людьми с низким уровнем языковой культуры, как у русского просторечья, будь то так называемое «просто-

речие-1» малограмотных немолодых женщин или же «просторечие-2» малограмотных нестарых мужчин в понимании [Крысин 2000]. К чешскому обиходно-разговорному языку при случае обращается и университетский профессор, и директор музея, и дипломат высокого ранга, потому что такое обращение свидетельствует не о недостаточно высоком образовательном уровне говорящего, а о неформальной обстановке общения, ср. [Sgall, Hronek 1992]. Абсолютное большинство носителей «обиходно-разговорного чешского языка» являются одновременно и носителями «литературного чешского языка», обращаясь к нему в соответствующей ситуации общения, тогда как носитель русского просторечия, даже оказываясь в официальной ситуации, на кодифицированный русский язык не переходит, так как им не владеет, ср. [Кёстер-Тома 1993]. В «Словаре-справочнике» «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» с трехзначным цитированием в РИНЦе (<https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> Обращение 23.01.2020) просторечие определяется как «речь лиц, недостаточно овладевших нормами литературного языка».

В-третьих, русское просторечье ограничено устной коммуникацией, и его фиксация в письменном тексте – нечто исключительное, в то время как фиксация «обиходно-разговорного чешского языка» в современном письменном тексте – вещь вполне обычная, ср. [Изотов 2014(b)] и [Изотов 2014(c)], где на основе корпусов современных **письменных** чешских текстов (входящие в состав Чешского национального корпуса подкорпусы SYN2000, SYN2005, SYN2006PUB, SYN2009PUB, SYN2010 общим объемом 1,3 миллиарда токенов) было документировано употребление 537 имеющих однословное соответствие в «литературном чешском языке» однословных же единиц «обиходно-разговорного чешского языка», причем у 165 подобных единиц количество документированных контекстов употребления превышает 1 000, у 32 единиц – 10 000, а у 7 единиц – 100 000. Отметим, что данные корпуса, в отличие от Национального корпуса русского языка, отнюдь не являются «литературоцентричными». Отбор текстов для подкорпуса SYN2000 – первого из ряда 100-миллионных подкорпусов современных письменных текстов в составе Чешского национального корпуса – осуществлялся на основании социологических данных о чтении книг и периодики гражданами Чешской республики в последнее десятилетие XX века: наличие и степень представленности в корпусе конкретных изданий и авторов зависит от их читаемости среднестатистическим чехом, поэтому большую часть материала SYN2000 образуют публицистические тексты (60%), на втором месте находятся специальные тексты – справочники, энциклопедии и т.д. (25%), и лишь на третьем – беллетристика (15%), см. [Изотов 2013(b)].

В определенном плане на роль общенационального субстандарта в русском языке мог бы претендовать формирующийся в последние десятилетия так называемый «общий жаргон», который, по мнению некоторых исследователей, «активно используется носителями литературного языка в неофициальной обстановке», см. [Кудинова 2010]. В этом же значении возможно также использование понятия «общего сленга» (ср. [Кудрявцева 2004]), первоначально разработанного на материале английского языка, ср., например, [Маковский 1982]. Мы полагаем, однако, что тех трех сотен лексем и паремий, которые данный «общий сленг» составляют (см. [Калита 2013: 73] явно недостает, чтобы претендовать на роль общенационального субстандарта. Кроме того, этот «общий сленг», возможно, и выходит за рамки какой-то одной или даже нескольких социальных групп, однако настоящим *κοινῆ διαλέκτος* он еще не стал, судя, например, по неохватности названным идиомом значительного количества знакомых автору настоящих строк. Более того, мы не исключаем, что речь может идти о «фантомном идиоме» – своего рода угасающем эхе «лихих девяностых», связанным с вхождением во взрослую жизнь тех, чье детство прошло под разговоры их родителей и соседей о торговле «ройялем» и о бандитских разборках.

Суммируя сказанное, отметим, что входящий в состав чешского этнического языка так называемый «обиходно-разговорный чешский язык» (чешск. *obecná čeština*, англ. *Common Czech*) проявляет явную тенденцию к превращению в общенациональный субстандарт, поскольку является (1) системным языковым образованием, находящимся с «литературным чешским языком» (чешск. *spisovná čeština*, англ. *Standard Czech*) в отношениях, близких к диглосным, (2) активно используется большинством этнических чехов, в том числе высокообразованных, (3) активно используется не только в устном, но и в письменном дискурсе. Ни один из существующих в настоящее время русских идиомов (включая различные виды просторечия, так называемые «общий жаргон» и «общий сленг») не может быть охарактеризован подобным образом, а потому и претендовать на роль общенационального субстандарта не может.

5.3. Территориальные диалекты и интердиалекты

Чешский традиционный территориальный диалект (***tradiční teritoriální dialekt***) характеризуется авторами «Стилистики современного чешского языка» (1997) как идиом «территориально ограниченный, обладающий жесткой нормой, стилистически однородный, используемый в ситуациях спонтанного непрестижного устного общения, намно-

го реже и периферийно в жанрах словесности, прежде всего устной» [Stylistika... 1997: 41].

Действительно, за пределами Моравии и Силезии мы можем услышать диалектную речь (вернее, её имитацию) разве что в анекдотах о провинциалах, ср.:

V Brně na Zelňáku pije chapek vodu z kašny. Přijde k němu Brňák a povídá: „Téé, káámo, nechlemtée tu vasrovku z tej atajnkaserny. Blejó do toho zkalené machři a chčijó to toho morgoší!“.

Chlápek se otočí: „Hele pane, já vám vůbec nerozumím, já jsem z Prahy.“

„Jo, povídal jsem, voda je to dobrá, ale studená, tak pijte pomalu, ať se nenachladíte.“ [Špalíček dobrých českých vtipů 2006: 195].

Přijde Ostravák za kamarádem, taky Ostravákem, do vítkovické nemocnice. Kamarád leží v posteli, kapačky v ruce, kyslík na obličejí, a ten druhý mu povídá: „Čau, p.čo, ty teda p.čo vypadaš po te buráčce:“

Kamarád začne mávat rukama, tak mu ten druhý podá papír a tušku. Něco napíše, zaklepe nohama a umře. Ostravák volá doktora a říká: „P.čo doktore on cosík napsal, zaklepal fajama a scipnul.“

Doktor vezme ten papír a tam je napsáno: „P.čo, stojíš mi p.čo na hadičach.“ [Špalíček dobrých českých vtipů 2006: 195].

Лексические и грамматические диалектизмы в качестве средства характеристики персонажа достаточно регулярно используются в чешском кинематографе, причем речь идет, как правило, о легко опознаваемых всеми потенциальными зрителями моравизмах, ср. приветствие посетителя школы из фильма *Marečku, podejte mi pero (Dovré večír. Dostal jsem pismo od synovca, že je tu jakási zchůza)*, радость студента-мораванина, получившего положительную оценку на трудном экзамене в фильме *Jak básníci přicházejí o iluze (Ajojohojoj! Maminko moja, chystaj slávu!)* или же размышления моравского шурина главного героя из фильма *Vrchní, prchní (Kdo ví, kde po nocích chodí, děvčico. Já strýci říkal, že ťa nemají dávat takovému děvkařu)*. Число примеров можно без труда увеличить.

При этом собственно-чешским диалектам в чешском кинематографе повезло гораздо меньше. Как и в реальной жизни, в кинофильме они оказываются практически незаметными на фоне сформировавшегося на их основе (через стадию собственно-чешского интердиалекта) собственно-чешского обиходно-разговорного койне (obecná čeština), выходя на передний план лишь тогда, когда автору сценария или режиссеру надо подчеркнуть «деревенский» характер персонажа. Например, в сентиментальной комедии *Vesničko má středisková* диалектную огласовку местоимения, не совпадающую ни с литературным, ни с собственно-

чешским обиходно-разговорным вариантом, используют персонажи, представляющие все три поколения обитателей названной деревни (они не родственники!):

Jarda Pávek: *Hm. A v čom by se měla zlepšiť?*

Rostlinář Jaromír Kunc: *Na čom?*

Ludmila Hrabětová: *Tady jsem ti přinesla košile a ponožky, beztak nemáš v čom chodit.*

Ну и уж совсем не повезло в чешском кинематографе диалектам силезским, однако на этот раз по причине противоположной – они слишком уж отличаются и от чешского литературного языка, и от собственно-чешского обиходно-разговорного койне. Более того, ломающее привычную мелодику чешской речи отсутствие долгих гласных вместе со «сдвинутым» местом ударения, затрудняющим сегментацию звукового потока на слух, отдаляет силезские диалекты не только от диалектов собственно-чешских, но и от диалектов моравских, а также моравско-словацких.

Полвека с лишним назад в [Sochová 1953] были проанализированы неудачные попытки «пражских актеров» имитировать силезский выговор героев фильма *Milujeme* (1951), а сегодня о подобных же плачевных результатах попыток актеров фильма-катастрофы *Dukla 61* (2018) говорить «по-остравски» мы читаем в [Kochánková 2018], ср. приводимые там отзывы зрителей:

Mezi ostravskými havíři jsem pár let strávil, a tak mohu říct, že to byla značně nepovedená parodie. Pražští nadutci si evidentně nevzali ostravské poradce, či i když je měli, jejich rad nedbali.

Je dost poznat, kdo je z Čech a snaží se mluvit ostravštinou a kdo ne. Ono je to totiž hodně i o intonaci, která je úplně jiná, není to jen o výrazech a ‚kratkých zobakach‘.

Celkem trapas, když se pražský ‚Pepík‘ snaží mluvit ostravským přízvukem.

Ср. аналогичную оценку языка комедии *Ostravak Ostravski* (2016): trapný film, nikoho v ostravě jsem za 20 let takhle neslyšel mluvit (<https://sledujufilmy.cz/film/ostravak-ostravski/16562/> Обращение 10.01.2020)

Зато в чешском художественном тексте диалекты чувствуют себя превосходно, ср. три примера из чешской «школьной классики», а именно (1) из романа А. Ирасека *Psohlavci*, (2) из комедии Л. Строупежничского *Naši furianti*, (3) из драмы А. Мрштика и В. Мрштика *Maruša* (диалектные лексемы, формы и огласовки выделены полужирным).

(1)

»Co **novýho** v městě?« *ptal se hospodář.*

»Ne moc. Povidali si **tám** v krčmě dva **súsedé**, **ha** já by **súdil**, že **buli** od **městskyho** práva, že se páni po nás **ptáli**. **Šak** **tám** **strejček** **draženovskej** **teky** **sedíli** **ha** **všecko** **slyšili**.«

»Po kom že se **ptáli**?« *zvolal kvapně hospodář.*

»Po **chodovskejch** **právích**. Na **húradě** v městě. **Chtili** ty **psaný** práva, víš, co **buly** na **našom** zámku.«

»Ha **hdo** je **chtil**?«

»**Bul** tam z **Kúta** ten správčí Koš a z Trhanova. Nu, **súsedé** se **smíli**, že toho **popádlí**. Nevím, co se **všecko** **dílo**, **hale** ten Koš se **prej** **sápal** **ha** **prál**, **šak** že **von** **tranovskej** **pán** **Chodovákom** **hukáže**.« (Jirásek A. Psohlavci)

Приведенный фрагмент из разговора двух персонажей исторического романа А. Ирасека изобилует такими характерными особенностями ходских говорков, как протетическое *h* (*ha*, *na húradě*, *hale* в соответствии с литературными *a*, *na úradě*, *ale*), рефлексы продления кратких гласных перед эловым причастным суффиксом (*ptáli*, *sedíli*, *slyšili*, *chtili*, *popádlí*, *dílo* в соответствии с литературными *ptali*, *seděli*, *slyšeli*, *chtěli*, *popadli*, *dělo*) и, наконец, гласный *u* в формах эловых причастий глагола «быть» (*buli*, *buly*, *bul* в соответствии с литературными *byli*, *byly*, *byl*).

(2)

MARKÝTKA (*jde do popředí a pozdravuje Bláhu i Hahršperka mluví domazličkým nářečím*). **Sřastnej** **dobrej** **večer**, **staisodi!**

HABŠPERK, BLÁHA: *I dejž to pámbu, panno Markýtko.*

HABRŠPERK (žertovně): *I čechmanta, panno Markýtko, vy jste letos ještě hezčí než jste byla loni. Tváře máte jako maliny. (Chce ji objati.)*

MARKÝTKA (*odstrčí jej rázně loktem*): **Hýč!** Ty **maleny** pro vás **nerostly!** (*Odskočí.*)

BLÁHA (*přiskočí k ní s druhé strany a chce ji objati*): *Ale pro mě, vidíte, panno Markýtko!*

MARKÝTKA (*odstrčí Bláhu*): *Ale dite! Pro vás, strejko, teky ne.* (Stroupežnický L. Naši furianti)

В данном эпизоде торговка Маркитка говорит, о чем предупреждает ремарка, на домажлицком диалекте, хотя в последующем действии её идиолект мало отличается от идиолектов прочих персонажей – носителей южно-чешских говорков, близких чешскому обиходно-разговорному койне, ср.:

MARKÝTKA (*pije*): **Stálé** **zdraví**, **strejčku**. (*Vrátí Petrovi sklenici.*) **Ale strejčku**, **vy** **si** **umíte** **ňák** **dívčata** **dobírat!**

PETR: *I jaký pak dobírání, panno Markýtko! Všecko od srdce! A třeba jsem byl už starej dědek, když vidím takovou hezkou mladici v tomhle tom*

pěkném staročeském kroji, tak se mi srdce v těle rozpálí a je mi tak, jako by se mi tuhle (ukáže si na srdce) skřivánek třepetal a svou jarní písničku vesele prozpěvoval.

MARKÝTKA: No, **strejčku**, vy jste musel za **svýho** mládi **bejvat** náramně **veselej** chasník!

PETR (s humorem): I **pardie**, to jsem **bejval!** I **bejval!** Já **uměl** **ňák** holky **prohánět**. A kdybych já byl dnes **mladej** – no, panno Markýtko, nevím, nevím... vy se mi **saprahertsky** líbíte.

MARKÝTKA: Ale **díte**, **pantáto**. – **Rač** by jste mi **moh** **řect**, kde je pan přednosta... já mám od rána něco na srdci, co bych mu ráda řekla... (Stroupežnický L. Naši furianti)

Подробный анализ языка пьесы можно найти в [Utěšný 1954].

(3)

LÍZAL (po čas vzdalujícího se zpěvu mlčí, ohlíží se po vsi a mračí se. Teprv když hluk zalehne, obrátí se k Vávrovi). Tak tomu hřiběti jen dobře nohu zavaž a hodně často boláčku **vlažnó vodo** vyplachuj. Do **tédňa** bude zas skákat jako jelen. Má vranka taky to měla – **šak** na zadní noze a **včil** – viděl's **ju!** Do Austrálie s **ňó možu** jet. A pacholkovi vyhubuj; **šak aji** dívce. Proč nedá na dobytek pozor! Jak nemá dobytek opatrnost co **chvíla** se něco stane.

VÁVRA (drží v ruce proutek a pošvihuje jím holínky. Tvář má čistě oholenou, tvrdou, ale zdvořile vlídnou). Eh, málo **platný** je to hubování. Hubuju, peskuju, křičím, hromy svolávám, prosím **celé deň** a nic naplat. Už sem dvě dèvečky vyhnal, onehda pacholkovi sem **aji** nabil a čerta je to **platný**. Koně v maštali **můžó** se zabít – ani se **teho** nevšimne. (Švihne proutkem.) **Dělé** co **dělé**, všechno jde na ruby. **Děčka roztrhaný**, špína z nich jen kape, dobytek zdechá a kde kdo ruce má, krade jako straka. (S důrazem a povzdechem.) Statku moc a dohledu nikde. Myslím, že to dám do **pachtu** – nebo (anebo) to prodám.

LÍZAL. To **só** mně řeci! **Dobry** prodáš a **špatný kópíš**. A co s **pachtem**? **Mlén** ti **rozlámó**, pole nezmrví, **nezvorají**, vycucají až do posledního a abys čekal zas pět nebo šest let, než to přivedeš do pořádku (odmlčí se). Co je pravda – to je pravda, statku máš dost a **krásnýho** statku. Rolí dost, **čistě** dobytek, krásy jako ze dvora – ale jak sem už povídala – žena ti umřít neměla. Tak zůstat nemůžeš. – Domluv se a je. (Mrštík A., Mrštík V. Maryša)

В открывающем драму Maryša диалоге, как и в последующих сценах, персонажи говорят на смеси ганацкого (центрально-моравского) и брненского диалектов. Впрочем, в задачу обратившегося к диалектному материалу автора художественного произведения входит не лингвистически точная фиксация, а создание местного колорита, в данном случае колорита моравской деревни. Кроме того, текст должен быть понятен читателю и зрителю, а не только специалисту-диалектологу.

Названный эффект достигается использованием таких известным всем чехам фонетических моравизмов, как долгий [ē] в соответствии с собственнно-чешским дифтонгом [ej]; краткий [e] в соответствии с чешским кратким [i], восходящим к этимологическому краткому [y]; долгий [ō] или долгий [ū] в соответствии с чешским дифтонгом [oɔ] после твёрдого или долгим [ī] после мягкого согласного; краткий [o] или краткий [u] после мягкого согласного в соответствии с чешским кратким [i], краткий [a] после мягкого в соответствии с чешским кратким [e], ср. *děle co děle, mlén, celé, čisté; to só mně řeči, kópiš, rozlámó, s ňó; ju; chvíla*, которые в обиходно-разговорном чешском койне могли бы выглядеть как соответственно *dělej co dělej, mlejn, celej, čístej; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*, а в чешском литературном языке — как *dělej co dělej, mlýn, celý, čistý; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*. Не обошлось и без лексического моравизма *včil*.

Отметим, что в видеозаписи данного спектакля, выполненной по заказу Чехословацкого телевидения в 1983 году в театре города Градец Кралове, актеры, в целом корректно воспроизводя авторский текст, могут иногда придавать моравскую огласовку также и тем словам, которые в книжном тексте выглядели «по-чешски». Например, в приведенном выше фрагменте диалога вместо *Myslím, že to dám do pachtu* звучит (причем звучит после паузы, когда зрительское внимание сосредоточено на последующих словах персонажа) *Meslím, že to dám do pachtu*; вместо *pole nezmrví, nezvorají, vycucají až do posledního* звучит *pole nezmrví, nezvorají, vycucajů až do posledního*, а вместо *Tak zůstat nemůžeš* мы слышим *Tak zuostat nemůžeš*. Вспомним в связи с этим наблюдение в [Chloupek 1955], что зритель готов воспринять больше диалектизмов, чем читатель, хотя, казалось бы, должно быть наоборот – ведь в распоряжении читателя могут быть сноски и комментарии, тогда как зритель этого лишен.

В большинстве случаев использования диалекта в художественном произведении диалектные элементы (вернее, их художественная имитация) группируются в репликах персонажей, сам же собственно авторский текст не отклоняется или отклоняется весьма незначительно от правил литературного языка.

Тем не менее бывают случаи, когда диалект проникает и в собственно авторский текст, как, например, в сборнике рассказов З. Галушки *Slovácko sa súdí aj nesúdí*, по которому в 1974 году был снят 12-серийный телевизионный сериал *Slovácko sa nesúdí* (актеры играют также на диалекте). Ср. начало рассказа *Poslední súd*:

Abych pravdu řekl, nebyl sem ve svéj koži. Vrátil sem sa do svéj rodněj dědiny po nekolika rokoch a moja první cesta védla k súdu. Kdysi sem tam

chodil každý týdeň a furt bylo o čem psat. Tož sem byl zvědavý, co sa za tú dobu přihodilo...

Ve starém zámku, kam si lidé chodili pro spravedlnost, sem sa dověděl, že si ani nepamatují, kdy naposledy tam od nás nekeho súdili. Z toho sem byl tak udivený, že sem sa hnedkaj vypravil za stařečkem Pagáčem, lebo to byla jediná "informační kancelář". Co sa kde v dědině šústlo, o tem hnedkaj věděli a enom tam bych sa mohl něco dovědět.

Přivítali na jak ztratěného syna a zvědavo nahlédali do kufru, kerý sem donésl. Dyž tam našli nekolik paklí tabáku z všelijakýma malovanýma obrázkama a dvě fajky – jednu z tú dlúhú tréskú – nebyli k udržání. Hnedkaj ju zmontovali, nacpali "tým voňavým, kerý myslím kúřijú enom pán farář", a posvátno bafali. Pochodovali po izbě z vyvaleným břuchem a pochvalovali si: "Takú faju nemajú ani lékárník a nadlesní už teprú neé! Chlapče, toto ti nikdy nezapomenu – z téj budu kúřit enom v nedělu po požehnání a chlapom ju ukážu enom přes okno!"

В только что приведенных, равно как и в последующих, строках цитируемого сборника представлен диалект так называемой Моравской Словакии (по-чешски Slovácko), граничащей, но отнюдь не совпадающей с государством Словакия (по-чешски Slovensko).

Проникновение диалекта в область функционирования литературного языка (в данном случае в собственно авторскую речь) способствует разрушению рассмотренной выше диглоссии «литературный чешский язык – обиходно-разговорное койне/диалект». Этому же способствует и экспансия диалектного текста в средства массовой информации, ср., например, статьи Л. Ветвички (Ladislav Větvicka) на одном из ляхских диалектов, которые он регулярно размещает не только в своем блоге <http://vetvicka.blog.idnes.cz/>, но и на популярном электронном ресурсе <http://protiproud.parlamentnilisty.cz/autor/ladislav-vetvicka.htm>, ср.:

Za devatero horama, devatero řekama a devatero lesama žila jedna stara, hodna, multykulturni babička. Jedneho krasneho slunečneho dňa sedela na zapraži, čumela bez ducha na ČTI a říká si: "Proč ja stara p.ča bydlim tak daleko?"

A rozhodla se, že si kupí barak ve městě a bude na sklonku sveho usměvaveho života konat mytykulturni dobro. Proto si nepronajala jakysik малы ошунтёлы kvartyr od erpegečka, ale kupila si od Bakaly celý panelak. Maňa sice říkála, že Bakala je pěčna kurva, ale to multykulturni babičce nevadilo, bo na barak získala grant, a jak znamo, peníze ukradene z cizích dani nesmrdí.

Do každeho z osumadvaceti kvartyru nastěhovala babička ruznorodé lidi, bo Maňa říkála, že v ruznorodosti je krasa. Do většich kvartyru umístila Němce, bo brečeli, že maju malo životního prostoru, Francuze, bo s

nima neni k vydrzeni a Angličany, bo k nim furt jezdili na navštěvu jacisi chlopi s turbanama. Aji Poláci měli velký kvartyr, ale furt si ho šibovali sem a tam. To už je taky polsky zvyk. Oni nevydrža na jednom místě.

Babička si zabrala nejkrasnější slunečný byt v přizemi, vyzdobila si ho nejškaredšíma artefaktama moderního umění a robila v baraku domovnicu. Od větších partaji vybírala větší najemne a přerozdělovala ho do menších kvartyru. To byla docela fungující metoda, jak zajistit, aby si mali moc nevyskakovali, bo by jim babka jinak nedala přerozdělene dotace. Většinu dotaci sice spotřebovala babka sama na sebe, ale to nikomu nevadilo, bo když je člověk u koryta, nema moc mlaskat nahlas.

Jenže babka zrobila chybu. Bo se nikdy nestarala o zatepleni fasady, v jedne krute zimě fasada promrzla a v nejvyšším patře v řeckem kvartyře praskla voda. <...>

В ситуации непосредственного устного общения, как отмечают авторы [Stylistika... 1997: 41], обращение к диалекту может быть способом перевода дискурса на приятельски-фамильярный уровень, проявлением «социальной солидарности», акцентированием того обстоятельства, что говорящий и его собеседник – земляки. Напомним, что в условиях всеобщего среднего образования даже в сельской глубинке найти чеха, не знакомого с литературным чешским языком, уже невозможно.

Вопреки сложившимся уже в прошлом столетии условиям исчезновения диалектов (свободное перемещение населения в условиях развития индустриального общества, всеобщее среднее образование, телевидение и интернет), это их исчезновение не произошло, хотя, действительно, как справедливо отмечают авторы [Stylistika... 1997: 41], их лексический запас поредел за счет названий уже не используемых в быту сельскохозяйственных орудий, а также (после распада Австро-Венгрии в 1918 году и образовании независимой Чехословакии) германизмов. Впрочем, насколько мы можем судить, по крайней мере в силезских говорах германизмов всё еще предостаточно, ср. фрагмент из любительского учебника «Опавского языка», в котором эти германизмы выделены нами полужирным шрифтом:

Ja, maš recht. Rynštok a dekelfyra v luftě, mur bez pucu, dachpapa je durch a jakystyk kryšbaum už leze raus. Muj švigerfoter, un je taky bajstler, un ma na to vercajk a zycher aj ybryšny plech. Němusitě měť v šlafcimře vašpeky. Albo na ten dach přinagljemy tepich a fertig! [Skalička 2017: 52].

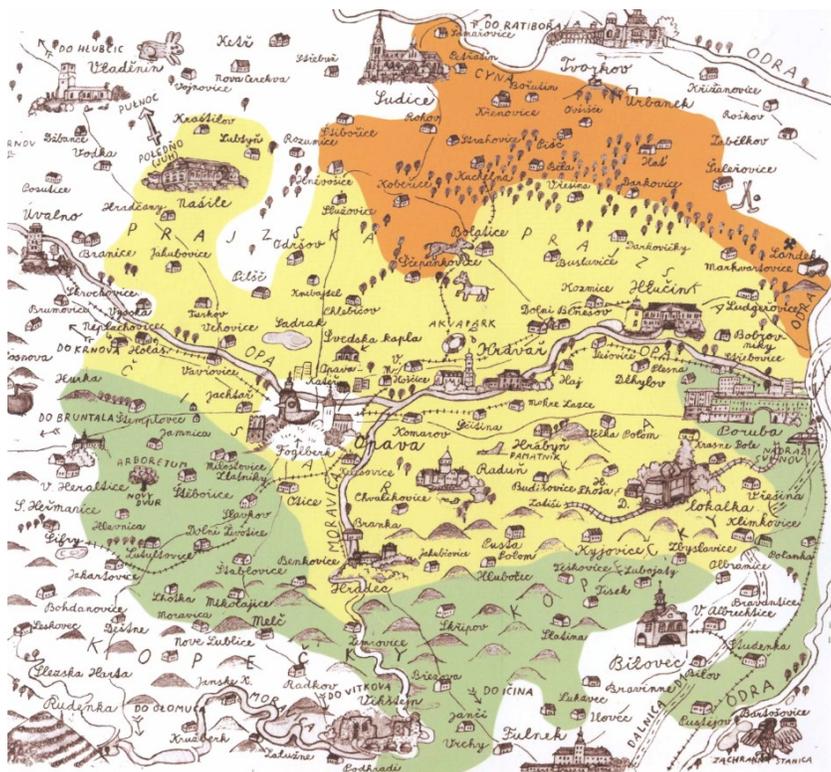
На базе территориальных диалектов может возникнуть интердиалект (**interdialekt**), противопоставленный, с одной стороны, традиционному территориальному диалекту (с которым он способен вступить в диалог), выступая как высший по отношению к последнему, более престижный идиом), с другой же стороны, противопоставленный лите-

ратурному языку (оказываясь на этот раз в позиции идиома менее престижного). Авторы [Stylistika... 1997: 42] рассматривают интердиалект как «нестабилизированный» (в отличие от территориального диалекта) идиом, представляющий высшую стадию развития традиционных территориальных диалектов, постепенно избавляющийся от наиболее характерных, уникальных отличительных черт отдельных диалектов и способный к изменениям, обусловленным развитием этнического языка в целом, например, выравниванием окончаний словоизменения.

В результате характерной чертой интердиалекта оказывается вариативность тех или иных форм, ср. моравское *chod'ijũ /chod'ijõ/chod'ijou* в соответствии с литературным *chodí* или же собственно-чешское *štyři/čtyři/štyři* в соответствии с литературным *čtyři*.

По мнению авторов [Stylistika... 1997: 42], в то время как в Моравии отчетливо выделяются два интердиалекта (восточноморавский и центральноморавский), интердиалекты собственно чешские (на базе которых формируются «региональные» варианты собственно-чешского обиходно-разговорного койне) на взгляд «извне» выглядят как интердиалект единый (отметим, что при таком подходе недифференцированным должно быть и собственно-чешское обиходно-разговорное койне – **obecná čeština**).

Применительно к ситуации в чешской Силезии авторы [Stylistika... 1997: 42] понятие интердиалекта вообще не затрагивают. Нам, однако, отказ от использования понятия «интердиалект» применительно к языковой ситуации в чешской Силезии отнюдь не представляется самоочевидным, просто степень вариативности языковых средств тут будет существенно бóльшая. В этой связи весьма интересным представляется уже упоминавшийся учебник «опавского языка» [Skalička 2017], где для записи «опавских» слов и текстов автор использует расширенный за счет графем *ł, ś, ź, ȳ* современный чешский алфавит, детально изложив на с. 13-17 правила чтения букв этого расширенного алфавита в трех основных группах говоров Чешской Силезии. Например, буква *ř* читается как мягкий [r'] в группе А (южная группа), как [č] в группе В (западная группа) и как [č'] в группе С (восточная группа), буква *ł* обозначает твёрдый [l] в группе А и [ũ] неслоговой в группах В и С, буква *ř* в группах А и В (а также части говоров группы С) имеет те же фонетические реализации, что и в литературном чешском языке, однако в некоторых говорах группы С может обозначать [ž] или [š], что же касается буквы *ȳ*, то дистрибуция её фонетических реализаций проходит «поверх» названных трех групп – на большей части территории Чешской Силезии эта буква соответствует назальному [ȳ] или же сочетанию [um], на южной и на восточной периферии – обычному [u]. На обороте обложки автор разместил трехцветную (каждой из названных трёх групп говоров соответствует определенный цвет) карту региона и сводную таблицу произношения используемых им букв, ср.

Произношение букв и сочетаний букв

Территория	A	B	C
A	a	a	a
B	b	b	b
BĚ	bje	bje	bje
C	c	c	c
Č	č	č	č
D	d	d	d
Ď	ď	ž	ď
DĚ	dě	že	dě
DI	dí	ži	dí
DZ	z	z	z
DŽ	dž	dž	dž

Произношение букв и сочетаний букв			
E	e	e	e
Ě	<i>см. bě, pě, fě, mě, dě, tě, ně</i>		
F			
FĚ	fje	fje	fje
G	g	g	g
H	h	h	h
CH	ch	ch	ch
I самостоятельно и после <i>b, p, f, v, m, l</i>	ī	ī	ī
I после <i>j, n</i>	i	i	i
I после <i>c, č, d, dž, ř, š, ž</i>	i	i	i
I после <i>ś, ź</i>	<i>см. śi, źi</i>		
J	j	j	j
K	k	k	k
L	l'	l'	l'
Ľ	ḷ	ũ	ũ
MĚ	mje	mje	mje
N	n	n	n
NĚ	ňe	ňe	ňe
Ň	ň	ň	ň
O	o	o	o
P	p	p	p
PĚ	pje	pje	pje
R	r	r	r
Ř	ř	ř	ř, š/ž
S	s	s	s
Ś	s'	ś	ś
ŠŤ	st'	šč	śc
ŠTĚ	stě	šče	šće
ŠTI	st'ī	ščī	ścī
ŚI	s'i	śi	śi
Š	š	š	š
T	t	t	t
Ť	t'	č	ć
TĚ	tě	če	će
TI	t'ī	či	ći
U	u	u	u
Ů	на юге и на востоке <i>u</i> , на остальной территории от <i>u</i> до		

Произношение букв и сочетаний букв			
	<i>um</i>		
V	v	v	v
VĚ	vje	vje	vje
X	ks	ks	ks
Y	l	l	l
Z	z	z	z
Ž	zj	ž	ž
ŽĎ	žď	žž	žď
ŽDĚ	žde	žze	žde
ŽDI	žďi	žži	žďi
ŽI	ž'i	ži	ži
ŽŤ	<i>см. št'</i>		
Ž	ži	ži	ži

Это позволило автору унифицировать графический облик регулярно привлекаемых им художественных и фольклорных текстов других авторов (при взгляде «со стороны» на говоры Чешской Силезии в глаза бросаются прежде всего их фонетические расхождения, различия же в словоизменении и синтаксисе менее заметны), а потенциальному читателю предоставило возможность изучать данный идиом в нужном для него (читателя) варианте произношения. В результате получился самоучитель не только заявленного в предисловии «опавского языка», но и «ляшского языка» (= силезского интердиалекта?) в целом, в сферу которого входят в том числе записанные чешской графикой тексты в Сети, а также, что особенно важно, основывающаяся на верхне-остравских говорах Чешской Силезии поэзия номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970 года Ондры Лысогорского, «ляшский язык» которого А.Д. Дуличенко рассматривает как один из литературных микроязыков Славии, см. [Дуличенко 1993: 154, 158след.].

Говоря о территориальных диалектах, авторы [Stylistika... 1997: 44] рассматривают также следующие важные для чешской лингвистики, однако плохо совмещающиеся с отечественной традицией терминологически различать сосюрговские *langue* и *parole* понятия **běžná mluva** ≈ **běžně mluvený jazyk**, а также **městská mluva**. В первом случае речь идет о наборе языковых средств, используемых в процессе повседневной речевой коммуникации, во втором случае – о языке/речи обитателей города. Для первого случая авторы [Stylistika... 1997: 44-45] особо отмечают неприемлемость территориальных ограничений, для второго – иерархически упорядоченное использование двух или более идиомов при доминировании одного из них: в основе языка/речи Праги (**městská**

mluva pražská) лежит собственно-чешское обиходно-разговорное койне (**obecná čeština**), в основе языка/речи Брно (**městská mluva brněnská**) – центрально-моравский интердиалект, язык/речь Остравы (**městská mluva ostravská**) бывает представлена литературным чешским языком с примесью местных диалектов.

В коллективной монографии «Чешский язык на рубеже тысячелетия» этому феномену (**běžná mluva**) посвящен целый раздел, включающий в себя описание целого ряда региональных идиомов этого типа, см. [Český jazyk ... 1997: 173-257]. Мы находим там, в частности, Nářečí středočeské obce Dobrovíz u Prahy [Jančáková 1997], Tradiční dialekt a mluva mládeže na Železnobrodsku [Bachmannová 1997], Vývoj nářečních jevů v jihočeském regionu [Janečková], Běžná mluva v Praze a její nářeční zázemí [Jančák 1997a], Jak se adaptují nářeční mluvčí na mluvu Prostějova [Šipková 1997], Mluva dítěte v dnešní moravské jazukové situaci [Krčmová 1977a], Proměny brněnské městské mluvy [Krčmová 1977b], Jak se proměňují slezská nářečí [Šrámek 1977], Mluva v severozápadočeském pohraničí [Jančák 1997b], Mluva v severomoravském pohraničí [Kloferová 1997].

5.4. Профессиональный язык/речь, сленг, арг

Как уже отмечалось, такие традиционно рассматриваемые в чешской лингвистике идиомы, как профессиональный язык/речь (**profesní mluva**), сленг (**sleng**) и арг (**argot**) специфичны прежде всего в области лексики, «надстраиваясь» над тем или иным «системным» идиомом – над литературным языком, койне, интердиалектом или же территориальным диалектом.

Поскольку во всех трех случаях (или, вернее, трех типах случаев) речь идет об особенностях языка/речи определенных социальных групп, их в последние годы вполне резонно объединяют под общим термином «социолекты» = «социальные диалекты», ср. [Molnarová 2009: 11]. В одной словарной статье, озаглавленной как **SOCIOLEKT slang**, данные идиомы рассматриваются и в «Новом энциклопедическом словаре чешского языка» [Nový... 2016: 1724-1725]. Там же приводятся и использованные ранее синонимы: **sociální nářečí**, **společenské nářečí**, **speciální nářečí**, **vrstvá nářečí**.

Специфику профессионального языка/речи (**profesní mluva**) авторы [Stylistika... 1997: 45] видят в обращении, при исполнении профессиональных обязанностей, к терминам и терминологизованным сочетаниям независимо от их литературности ради большей однозначности и экономии выразительных средств, и эта «серьезность» мотивации отличает, по их мнению, профессиональный язык/речь от сленга.

В качестве русского эквивалента чешскому термину **profesní mluva** мы склонны предложить термин «профилект», который, честно признаемся, в лингвистической литературе популярностью пока не пользуется: поисковик РИНЦа при соответствующем запросе дает ссылки исключительно на публикации автора данных строк, а Яндекс и Гугл ничего относящегося к лингвистике по данному запросу не находят вообще; ничего не находит по запросу *profilekt* и чешский национальный поисковик *Seznam*, равно как и поисковик Чешского национального корпуса на *korpus.cz/* (Обращение 15.01.2020). Термин ПРОФИЛЕКТ/ПРОФИРЕЧЬ встречался нам в [Калита 2013], где он используется, правда, в несколько ином значении, см. нашу рецензию на данную работу в приложении.

В основе сленга (**slang**), по мнению авторов [Stylistika... 1997: 47], лежит прежде всего принцип социальной солидарности, когда знание сленгового значения того ли иного слова или выражения сближает членов определенной группы людей (по профессии или по интересам), в то же время противопоставляя их людям, в данную группу не входящим, при этом сленговое значение изначально появляется у общеупотребительного слова или выражения в результате метафорического или переноса исходного значения, языковой игры и т.д. Это различие в мотивации, а именно стремление к лаконичности выражения в случае профессионального языка/речи и стремление к языковой игре, приводящее к возникновению целого ряда экспрессивных синонимов, иногда называется в качестве важного отличия данных социолектов, ср. [Molnárová 2009: 13].

В наиболее полном известном нам современном словаре чешской нелитературной лексики [Slovník nespisovné... 2009] мы находим следующие относящиеся к сленгу пометы (цифра в третьем столбике говорит, сколько раз данная помета попала на нас в иллюстративном отрывке из данного словаря, а именно в словарных статьях, начинающиеся на буквы **a, b, c, ě** (около 20% полного объема словаря), размещенных издателем в открытом доступе на http://slangy.cz/SNC_Ukazky.html):

cirkus.	cirkusový slang	57
comp.	počítačový slang	4
divad.	divadelní slang	32
doprav.	slang pracovníků městské dopravy	9
drog.	drogový slang	15
film.	filmový slang	4
fotogr.	fotografický slang	1
hasič.	hasičský slang	0
horn.	hornický slang	4
hudeb.	hudební slang	32

karet.	karetní slang	9
krimin.	kriminální slang	16
letec.	letecký slang	1
med.	slang zdravotníků	9
motor.	motoristický slang	23
polic.	policejní slang	23
polit.	mluva politiků	2
rozhl.	rozhlasový slang	23
řem.	řemeslnický slang	47
sport.	sportovní slang	53
stud.	studentský slang	5
svět.	světská hantýrka	89
šach.	šachový slang	11
škol.	školní slang	22
techn.	technický slang	15
tel.	televizní slang	2
tisk.	tiskařský slang	4
tramp.	trampský slang	8
věžeň.	věžeňský slang	79
voj.	vojenský slang	58
želez.	železniční slang	14

Естественно, данный список не является исчерпывающим (в классической монографии [Hubáček 1979] рассматривается четыре десятка сленгов), да это и не входило в задачу авторов словаря.

Сленги живут, развиваются и исчезают вместе с теми социальными группами, с которыми они связаны. Так, в прошлое ушли сленг сплавщиков леса (**vorařský slang**), мельников (**mlynářský slang**), тапёров (**šumařský slang**), холостителей домашнего скота (**nunvářský slang**), тогда как сленг рыбаков-любителей (**rybářský slang**) вполне благоденствует, ср. [Hauser 1980: 24]. Чешский охотничий сленг (**myslivecký slang**), истоки которого уходят в средние века, весьма консервативен (ср., например, разделенные столетием словари [Špatný 1876] и [Sekera 1972]), а школьный сленг (**žákovský slang**) меняется буквально на глазах, ср. [Dusilová 2018].

В то время как для многих и чешских, и российских исследователей сленг – нечто, противопоставленное литературному языку, в [Sgall; Hronek 1992] мы находим весьма удачную, с нашей точки зрения, концепцию, в соответствии с которой «высшие сленги» (медицинский сленг, студенческий сленг и т.д.) рассматриваются как интегральная часть чешского литературного языка, в отличие от «низших сленгов» (сленг наркоманов, сленг железнодорожников и т.д.), которые такой интегральной части не являются. Различает «высшие» и «низшие» слен-

гов и Я. Губачек, ср., например, упоминавшуюся выше статью в [Nový... 2016: 1724-1725], написанную им в соавторстве с М. Крчмовой.

Под арго (**argot**) в чешской традиции понимается, как правило, «тайный язык» деклассированных групп общества – бродяг, воров, бродячих актеров, лудильщиков и вообще тех, кто не имеет постоянного пристанища. Разновидностью чешского арго являлась и так называемая **světská hantýrka** – язык тех, кто был вынужден «бродить по свету» и постоянно суетиться (нем. hantieren), чтобы не умереть с голоду. Весьма показательным названием словарика Hantýrka oder die Čechische Diebessprache, который известный деятель чешского национального возрождения Антонин Ярослав Пухмайер приложил к своему учебнику цыганского языка [Puchmajer 1821]. К этому же немецкому глаголу hantieren восходит и знаменитый брненский **hantec**, «структурным идиомом» для которого стал центрально-моравский интердиалект, а источником дополнительной лексики – немецкий/идиш брненских евреев, цыганский язык и венский арго, ср. далее текст, взятый нами с ресурса <http://www.sepl.rulez.cz/slovniky/hantec/> (Обращение 14.11.2016), где этот текст заботливо снабжен переводом на литературный чешский язык:

Vomzák	Zrádce
Kéma kempuje v jedné sólovce s nějakým Pepkem.	Kamarád bydlí v jedné ubytovně s nějakým Lojzou.
Je to takové béčko Vančák.	Je to takový hlupák z Ivančic.
Je mu tak dvě pětky járů.	Je mu tak 20 let.
Béval špica v dánské spářce.	Býval jednička v intenzivních pitkách.
Po matuře začal fachat jako šerlok.	Po maturitě začal pracovat jako policista.
Vod toho járu pré hodil zpátečku sosat plnotučný, kačáky uvalí za šalinkartu, blemcá křandy, vodbubnoval kámoše a lohec.	Od toho roku prý přestal pít dvanáctku, peníze utratí za průkazku městské hromadné dopravy, plácá žvásty, skončil s kamarády a legrací.
Vyložené vomzák a křivák.	Vyložený zrádce a sketa.
Do šilcárny dé voháklé špígl-níkl.	Na policejní stanici jde dokonale oblečen.
Jégrovky každé deň, dékový fusky nemá.	Podvlékačky každý den, smradlavý ponožky nemá.
Vodpískal murako a v cimře má bét pré imrvére ordnunk.	Přestal s nepořádkem a v pokoji má být prý stále pořádek.
Nélepčí co v ygómal je, že v béváku	Nejlepší, co vymyslel, je, že je v bytě

je idiotbox.	televizor.
A vobčas hodí myslivnu, jak kéma může splášit rantále, aby to bylo férové.	A občas se zamyslí, jak může kamarád sehnat peníze, aby to bylo poctivé.
Je živágo.	Je čínorodý člověk.
Má fůru biflí.	Má hodně knih.
Ale negómu babáče.	Ale nechápu ženské.
Ty na něho letijó.	Ty na něj letí.
Furt lófruje.	Pořád randí.
Ešče že nevodpískal truskavec.	Ještě že neskončil s cigaretami.
Vypaluje lajvont seno.	Kouří dobré.
Mám peřinu, tak rači nosím flétnu, když du na čuz do sólovky.	Mám obavy, tak raději nosím občanský průkaz, když se jdu podívat do ubytovny.
Fér.	Opravdu.
Jedno mě klavíroval, abych čároval do vodmašťovny a remcal.	Jednou mě přesvědčoval, abych šel do protialkoholické léčebny a měl kritické připomínky.
Tak to je story vo bévalým borcovi.	Tak to je příběh o bývalém chlapovi.
Hlásím loď a valím do Kényku zacucnót jeho hlópost.	Odcházím a jdu do Králova Pole zapít jeho hloupost.
Kolik kósnu krýglů?	Kolik vypiju piv?
Vo tym negómej!	O tom nepřemýšlej!

Богатейший источник чешских арготизмов и сленгизмов представляет содержащий 16 000 статей **Šmírbuch jazyka českého** с подтитлом «Словарь неконвенционального чешского языка» (**Slovník nekonvenční češtiny**), вышедший первым изданием в 1988 году в Париже, а четвертым – в 2016 году в Праге, см. [Ouředník 2016]. Интересный материал можно найти также в словаре [Hacknutá čeština... 2018].

У чешских авторов можно также встретить термин **žargon** как полный или неполный синоним термина **slang** или же термина **argot**. Подробный анализ истории употребления названных выше и близких им терминов (например, термина **interslang**) в чешской лингвистической литературе, доведенный, к сожалению, лишь до уже далекого от сегодняшнего дня года издания статьи можно найти в [Губачек 1980]. Более сжатая, но зато и более новая информация содержится в уже упоминавшейся статье **SOCIOLEKT slang** «Нового энциклопедического словаря чешского языка» [Nový... 2016: 1724-1725], подготовленной Я. Губачеком в соавторстве с М. Крчмовой.

6. СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Следует отметить, что в отечественной лингвистической традиции о стилеобразующих факторах упоминается разве что при характеристике функциональных стилей и то вскользь, ср.: «Поскольку язык есть действительное сознание, то, очевидно, при определении и систематизации функциональных стилей логично опираться на известные формы общественного сознания (наука, политика, право, религия, искусство), тем более, что каждой из них соответствует определенный вид деятельности и социально значимая, типизированная и традиционная сфера общения со сложившимися принципами употребления языковых средств, образующих своеобразную стилистико-речевую организацию. ... на указанной экстралингвистической основе выделяются функциональные стили: научный, деловой, публицистический, художественный, религиозный, разговорно-бытовой. В каждой названной сфере общения имеется свой базовый комплекс стилеопределяющих (или стилеобразующих) факторов, обуславливающих специфику данного функционального стиля. В него входят: назначение соответствующей формы общественного сознания (науки, права и т.д.), характерная для него форма мысли, а также тип содержания и определяемые всем этим цели и задачи общения в определенной сфере деятельности. Этот комплекс обуславливает наиболее целесообразное использование языка в каждой названной сфере для осуществления в ней эффективной коммуникации. Он в известной степени определяет и более частные, вторичные факторы, например: совокупность жанров, преимущественные функционально-смысловые типы речи и др.» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2016: 123-124].

В лингвистике же чешской проблематика стилеобразующих факторов разработана самым подробным образом. При этом последовательно разграничиваются факторы, не связанные с личностными качествами говорящего/пишущего, и факторы, с этими качествами так или иначе связанные. Первые обозначаются как объективные стилеобразующие факторы (**objektivní slootovorní činitelé**), вторые же как субъективные стилеобразующие факторы (**subjektivní slootovorní činitelé**). Данное противопоставление в чешской стилистике является общепринятым, хотя по поводу того, что следует рассматривать в первой или во второй группе, могут быть несовпадения во мнениях.

6.1. Объективные стилеобразующие факторы

В качестве объективных стилеобразующих факторов авторы [Stylis-tika... 1997: 51-59] рассматривают:

- 1) основные функции коммуниката (**základní funkce komunikátu**);
- 2) характер коммуниката (**ráz komunikátu**);
- 3) коммуникативная ситуация (**situace a prostředí**);
- 4) характер адресата (**charakter adresáta**);
- 5) форма коммуниката (**užitá forma komunikátu**);
- 6) степень подготовленности коммуникации (**míra připravenosti komunikace**);
- 7) использованный код языковой коммуникации (**užitý kód jazykové komunikace**);
- 8) тема коммуниката (**téma komunikatu**).

Авторы [Stylistika... 1997: 51-52] отмечают, что наряду со своей основной коммуникативной функцией (**kumunikační funkce**), которую они также обозначают как **funkce dorozumívací** и **funkce sdělná/sdělovací**, коммуникат всегда выполняет также и ряд функций дополнительных, среди которых они называют, в частности, функцию специального общения и образовательную (**funkce odborně sdělná a vzdělávací**), функцию директивную (**funkce direktivní/řídící**), функцию оперативную (**funkce operativní/správní**), функцию поясняющую и убеждающую (**funkce uvědomovací a získávací**), функцию персуазивную (**funkce persvazivní/přesvědčovací**), функцию эстетического общения (**funkce esteticky sdělná**) и приводят для сравнения два отрывка, первый из которых взят из художественного наследия известного писателя К. Полачека, а второй представляет «нехудожественный» (то есть с отсутствующей функцией эстетического общения) пересказ того же самого фрагмента:

Отрывок 1

Svatební přípravy se děly s nevídanou rychlostí. Zejména matka nevěstina nasadila pekelné tempo ...

... Pan Šefelín se ujal úřadu pořadatele. Velel zástupu dělníků, kteří zpočeni a oddychující námahou vlekli kusy nábytku do pátého patra. Za pomoci pana Habáska staršího dbal o ladné uspořádání bytu. Pak opustili byt a na jejich místo vrhla paní Šefelínová se zástupem žen, ozbrojených rýžovými kartáči, smetáky a utěrkami. Byly to pohnuté chvíle. Podlaha, stěny a nábytek stěnały, i zdálo se, že proklínají chvíle svého zrození.

Отрывок 2

Rychle se chystala svatba a hlavně nevěstina matka se měla co otáčet ...

... Pan Šefelín všechno řídil. Vzal si na starost lidi, kteří s námahou stěhovali (event. vlekli) nábytek do pátého patra. Spolu s panem Habáskem (event. se starým Habáskem) se starali o to, aby bylo všechno v bytě uspořádané (event. v pořádku). Když skončili, do bytu vrhla paní Šefelínová s ostatními ženami a úklid začal. Dělały všechno, podlahu, stěny i nábytek...

По мнению авторов [Stylistika... 1997: 53-54], характер коммуниката (**ráz komunikátu**) связан с приватным или публичным характером конкретной коммуникации (**soukromí/veřejnost dané komunikace**), что, в свою очередь, обусловлено коммуникативной ситуацией и общим контекстом. Характер коммуниката также непосредственно связан и с целью осуществляемой коммуникации. Коммуникат может иметь характер официальный, полуофициальный или же, наоборот, совершенно неофициальный, приватный и доверительный. Например, для публичных выступлений характерен выбор грамматических и лексических средств, стилистически маркированные в качестве книжных.

Под коммуникативной ситуацией (**komunikační situace**) в широком смысле авторы [Stylistika... 1997: 54-55] понимают совокупность всех объективных и субъективных факторов, включая особенности участников коммуникации и используемых в коммуникации кодов, в узком же смысле речь идет, по их мнению, об атмосфере коммуникации, обусловленной прежде всего условиями данной коммуникации и кругом адресатов. К факторам, ухудшающим условия (**prostředí**) коммуникации, относится, например, шум, плохое освещение, накуренность, физическая удаленность участников коммуникации от другого и т.п.

В качестве факторов, объективно влияющих на стиль коммуниката, авторы [Stylistika... 1997: 55] называют также характер адресата (**charakter adresáta**), имею в виду, что в разговоре с лично знакомым и к лично не знакомым адресатом говорящий будет, скорее всего, говорить стилистически не одинаково, ср. одну и ту же лекцию, который профессор будет читать в уже знакомой ему аудитории или же в аудитории совершенно новой.

Немаловажным фактором, влияющим на выбор стилистических средств, является и форма коммуниката (**užitá forma komunikátu**) – устная или же письменная. Устные коммуникаты (**mluvené komunikáty**), как правило, характеризуются спонтанностью (особняком стоят заранее подготовленные теле- и радиокommunikаты) и непосредственной связью с ситуацией коммуникации, при их характеристике следует учитывать возможность использования паралингвистических и экстралингвистических средств (темп речи, сила и высота голоса, тембр, мимика, жестикаляция). Зато автор письменного коммуниката (**psané komunikáty**) располагает арсеналом графических и композиционных средств.

Об объективности фактора степени подготовленности коммуникации (**míra připravenosti komunikace**) красноречиво свидетельствуют стилистические особенности некоторых спонтанных коммуникатов, для которых характерны случайный подбор стилистических средств, немотивированные повторы, не всегда удачная композиция, языковые ошиб-

ки, нечаянные отклонения от литературного языка и т.д. С другой стороны, как отмечают авторы [Stylistika... 1997: 56-57], мы не можем не учитывать вмешательства и субъективных стилеобразующих факторов – а именно способности говорящего контролировать стилистические аспекты коммуниката даже в условиях спонтанной коммуникации, а тем самым нивелировать влияние данного объективного стилеобразующего фактора.

То же можно сказать и по поводу такого объективного стилеобразующего фактора, как код языковой коммуникации (**užitý kód jazykové komunikace**), ср. [Stylistika... 1997: 58].

Как отмечают авторы [Stylistika... 1997: 58-59], тема коммуниката (**téma komunikatu**) в традиционной чешской стилистике в качестве объективных стилеобразующих факторов не рассматривалась, однако обращают внимание на объективность стилистических различий коммуникатов, посвященных, например, производству нефтепродуктов, с одной стороны, и коммуникатов, посвященных святочным торжествам, с другой.

6.2. Субъективные стилеобразующие факторы

Субъективные стилеобразующие факторы формируют так называемый авторский (**autorský styl**) или индивидуальный (**individuální styl**) стиль. В качестве субъективных стилеобразующих факторов авторы [Stylistika... 1997: 59-63] рассматривают прежде всего такие обстоятельства, как:

- 1) интеллектуальная зрелость коммуниканта, его способность к абстракции и логическому мышлению;
- 2) владение кодами коммуникации, знакомство с письменной и устной речью с учетом нормы, кофидикации и стилистического многообразия;
- 3) жизненный опыт, культурный и общественный кругозор;
- 4) уровень общего и профессионального образования;
- 5) способность к метаязыковому мышлению и языковая компетентность;
- 6) знание темы коммуникации и отношение к её содержанию;
- 7) профессия и отнесенность коммуниканта к определенной социальной группе и среде;
- 8) особенности поведения и мышления коммуниканта, его физическое и психическое состояние в момент коммуникации и готовность к ней;
- 9) особенности поведения, связанные с возрастом и полом коммуниканта;
- 10) отношение к адресату и осознание адресности коммуниката;

11) личные наклонности, увлечения и привычки коммуниканта.

Авторы [Stylistika... 1997: 59-63] допускают, что при более подробном анализе данный список субъективных стилеобразующих факторов можно было бы увеличить, и подчеркивают, что все они действуют во взаимосвязи,

Роль формирующих авторский / индивидуальный стиль субъективных стилеобразующих факторов весьма существенна в текстах художественных и публицистических, и минимальна в текстах административных, ср. [Stylistika... 1997: 62]. С этим связано и то обстоятельство, что корифеи чешской стилистики Б. Гавранек, К. Гаусенблас, Й. Грабак, К. Горалек, Я. Белич, А. Стих, П. Мареш, А. Мацурова, З. Кожмин посвящали свои статьи и монографии стилистическим особенностям прежде всего художественных произведений К.Г. Махи, Б. Немцовой, К. Сабины, А. Ирасека, П. Гавличека Боровского, О. Павла, Б. Грабала, В. Ванчуры, Йозефа и Карла Чапек и др.

7. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Как уже отмечалось, чешская стилистика, в отличие от отечественной, активно пользуется понятием «коммуниката», под которым понимается, как правило, «закрытая в плане содержания и выражения единица, служащая для достижения коммуникативной цели в коммуникативной ситуации», тогда как под «текстом – коммуникат, тем или иным способом, прежде всего письменно, зафиксированный», см. [Stylistika... 1997: 64]. Иногда, впрочем, встречаются и альтернативные взгляды, например, под «текстом» понимается структура коммуниката, см. [Čeština ... 1996: 355-360].

Тем самым чешская стилистика самым тесным образом взаимодействует с лингвистикой текста. Следует отметить, однако, что лингвистика текста изучает роль текстовых единиц (абзацев, сверхфразовых единств и т.д.) в развёртывании текста как грамматического феномена, тогда как чешская стилистика (а в последние полвека и отечественная стилистика текста – см. работы В.В. Одинцова, Н.М. Кожинной, Г.Я. Солганика) последовательно исходит функционального потенциала данных единиц.

Весьма важным для чешской стилистики является понятие, передаваемое труднопереводимым на русский язык сочетанием **slohový postup** (букв. ‘стилевая/стилистика последовательность действий’) и означающее «основную линию построения текста на уровне тематическом и языковом», которая может быть информационной (**informační slohový postup**), повествовательной (**vyprávěcí slohový postup**), описательной (**popisný slohový postup**), толковой (**výkladový slohový postup**) и интерпретационной (**úvahový slohový postup**) [Stylistika... 1997: 66].

Авторы [Stylistika... 1997: 67-74] показывают, как данные модели в их различных модификациях используются при формировании тех или иных типов коммуникатов, например, как «неконтекстовая» модификация информационной модели (**nekontextový informační postup**) используется для жанра телеграммы или жанра сообщающего о концерте плаката, тогда как для жанров публицистики характерна прежде всего её «контекстовая» модификация (**kontextový informační postup**).

В «Стилистике для журналистов» [Minářová 2011: 80] эти закономерности иллюстрируются следующей таблицей:

Základní slohové postupy	Základní slohové žánry/útvary (v nichž některý z postupů převládá jako dominantní)	Funkční stylové sféry (s převládajícím výskytem slohových postupů a útvarů)
informační	zpráva, oznámení, výzva, žádost, úřední dopis, zápis schůze, dotazník, strukturovaný životopis	administrativní, částečně zpravodajská
vyprávěcí	vypravování	běžnědorozumivací a umělecká
výkladový (popř. úvahový)	pojednání, výklad, úvaha	odborná, některé žánry žurnalistiky
popisný	popis, charakteristika, posudek	odborná, umělecká, administrativní, běžnědorozumivací

Как мы видим, в данной таблице термины **slohový útvar** (букв. ‘стилевая/стилистическая формация’) и **slohový žánr** (‘стилевой/стилистический жанр’) подаются как синонимические, однако это синонимия не полная и иногда употребление слово **žánr** ограничивается породившей его сферой художественной литературы и литературоведения, ср. [Stylistika... 1997: 75].

В исследованиях по стилистике достаточно обычным является противопоставление так называемого «горизонтального» и «вертикального членения текста».

В первом случае (**horizontální členění textu**) речь идет о синтагматическом фрагментировании текста на начало, центральную часть и часть заключительную, в письменном тексте это также фрагментирование на графы и абзацы. В художественных, научных и публицистических текстах немаловажным является заголовок, структура которого может различаться в разные эпохи. В административных текстах вступительная и заключительная разделы часто формализованы, так что информативной является лишь центральная часть, в публицистике, наоборот, весьма информативны титул и сопровождающий его подтитул – краткая аннотация. Весьма жесткой структурой могут обладать жанры научного стиля, что хорошо известно всем, подающим рукописи в «важные» научные журналы.

Что же касается «вертикального членения текста» (**vertikální členění textu**), то оно зависит прежде всего от функциональной сферы, в которой данный текст выступает: в научном тексте это его фрагментация, отражающая иерархию отдельных единиц информации и связей между ними, в тексте художественном это различные аспекты построе-

ния художественной действительности, определние выраженных там идеологических позиций, система художественных образов и т.д.

При этом ни вертикальное, ни горизонтальное членение не лишает коммуникат свойства когерентности (**koherence**), внутреннего единства.

В процессе функционирования отдельные коммуникаты способны объединяются в единицы более высокого уровня, которые в [Hausenblas 1984: 1-7] предлагается называть уровнем комплексов коммуникатов (**komplexy komunikátů**).

8. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

В чешской, как и в русской традиции, стилистическому потенциалу языковых средств уделяется немалое внимание, ср. специальные разделы в чешских классических учебниках [Stylistika... 1997: 81-131], [Stylistika... 2011:47-71] или же в учебнике отечественном [Кожина, Дускаева, Салимовский 2016: 202-284].

При этом, однако, нельзя не отметить и ряд отличий, обусловленных как общей «литературоцентричностью» отечественной лингвистики, так и особенностями исторического развития чешского и русского языков.

В названном выше отечественном многократно переиздававшемся учебнике в разделе «Стилистические ресурсы русского языка» сразу же после «Общих сведений» идет глава «О средствах словесной образности как стилистических ресурсах речи», в которой весьма обстоятельно рассматривается хорошо знакомо каждому сдававшему курс «Введение в литературоведение» тропы и фигуры, прежде всего метафора, и лишь затем идут главы, посвященные таким собственно «лингвистическим», как лексика, словообразование, грамматика. При этом ресурсам фонетическим посвящен один-единственный абзац: «Фонетика имеет меньше возможностей для создания стилистической экспрессии высказывания (тем более, если иметь в виду письменную форму общения), однако и она включает в себе определенные ресурсы и в отом отношении (особенно при отнесении сюда интонационно-ритмических сторон речи)» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2016: 204].

У авторов же [Stylistika... 2011] параграф *Slohová charakteristika prostředků hláskových* (с. 82-85) о стилистическом потенциале фонетических средств (далее идут параграфы о стилистическом потенциале морфологических средств [с. 85-109], словообразовательных [с. 109-116], синтаксических [116-121] и лексических [с. 116-131]) весьма информативна: рассматриваются варианты слов с долгим или кратким слогом в корне (типа *děšt'/dešť*, *odesílatel/odesílatel*, *ochutnávač/ochutnavač*), одни из которых стилистически эквивалентны, а другие – нет; варианты с чередованием *-í- / -ě-* (типа *plamének/plamínek*, *létat/lítat*, *mléko/mlíko*), варианты с меной гласных и согласных звуков (типа *oddechnout/oddychnout*, *přazka/přezka*, *křopat/křoupat*, *klovat/klobat/klofat*), наконец, огромное число примеров, когда литературной огласовке противостоит огласовка обиходно разговорная или диалектная, а иногда и гиперкорректизм. Этот бóльший, по сравнению с русским, стилистический потенциал фонетических средств вполне законо-

мерен, если мы примем по внимание, во-первых, отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных, а во-вторых, уже рассмотренное на предыдущих страницах принципиально иное положение нелитературных идиомов в составе национального языка.

Характерный для чешской лингвистики двадцатого и двадцать первого веков системно-функциональный подход сделал возможным появление обобщающих работ по стилистике, которые без ущерба для научной строгости описания способны также выступать в качестве учебных пособий для самого широкого круга читателей, ср., например, [Stylistika... 1997], [Stylistika... 2011], в которых рассмотренные на предыдущих страницах теоретические принципы были реализованы при обработке богатейшего фактического материала основных сфер функционирования современного чешского языка – сферы повседневной коммуникации, профессиональной коммуникации, администрирования, художественной литературы, публицистики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

На последующих страницах приводятся статьи и рецензии автора, затрагивающие рассматриваемую в данном издании проблематику.

АСИММЕТРИЧНЫЙ БИЛИНГВИЗМ¹

Рецензируемая монография посвящена социалингвистическому анализу сложившейся к началу нового тысячелетия на территории современной Беларуси ситуации асимметричного билингвизма.

Современные русский и белорусский язык отчетливо противопоставляются всем остальным славянским языкам, включая восточнославянский же украинский, прежде всего значительностью доли церковнославянского элемента в грамматической системе. Весьма показательна в этом плане развитая система причастных формантов, унаследованная русским языком из церковнославянского (для причастий настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога, ср. *делающий*, (*с*)*делающий*, *делаемый*, (*с*)*деланный*). Если не считать белорусского языка, подобной системы мы не найдем ни в одном современном славянском языке, ср. [Изотов 1991]. Ничего подобного нет ни в болгарском, ни в македонском, а ведь речь идет о языках непосредственных потомков солунских славян и их соседей. В современном македонском вообще представлен единственный причастный формант *-н/-т*, в силу этого не охарактеризованный ни по времени, ни по залогу, см. [Изотов 2010: 9].

Зато в белорусском мы находим практически идентичную русской картину, ср.: «Действительные причастия образуются посредством суффиксов *-уч-*, *-юч-*, *-ач-*, *-яч-*: *пішучы*, *гаворачы* (наст. вр.), и *-ўіш-*, *-ш-*: *пісаўшы*, *несшы* (прош. вр.). Страдательные причастия образуются посредством суффиксов *-м-*: *чытаемы*, *правадзімы* (наст. вр.) и *-н-*, *-т-*: *выкананы*, *заліты* (прош. вр.)» [Кондрашов 1986: 103]. В последнее время в белорусском интернете всё чаще звучат призывы исключить из употребления большую часть из приведенных типов (тип *пішучы*, *гаворачы*, тип *чытаемы*, *правадзімы*, тип *пісаўшы*, *несшы*) в качестве насильственно внедренных в советский период грамматических русизмов, однако не будем забывать, что по крайней мере в данном случае речь идет не просто о грамматическом заимствовании, но об обратном заимствовании. Ведь именно в Великом княжестве литовском - круп-

---

¹ *Изотов А.И.* [рец. на:] Калита И.В. Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность. Ústí nad Labem, 2010. 300 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – 2013. – № 3. – С. 218-223.

нейшем государстве Центральной Европы того времени, в котором старобелорусский язык был языком делопроизводства, - и зародилось восточнославянское книгопечатание, вспомним Франциска Скорину и Лаврентия Зизания, да и московский первопечатник Иван Федоров именно здесь напечатал большую часть своих книг, включая знаменитую Острожскую библию. Здесь была создана и грамматика Мелетия Смотрицкого - основа церковнославянской грамматической науки XVII-XVIII столетий. Вопрос о том, как лучше называть «рутенский» язык (западнорусским, старобелорусским или староукраинским), равно как и вопрос о его отношении к церковнославянскому довольно сложен, однако очевидно одно - в XVII-XVIII, в отличие от последующего периода, именно он доминировал среди прочих «русских» языков, подробнее см. [Коряков 2002]. Рассматриваемый в монографии феномен «трасянки» типологически близок интереснейшему феномену обиходно-разговорного чешского койне, впитавшему в себя несметное количество немецкой лексики, см. [Изотов 2013(d)].

Монография вышла под редакцией и с предисловием профессора Иржи Марвана.

В первой главе «О языковой политике Беларуси XX-XXI вв.» в соответствии со сложившейся традицией (ср. [Мечковская 1994: 299]; [Giger; Sloboda 2008]) для XX века рассматриваются два Возрождения: первое (20-30 гг.), которое трактуется как «наиболее благоприятный период для развития белорусского языка», и второе (1989-1994), конец которого связывается с приходом к власти противников искусственно ускоряемой белоруссизации общества.

Безусловную ценность имеют приводимые исторические документы, относящиеся к проводимой в регионе национальной и языковой политике, в частности, данные о численности учеников еврейских и польских школ в предвоенный период, а также о специальных учебных заведениях, готовивших учителей для данных школ (в соответствии с действовавшей в период 1927-1937 годы Конституцией государственными языками были белорусский, русский, польский и еврейский).

Основное внимание в главе уделяется «второму возрождению», в качестве главного достижения которого (впоследствии отмененного референдумом 14 мая 1995 года) рассматривается «признание государственности белорусского языка как единственного» (с. 22) - утверждение, несколько дисгармонирующее с современными европейскими трендами мультикультур и толерантности.

Особого внимания заслуживает история «тарашкевицы» - альтернативного «наркомовке» варианта белорусского правописания, основанного на грамматике Б. Тарашкевича (1918) и выступающего сейчас в качестве «второго варианта литературно-письменного языка, ориенти-

рованного на письменную традицию 20-х годов XX века и письменную практику белорусско-язычного зарубежья» [Лукашанец 2009: 38].

Во **второй главе** «Общая характеристика интерференции в современной Беларуси» рассматриваются проблемы языковой интерференции, двуязычия (билингвизма) и диглоссии как разновидности билингвизма, характеризующейся функциональным распределением кодов (**А** - «национальный» язык; **Б** - русский язык; **В** - языковой код белорусского Полесья; **Г** - языки национальных меньшинств) и соответствующих субкодов.

В качестве исходного принимается один из существующих вариантов стратификации белорусского языка: «1. письменная разновидность белорусского языка: 1.1. общелитературный язык; 1.2. „тарашкевица“; 2. устная разновидность: 2.1. общелитературный язык; 2.2. „тарашкевица“; 2.3. народные говоры; 2.4. социальные диалекты; 2.5. „трясянка“» [Лукашанец 2009: 36].

В качестве русских субкодов в монографии выступают: «1. письменная разновидность русского языка: 1.1. общелитературный язык; 2. устная разновидность: 2.1. общелитературный русский язык (русские СМИ в эфире); 2.2. [белорусский] нациолект русского языка; 2.3. русский сленг; 2.4. русский мат).

В отдельных параграфах рассматриваются возможные комбинации кодов и субкодов, например: 2.2.1.1 Белорусский [в оригинале здесь и далее «беларусский». - *А.И.*] общелитературный язык (письменная разновидность) : белорусские диалекты, 2.2.1.2. Белорусский общелитературный язык : тарашкевица, 2.2.1.3. Белорусский общелитературный язык, народные говоры, социальные диалекты - трясанка, 2.2.1.4 Трясанка : белорусские диалекты и т.д.

Постулируются различные виды интерференции, например, 2.3.2 Лексико-грамматическая интерференция; 2.3.3. Лексико-стилистическая интерференция; 2.3.5 Грамматическая интерференция; 2.3.6 Интерференция на речевом уровне, в качестве которого рассматривается «трясянка», понимаемая как «негомогенный, неустоявшийся микс, включающий индивидуальные проявления отдельных личностей, диалектные особенности» (с.59); 2.3.7. Интерференция на «акцентологическом» [фонетическом. - *А.И.*] уровне; 2.3.8. Интерференция на психологическом уровне.

С привлечением большого количества фактического материала анализируется билингвизм в белорусских СМИ, в системе среднего и высшего образования, в системе товарных знаков и государственных печатей, например, билеты на автобус в Бресте продаются с надписями на русском языке, на троллейбус - на белорусском (с.98).

При этом, как отмечает автор монографии, «общая языковая ситуация ярко проявляется на этикетках товаров»: белорусские товаропроизводители предпочитают использовать русские надписи, которые могут дублироваться белорусскими на этикетках товаров, реализуемых в странах СНГ и намного реже - на этикетках товаров, предназначенных для прочих стран (с. 102-103).

В параграфе 2.8. Понятие 'родной язык' для белоруса [в оригинале здесь и далее «беларуса». - *А.И.*] отмечается парадоксальность сложившейся в Беларуси ситуации: «русский язык не считается чужим основной массой населения, белорусский - всегда звучит как настораживающий сигнал» (с. 107).

Завершается глава описанием документально-художественного проекта «Як я стаў беларусам», суть которого можно выразить приводимым тут же высказыванием: «Белорусами не рождаются, ими становятся». У кого-то из участников проекта этническое самосознание проснулось в детстве, когда они жили или гостили у бабушки с дедушкой; у кого-то - под влиянием прочитанных белорусских книг или учебников; у кого-то - под влиянием современной музыки и белорусских песен; у кого-то - в результате общения с черныбыльскими переселенцами. Отмечается роль школы и учителей, роль советской армии, в которой общение с представителями разных национальностей способствовало «осознанию себя как инога», всевозможные субъективные впечатления, случайные встречи и т.п.

Третья глава - «Интерференция на речевом уровне» - посвящена феномену «трасянки»: рассматривается происхождение термина, его бытование и отношение к обозначаемому им явлению в современном белорусском обществе; описываются результаты проведенных в 2008 году в различных регионах Белоруссии полевых исследований.

В качестве своего рода приложения к главе, уже после «Выводов», следует раздел о суржике - явлении, типологически близком трасянке, однако имеющем большее распространение и более продолжительную историю.

В главе четвертой «Транскод» вводится и обосновывается вынесенный в название главы термин, предлагаемый в качестве общего сигнификата для суржика и трасянки, при этом в качестве одного из достоинств данного термина, проясняющего, по мысли автора монографии, его семантику, отмечается использование в качестве составной его части слова **транс** - 'Форма псіхічнага расстройства, якая выяўляецца ў бессвядомых учынках і дзеяннях'.

В отдельных параграфах главы рассматривается соотношение трасянки и суржика (объединенными под термином «транскод») с пиджин-

и креольскими языками, с социалектом, с [белорусским] нациолектом [русского языка], с просторечием и т.д.

В пятой главе «К вопросу о подходах к формированию принципов языковой политики в Беларуси» проводятся некоторые исторические аналогии и параллели (Беларусь - Ирландия, Беларусь - Лужица, Беларусь - Словакия), обсуждаются «некоторые аспекты постсоветского билингвизма» (Киргизия, Украина, Беларусь, Адыгея, Башкирия, Чукотка), обсуждаются «возможности использования теории менеджмента и макркетинга для создания моделей стратегического плана языковой коррекции» и заканчивается призывом «обеспечить возможность активного изучения английского языка на том уровне, на каком сегодня находится русский», поскольку «это даст белорусской культуре / языку реальную возможность для самопрезентации в мировом масштабе».

Достоинством рецензируемой монографии является большое количество материала, особенно материала полевого, основным недостатком - подчиненность подачи этого материала доказательству тезиса, который в «политкорректной» форме выражен на с. 201:

«Модель соотношений **белорусский - русский языки** в *досоветский, советский и постсоветский периоды* не может быть положена в основу создания модели нормального, взаимодополняющего развития языков, их обоюдывыгодного сосуществования».

К сожалению, доказательству этого тезиса, легко опровергаемого простым обращением к реальности (белорусский язык и белорусский этнос сохранились именно на тех исторически белорусских территориях, которые были «оккупированы» сначала Россией, а потом Советским союзом), подчинено и употребление ключевых в монографии терминов «нациолект» и «национальный язык».

Так, используемое автором монографии определение **нациолекта** («разновидность мажоритарного языка, господствующего в чужом национальном пространстве, сложившаяся в национальном государстве под влиянием национального языка») отличается от традиционного его определения («национальный вариант языка», например, немецкий в Швейцарии и немецкий в Австрии, ср. [Норман 2010]) и неприменимо ко многим из современных нациолектов английского, немецкого, французского и ряда других европейских языков.

Что же касается «национального языка», то не игнорируя традиционного его определения как «средства общения нации» (см. [Степанов 1990]) либо как «языка, официально используемого на общенациональном уровне» (ср. английский текст первого параграфа 17 статьи Конституции Финляндии: The national languages of Finland are Finnish and Swedish), нельзя избежать необходимости рассматривать **белорусский вариант** (нациолект) русского языка в качестве одного из двух националь-

ных языков белорусского этноса, так он «не считается чужим основной массой населения» (с. 107), являясь к тому же официально одним из двух государственных языков.

В монографии встречаются и другие вызывающие возражения пассажи, однако отметим лишь упреки в адрес русского справочно-информационного портала ГРАМОТА.ru за то, что тот считает правильным написание «белорусский», «белорус» и «Белоруссия» (с. 236).

Данная ситуация не является совершенно абсурдной (гражданин одного суверенного государства предписывает гражданам другого суверенного государства, как тем пользоваться их собственным языком) лишь в одном случае: подсознательно говорящий продолжает считать этот язык своим.

Однако в чем автор монографии безусловно прав, так это в том, что лично он, коль скоро речь идет о разных национальных вариантах (нациолектах) русского языка [и коль скоро сам автор пишет не на русском, а на белорусском нациолекте русского языка], имеет, в отличие от московского школьника, полное право писать «беларус» и «беларуский» без оглядки на Институт русского языка имени В.В. Виноградова.

К ПРОБЛЕМЕ РУССКОГО СУБСТАНДАРТА²

В соответствии с аннотацией на обороте титула книги, рецензируемая монография «представляет отдельные этапы развития стилистической системы русского языка и обозначает роль сленговых единиц в размывании границ стилей на рубеже XX-XXI веков», «даёт наглядный пример изменения стилистической системы конкретного языка под воздействием субстандартной лексики в период, когда наплыв единиц сниженного регистра имеет лавинообразный неконтролируемый характер», при этом «воздействие сленга на стандартный язык представлено в рамках стилистического дрейфа как явление закономерное, повторяющееся в языке через некоторые промежутки времени», а сам «сленг представлен как импульс к трансформации языка, как генератор его обновления» [с. 2].

Монография получила премию «Книга года 2014» ректора университета имени Пуркине в Усти-над-Лабом (Чехия), победила в номинации «Филология; искусствоведение; культурология» международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2014» (Киров)

---

² *Изотов А.И.* [рец. на:] Калита И.В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге. М.: Дикси Пресс, 2013. 240 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – 2016. – № 6.

и заняла призовое место на международном конкурсе научных изданий «Global Science 2014» (Казань).

Рецензирующий рукопись данного исследования профессор В.М. Мокиенко представляет автора монографии И.В. Калиту как «уже известного чешскому читателю специалиста по теоретическим проблемам жаргонологии» и отмечает, что «её новая книга продолжает анализ этой актуальной темы на новом и свежем языковом материале» [последняя страница обложки].

Важно и то, что родившаяся в Бресте и изучавшая в Белорусском государственном университете в Минске белорусистику и русистику, а в «докторантуре» (=аспирантуре) Карлова университета в Праге славистику и преподающая, начиная с 2001 года, русский язык студентам университета имени Пуркине в Усти-над-Лабом в северной Чехии И.В. Калита тем самым может оценить данную проблематику как «изнутри» (с позиции носителя русского языка), так и «снаружи» (с позиции носителя языка белорусского или чешского), ведь современные русский и чешский языки демонстрируют разительное несходство как в области непосредственно самой русской и чешской языковой ситуации, так и в научном осмыслении данной ситуации в русистике и богемистике, что порой приводит к крайне прискорбным следствиям.

Например, специфической особенностью чешской языковой ситуации является наличие так называемого «обиходно-разговорного чешского языка» (*obespá čeština*), а специфической особенностью языковой ситуации русской – наличие просторечья, которое в последнее время стали подразделять на «просторечие-1» малообразованных пожилых женщин и «просторечие-2» малообразованных молодых и среднего возраста мужчин (см., например, работы Л.П. Крысина). В результате появляется искушение эти идиомы типологически отождествить, что мы и наблюдаем, например, в статье «Просторечие» московского «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года. Однако такое отождествление противоречит как собственно лингвистическим, так и социолингвистическим критериям.

Во-первых, чешский обиходно-разговорный язык, в отличие от русского просторечья, является системным языковым образованием, характеризующимся языковой нормой (!), пусть и не такой строгой, как цементированная кодификацией норма литературного чешского языка.

Во-вторых, круг носителей обиходно-разговорного чешского языка отнюдь не ограничивается людьми с низким уровнем языковой культуры, как у русского просторечья, будь то так называемое «просторечие-1» или же «просторечие-2» (см. выше). К чешскому обиходно-разговорному языку при каждом удобном случае обращается и университетский профессор, и директор музея, и дипломат высокого ранга,

потому что такое обращение свидетельствует не о недостаточно высоком образовательном уровне говорящего, а о неформальной обстановке общения, сама же языковая ситуация в Чехии близка к ситуации классической диглоссии Ч. Фергюсона с автоматическим переключением кодов (не будем углубляться в проблематику, отстаивая её диглосный, преддиглосный или постдиглосный характер).

По тем же причинам с чешским обиходно-разговорным языком ни системно, ни функционально не соотносим формирующийся, как считают некоторые исследователи, русский «общий сленг» (=/ $\neq$ «общий жаргон»).

Весьма существенно отличаются и традиции осмысления данных языковых ситуаций в чешской и в отечественных стилистических исследованиях, хотя они и восходят по сути дела к одному источнику – работам 30-х годов прошлого века лингвистов Пражского лингвистического кружка.

В центре интересов отечественной стилистики традиционно был язык художественной литературы, и лишь в последние годы ситуация изменилась, ср. выступление О.Г. Ревзиной на II Международном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» о том, что художественный дискурс теряет свою востребованность и уходит на периферию, тогда как главным становится дискурс публицистический, что актуализируются социолекты и профессиональные языки, то есть о том, что чешские лингвисты учитывали еще четверть века назад, приступая к проекту Чешского национального корпуса. Отбор текстов для подкорпуса SYN2000 – первого из ряда 100-миллионных подкорпусов современных письменных текстов в составе Чешского национального корпуса – осуществлялся на основании социологических данных о чтении книг и периодики гражданами Чешской республики в последнее десятилетие XX века: наличие и степень представленности в корпусе конкретных изданий и авторов зависит от их читаемости среднестатистическим чехом, поэтому большую часть материала SYN2000 образуют публицистические тексты (60%), на втором месте находятся специальные тексты – справочники, энциклопедии и т.д. (25%), на третьем – беллетристика (15%). При этом по мере увеличения объема Чешского национального корпуса (в настоящее время объем одного только (под)корпуса современных письменных текстов SYN определяется в 3,626 миллиарда токенов) доля художественных текстов еще более уменьшалась, тогда как Русский национальный корпус, по выражению одного из его создателей В.А. Плунгяна, был и остается литературоцентричным.

Показательно сопоставление отечественной и чешской традиции в отношении функциональных стилей, которые лингвисты Пражского

лингвистического кружка называли «функциональными языками». Богемистика продолжает успешно использоваться (например, при стилистической разметке вышеупомянутого Чешского национального корпуса) разработанной Б. Гавранекком четырехкомпонентной классификацией функциональных стилей, которая на русской почве превратилась в классификацию пятикомпонентную за счет раздвоения «специального функционального стиля» на «научный функциональный стиль» и «официально-деловой функциональный стиль». Этому ничуть не мешает появление в «Настольной грамматике чешского языка» (Příruční mluvnice češtiny. Praha, 1996) более подробной «Таблицы функциональных стилей», включающей 12 компонентов (в том числе «рекламный функциональный стиль») с возможностью дальнейшего членения (когда появляется, в частности, и «религиозный функциональный стиль» (páboženský), который, в соответствии с соответствующей статьей «Энциклопедического словаря чешского языка» (Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002), может, в свою очередь, подразделяться на «проповеднический» (kazatelský), «богослужебный» или «литургический» или «обрядовый» (bohoslužební или liturgický или obřadní), «молитвенный» (styl moliteb) и т.д. В этой же статье отмечается возможность использования в составе «религиозного» стиля, в зависимости от традиций того или иной конфессии, так называемых агиолектов (hagiolekt = lingua sacra), например, древнееврейского, латыни, церковнославянского. При этом возможность сосуществования и краткой, и подробной (в различных вариантах) классификаций объясняется, в частности, выбором адекватной целям описания степени обобщения материала.

Экскурс в чешскую стилистику был нужен потому, что значительная часть рецензируемой монографии И.В. Калиты посвящена обсуждению проблем выделения на современном русском материале «рекламного» и «церковно-религиозного» стилей, под которым в монографии «подразумевается коммуникация служителей культа вне стен храма с целью привлечь внимание к религии» [с. 107] и огромное количество противоречий и вопросов (как тех, которые автор монографии пытается решить, так и тех, которые возникают по ходу чтения у читателя) можно было бы легко снять, просто применив к русскому материалу изложенную в предыдущем параграфе концепцию М. Елинека и Я. Крауса.

Мы могли бы сформулировать данную концепцию применительно к русскому материалу следующим образом: Можно сохранить традиционную систему функциональных стилей русского языка, а можно, исходя из тех или иных изменившихся условий, в том числе условий экстралингвистических, изменив степень обобщения материала, выделить дополнительно «рекламный функциональный стиль» и «религиозный

функциональный стиль», причем особенностью последнего является возможность инкорпорированности в него того или иного агиолекта (у иудеев – древнееврейского, у мусульман – арабского, у православных – церковнославянского и т.д.). В качестве возможного критерия выделения «религиозного функционального стиля» мы рассматриваем его использование в «религиозной сфере коммуникации», то есть в молитвенном общении с Богом, а также в общении верующих между собой в связи с исполнением религиозных обрядов.

И.В. Калита предупреждает, что «при рассмотрении субстандартных единиц» она будет «исходить из теоретических посылок, предложенных в [её более ранней] книге "Контуры и формы речевой субстандартности: русский язык vs. чешский язык. Русский сленг в процессе развития" [Obrysy a tvary nespisovnosti: ruština vs. čeština. Komparativní pohled. Ruský slang v procesu vývoje], которая вышла в 2011 году в Чехии», а «в связи с тем, что предлагаемая читателю книга непосредственно опирается на теоретические формулировки, приведённые в указанном выше чешском издании», считает необходимым «познакомить читателя с основными авторскими определениями» [с. 17]. Мы процитируем эти «основные авторские определения» дословно:

«Автор классифицирует субстандартную лексику и делит её на две группы:

субстандартный словарь 1. (обценная лексика);

субстандартный словарь 2.

Субстандартный словарь 2. включает в себя два разряда:

(2а) *Профессиональная лексика и лексика групп по интересам.* Это лексика условная, ограниченная сферами употребления.

(2б) *Метафорические выражения, или собственно сленг.*

В зависимости от выполняемых каждой группой единиц функций и сфер использования, психологических связей, а также от характеристик их продуцентов и адресатов, с целью более точного дефинирования и отделения *профессиональной лексики* и *лексики групп по интересам* от других разрядов сниженного регистра, автор предлагает использовать для их обозначения термин ПРОФИРЕЧЬ или ПРОФИЛЕКТ (чешск. – PROFILMŮVA, PROFILEKT). Данный лексический пласт в чешской традиции принято относить к *сленгу в широком понимании*.

В отличие от разрядов, связанных с профессиональной или около-профессиональной коммуникацией, *жаргон* рассматривается как социолект, связанный с определённой социальной группой, объединённой общими интересами, напр., воровство, попрошайничество (на рубеже XIX-XX и XX-XXI веков у некоторых социальных групп попрошайничество – как работа). Развитие *жаргона* и *профилекта (профиречи)* – это диахронное преобразование одного и того же явления: речь не идёт

о явлениях, развивающихся в одном временном измерении, речь идёт о «отце» и его «потомке».

[приводится схема «жаргоны XIX век - начало XX века» > «профилекты (профиречь) начало XX века»]

Поэтому термин *жаргон* предложено воспринимать как термин устаревший, т.к., за небольшим исключением, он отражает старший (примерно на 100 лет) период развития профилектов – период допрофессиональный, когда определённых профессий в их современном понимании ещё не существовало, а их функции выполняли ремёсла, часто связанные (или ассоциировавшиеся в представлениях потребителей) с жульничеством. Жаргон передал своё генетическое наследство профилектам и (почти) исчез. Поэтому термин жаргон можно использовать для обозначения устаревших групп профилектов – жаргонов, развивавшихся в XIX-начале XX века.

Субстандартный словарь 26 объединяет собственно сленговые единицы.

Значительная часть сленгового словарного запаса представлена метафорами, возникшими на русской лексической базе. Вторая значительная составляющая – новейшие заимствования или их русифицированные варианты, в подавляющем большинстве – англицизмы или интернационализмы.

Что обозначаем термином *сленг*?

Сленг – явление разговорной речи, носящее инвазийный характер. Сленговые единицы не образуют самодостаточную коммуникативную систему, они «вписываются» в существующие в языке грамматические и синтаксические стандарты, их вклад в язык заключается в том, что постепенно они заменяют устаревающие единицы литературного языка. Сленговые единицы – это метафорические единицы и выражения, обладающие разной степенью проявления экспрессии, их семантика привязана к определённому историческому периоду и понятна большинству носителей национального языка. Сленг – репрезентант изменяющихся ментальных особенностей носителей языка в конкретный период» [с. 17-19].

Выделенный полужирным курсивом текст дан в качестве определения центрального для монографии понятия (перед нами «...книга о сленге»), однако из него мы узнаем лишь то, что и так известно – сленг не является системной полноуровневой языковой формацией (поэтому в богемистике сленг объединяют с жаргоном и арго и противопоставляют литературному чешскому языку, обиходно-разговорному чешскому языку, территориальным диалектам/интердиалектам; идиомы из второй группы могут существовать самостоятельно, идиомы из группы первой – только на базе какого-то идиома из второй группы). В этом в выде-

ленном тексте есть утверждения, с которыми нетрудно согласиться (*Сленговые единицы не образуют самодостаточную коммуникативную систему*), есть утверждения, которые можно оспорить (*Сленг – явление разговорной речи*), есть утверждения неоднозначные и просто непонятные, когда без специальной оговорки используется не являющийся общепринятым термин (Google документирует употребление термина *инвазийный* исключительно в медицинских и биологических текстах; в этих же текстах находит термин *инвазивный* и Яндекс, упорно рассматривающий огласовку *инвазийный* как результат опечатки). При этом, однако, не сказано главное – для И.В. Калиты сленг не социолект (об этом будет сказано на с. 42), а идиом, вышедший за рамки социальной группы и ставший «общим» для всех носителей языка (по крайней мере, так концепцию И.В. Калиты понял автор рецензии на основании остального текста монографии).

Исследователь имеет право корректировать уже сложившуюся терминологию в той или иной области, если она перестает соответствовать современному уровню развития научного знания в этой области, однако эта новая терминология должна быть, как минимум, не хуже старой как в плане соответствия названному уровню, так и в плане внутренней строгости.

В связи с этим процитированные выше «теоретические формулировки» И.В. Калиты не представляются удачными по следующим причинам:

1. Монография написана (насколько можно судить по её тексту) в рамках выросшей из работ Фердинанда де Соссюра и членов Пражского лингвистического кружка системно-функциональной научной парадигмы, которая и сейчас занимает весьма почтенное место как в отечественной, так и в чешской лингвистике, однако в «формулировках» мы наблюдаем недопустимое смешение тех явлений, которые в данной научной парадигме относятся к разным разрядам, а именно к разрядам *идиом* («сленг», «жаргон», «социолект», *«профилект»), *лексический состав идиома* («субстандартная лексика», «обценная лексика», «профессиональная лексика», «лексика групп по интересам»), *parole-реализация идиома* («профиречь»), *функциональный потенциал идиома* («явление разговорной речи») и т.д.).

2. Не охарактеризовано соотношение данных «теоретических формулировок» со взглядами других современных исследователей (хотя бы в мейнстриме) и не показано их преимущество перед этими другими взглядами в случае несовпадения.

3. Предлагаемое членение субстандартной лексики на два субстандартных словаря, из которых второй подразделяется еще на два разряда ничуть не лучше описывает ситуацию, чем вполне логичное выделение

такого количества «субстандартных» словарей, сколько мы сочтем необходимым выделить субстандартных идиомов (в том числе сленгов), ср. концепцию П. Сгалла и И. Гронека в их книге *Šeština bez příkras* (Praha, 1992), в которой они относят к литературному языку лексику «высших сленгов» (медицинского, студенческого и т.д.) и выносят за его рамки лексику «низших сленгов» (сленга наркоманов, железнодорожников и т.д.).

4. Предлагаемые «теоретические формулировки» отличаются не полностью, когда те или иные используемые термины и понятия оказываются не охарактеризованными вообще (*инвазийный*) или охарактеризованными недостаточно (*сленг, субстандарт*). О том, что «стандартный язык» (см. аннотацию к книге на с.2) для И.В. Калиты не является, в отличие от большинства русистов и богемистов, синонимом «литературного языка», мы узнаём лишь на с. 21, причем изложенная там мотивация введения нового термина (стандартный язык) в дополнение к уже существующему (литературный язык) явно неубедительна, поскольку в этой мотивации речь о явлениях исключительно сферы *parole*.

5. Эти «теоретические формулировки» отличаются многословием и нечеткостью, что, впрочем, характерно для стиля всей монографии, некоторые пассажи из которой заставляют вспомнить о «Корчевателе» (созданной компьютером с помощью программы генерации псевдонаучных текстов статьи, которую М. Гельфанд и другие шутники отправили в провинциальный и до этой истории «рецензируемый» «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов», где она и была за не очень большие деньги напечатана), ср.:

«Дрейф – частичное отклонение, но не коренная ломка, он характеризует внутрисистемные отношения отдельных разделов языкознания, и тем раскрывает свой глубокий двойственный характер – непосредственную зависимость от особенностей лексических и морфологических (фонетические изменения занимают более длительный временной отрезок, намёк на них сегодня ощутим в сленге падонков)» [с.54].

Намек на какие фонетические изменения ощутим в «сленге падонков», являющимся не результатом языковой эволюции, а продуктом игры Дмитрия Соколовского и его последователей на сайтах fuck.ru, fuckru.net и udaff.com? В чем «непосредственная зависимость [стилистического дрейфа] от особенностей лексических и морфологических»? И почему речь идет о двойственности, если после тире указано не два, а одно качество названного дрейфа – только что названная «непосредственная зависимость...»? (На последующих страницах, где «двойственность природы стилистического дрейфа» появится вновь, появятся действительно два качества «внутренних трансформаций стилистической системы» [=стилистического дрейфа], но это будут качества со-

вершенно иные, а именно «психологическая обусловленность» и «связь с внешними влияниями»). Какие «внутрисистемные отношения» могут быть у теоретической лингвистики, прикладной лингвистики и прочих «отдельных разделов языкознания» и каким образом эти «внутрисистемные отношения» могут быть вышеупомянутым дрейфом характеризоваться, при этом раскрывая его «глубокий двойственный характер»?

В приведенной цитате речь идет о «стилистическом дрейфе» – втором после сленга центральном понятии монографии (слово «дрейф» употреблено в тексте книги около полусотни раз, а сочетание «стилистический дрейф» – около двух десятков раз), под которым имеется в виду, судя по контекстам его употребления, то ли давно известный процесс изменения стилистической значимости тех или иных слов и выражений в процессе развития языка (когда в 2005 году издательство LEDA переиздало большой чешско-русский словарь 1973 года, стилистическую помету сменили сотни слов), то ли общее падение языковой культуры общества, вызванное вступлением в общественную жизнь детей «лихих девяностых» (одно из определений культуры, в том числе культуры языковой – система запретов; например, мужчина не должен сидеть в присутствии стоящей женщины или, по свидетельству исследователя традиций использования русской экспрессивной фразеологии Б. Успенского, не должен выражаться матом при женщинах и детях; решившая притворяться бывшей гимназисткой героиня романа Б. Акунина «Любовник смерти» заучивает наизусть список слов, которые гимназистке **нельзя** произносить вслух). Ни то, ни другое не имеет, по нашему мнению, никакого отношения к используемому Э. Сепиром понятию «языкового дрейфа» – явления, которое А.Е. Кибрик сравнивал с генетической программой, заложенной в структуру языка и проявляющей себя в независимом однонаправленном изменении родственных языков. Авторское же определение «стилистического дрейфа» («Стилистический дрейф – это значительные, осязаемые носителями языка в определённый отрезок времени видоизменения в структуре языка» с.54) принять всерьёз мы не можем, так как ни о каких подобных изменениях «в структуре языка» в книге не говорится. Да и возможно ли, например, чтобы наш современник, вернувшись из отпуска, обнаружил, что за это время в русском языке творительный падеж слился с дательным, как это когда-то произошло в греческом, или что русский инфинитив теперь склоняется, подобно турецкому инфинитиву?

Масштабность стилистических пертурбаций в русском языке последних десятилетий, в связи с которой в монографии и используется понятие «стилистический дрейф» («Под термином *стилистический дрейф* будем понимать стремительное движение единиц различных языковых уровней, ведущее к осязаемым изменениям в структуре суб-

кодов (системе стилей одного языка)» [с.52-53]; «Дрейф проявляется, во-первых, в стремлении стилистической системы к дальнейшей градации функциональных стилей. Наряду с пятью, выделяемыми традиционно в XX веке: научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный, в начале XXI века выделяют новые стили – церковно-религиозный (Л.П. Крысин, О.Б. Сиротнина, О.А. Крылова) и рекламу (Е.С. Кара-Мурза, О.А. Крылова, Е.Г. Соболева и др.» [с.65]) представляется сильно преувеличенной. Увеличение числа функциональных стилей русского языка (с пяти до семи, то есть на 40%), к тому же не всеми русистами принимаемое, само по себе не является, как уже упоминалось, показателем изменения языка, иначе, исходя из данной логики, получилось бы, что в чешском языке аналогичный «стилистический дрейф» не просто тоже есть, но что он там протекает на порядок интенсивнее (там количество функциональных стилей увеличено с четырёх до двенадцати с возможностью дальнейшего членения, то есть на 200% и более). Тех трех сотен словарных единиц, которые за «последние приблизительно 25 лет устоялись и вжились в языке настолько, что в начале нашего века их начали выделять в разряд *общего* сленга» [с.73], как представляется, слишком мало, чтобы сформировать полноценный идиом, сопоставимый, скажем с чешским «обиходно-разговорным языком» (даже если речь не идет о «фантомном идиоме» и не о затухающем эхе «лихих девяностых»). Однако в любом случае авторский тезис о том, что «разгерметизация ранее охраняемого запаса единиц сниженного регистра привела к полноводью в языке, размывшему границы существующих стилей» [с.88] нуждается в подтверждении фактическим материалом, чего в монографии, увы, не наблюдается: ни один из примеров, приводимых в монографии для иллюстрации особенностей «церковно-религиозного стиля» (один из аспектов декларируемого размывания системы стилей), ничуть не выходит, по нашему мнению, за рамки классического «публицистического стиля». К тому же для иллюстрации данного стиля, под которым в монографии «подразумевается коммуникация служителей культа вне стен храма с целью привлечь внимание к религии» [с.107], в монографии используются высказывания не только «служителей культа», но также и явно антиклерикально настроенных читателей «Новой газеты».

К сожалению, в монографии регулярно нарушается принцип, которому американских студентов учат в рамках предмета Academic English, а студентов отечественных – в рамках спецсеминаров: каждый высказываемый авторский тезис должен подтверждаться конкретной ссылкой на фактический материал либо ссылкой на конкретные результаты уже опубликованной работы (списка фамилий в начале главы или списка работ в конце монографии недостаточно). Например, раздел «2.2 Сленг

как метафора», начинающийся на с. 76 тезисом «Метафоризация – основная форма образования русских сленговых единиц» и содержащий различные рассуждения автора монографии по данному поводу, не содержит ни одного примера (!), так что корректность/некорректность ни одного из высказанных в данном разделе утверждений читателю оценить нельзя.

Так же регулярно нарушается и другой не менее важный принцип построения научного текста – все используемые термины, если речь не идет о терминах всем заведомо известных и однозначных, должны быть охарактеризованы. В монографии же мы, например, читаем «Сленг можно сравнивать именно с поэтической речью, функция которой, по мнению Я. Мукаржовского, заключается в максимальной актуализации языкового акта. Актуализация является обратной стороной автоматизации» [с. 23]. Я убежден, что абсолютное большинство отечественных читателей данной монографии (а ведь именно для них эта монография в первую очередь и печаталась – в Москве и на русском языке) не в курсе, что в чешской лингвистике термин «стилистическая актуализация» используется в совершенно ином значении, чем в русской. Чехи, включая Я. Мукаржовского, об «автоматизированном» (*automatizovaný*) употреблении слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, графического и/или фонетического оформлений текста говорят тогда, когда это употребление отвечает стилистической норме, а об употреблении «актуализированном» (*aktualizovaný*), – когда данное употребление этой норме противоречит. При этом регулярное актуализированное употребление того или иного средства приводит к его автоматизации, тогда как средство автоматизированное, напротив, может под воздействием тех или иных факторов актуализироваться. В отечественной же традиции «стилистическая актуализация» – это замещение обычного значения слова значением переносным, актуальным лишь в пределах данного художественного произведения, ср. лирическую миниатюру А.А. Вознесенского «Война»: *С иными мирами связывая, глядят глаза отцов дети – широкоглазые перископы мертвецов.*

Возражения вызывают и некоторые встречающиеся в книге утверждения. Например, как и в своих более ранних публикациях, И.В. Калита «сознательно использует букву *a* в написании слова беларус», так как считает, что «в современном контексте употребления устаревших названий – Белоруссия <...>, отражающих концептосферу советской эпохи и воспринимающиеся сегодня как исторически устаревшие обозначения бывшей советской колонии, звучат неэтично» [с.57]. В многократно (по-русски, по-чешски и по-английски) упоминаемой в рецензируемой монографии книге М. Кронгауза убедительно показано, что сохранение русским языком традиционного облика неко-

торых географических названий (*Белоруссия*) и соответствующих дериватов, равно как и традиционных предлогов с этими названиями (*на Украине*), является не «посягательством на независимость» новых субъектов международных отношений, а свидетельством укоренённости в русской культуре соответствующих феноменов. Это американцу всё равно, как писать – Kiev или Kyïv, ведь значительная часть граждан «страны свободных и дома храбрых», как мы подозреваем, вообще не представляет, что речь идет о городе.

На с. 11 мы читаем: «В чешской традиции начала XX века сложилось два оппозиционных течения: учёные, входившие в Пражский лингвистический кружок, разрабатывали теоретические вопросы культуры речи; учёные, сплотившиеся вокруг журнала "Наша речь" ("Naše řeč"), изучали субстандарты, непосредственно "оперируя" живую речь». На самом деле «учёные, входившие в Пражский лингвистический кружок», плодотворно разрабатывали как теоретические вопросы культуры речи, так и проблематику, связанную с субстандартами: в первых же номерах издаваемого ПЛК журнала Slovo a Slovesnost мы находим статьи, посвященные аргю, сленгу, разговорной речи (оцифрованные версии журнала доступны на <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php>). Их противостояние с журналом Naše řeč, ставшим тогда оплотом языкового пуризма, было в другом: члены Пражского лингвистического кружка призывали исследовать чешский язык во всем богатстве форм его существования, а издатель журнала Naše řeč боролась за узко понимаемую «чистоту» письменного и прежде всего художественного текста, ср. крайне пафосную фразу о том, как «эпоха наша воздымает полузабытое знамя очищения языкового», которой начинается статья В. Мостецкого о языке классических романов А. Ирассека: *Právem doba naše vedle jiných hesel, volajících v boj za veliké statky kulturní, zdvíhá polozapomenutý prapor očisty jazykové* (оцифрованная статья доступна на <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=111>).

Ср. также «Смута способствовала ускорению медленно текущего процесса европеизации России» [с. 58-59] А как насчет «ускорения ... европеизации России» в 1941-1943 годах? «В парадигме современный русский язык – церковнославянский язык можно видеть отражение русского менталитета, для которого характерен крайний идеализм, практически несовместимый с бытовыми категориями» [с. 118]. А как же совмещали с «бытовыми категориями» церковнославянский язык (да еще старопечатных книг) дореволюционные миллионеры-старообрядцы? Да и вообще, то, что в монографии говорится в связи с церковнославянским языком, заслуживает, по нашему мнению, отдельного рассмотрения и явно не укладывается в оставшиеся строки рецензии. Здесь заметим лишь, что рекомендуемый И.В. Калитой «перевод языка богослужения»

жения на модернизированные языковые рельсы» в целях «объединения нации» [с. 119] мы не считаем удачной идеей, учитывая опыт подобной модернизации при патриархе Никоне, не говоря уже о свойственной современной России поликонфессиональности (включая весьма солидную атеистическую составляющую, то есть тех, кто «верит, что Бога нет»).

Суммируя сказанное, отметим, что данная монография содержит весьма интересный языковой материал, тем более интересный, что речь идет, по нашему мнению, об угасающем эхе «лихих девяностых», то есть о феномене, уходящем и частично уже ушедшем в прошлое, однако её переизданию (вполне вероятно, учитывая популярность данной книги в Сети) должна предшествовать самая серьезная переработка текста.

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК UNCENSORED³

В Праге в издательстве Powerprint вышла книга [Beliaevski 2015] с вынесенным на обложку пояснением: «Слова и фразы, не вошедшие в словари». Основную часть книги составляет содержащий около 5 000 расположенных в алфавитном порядке лексических единиц словарь «Чешских нелитературных слов», снабженных русскими соответствиями (страницы 15-172), который предваряют параграфы об общих принципах построения словника, о некоторых чертах чешского обиходно-разговорного койне (в терминологии автора издания «разговорные особенности произношения») и об использованных условных обозначениях и сокращениях, а сопровождают 23 параграфы, организованных по тематическому признаку и обозначенных соответственно как «Чешские имена», «Сленговые географические названия», «Чуваки и чувихи», «Молодежные и уличные приветствия» и т.д. Завершает книгу «Постскрипtum», в котором читатель предостерегается перед необдуманным («зло-)употреблением любых слов, словосочетаний или выражений, почерпнутых из данного сборника», так как именно читатель, а не автор будет нести полную ответственность за все возможные в результате использования данных слов последствия.

Следует всячески приветствовать появление данной публикации, которая заполняет собой определенную лауну в продаваемой литературе: в рассчитанном на широкого потребителя и регулярно переиздаваемом словаре [Длуги 2007] с декларируемым объемом в 40 000 слов и словосочетаний, как показало наше пилотажное исследование, представленная в рецензируемом издании нелитературная лексика действи-

---

³ *Изотов А.И.* [реп на:] Beliaevski M. *Čeština uncensored*. Praha: Powerprint, 2015. 216 с. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 4. – С. 223–228.

тельно отсутствует (из первых 100 представленных в [Beliavski 2015] лексем в [Длуги 2007] мы обнаружили только 7 лексем, причем во всех случаях речь шла лишь о **литературном** значении соответствующей лексемы, ср.: arab – 1) араб 2) *устар.* старый велик **также** *bajk, bifák, marlajka* [Beliavski 2015] :: Arab *m* ара́б [Длуги 2007]; asfalt – 1) асфальт 2) *вульг.* черный, черномазый *см. černoč* [Beliavski 2015] :: asfalt *m* ас-фальт [Длуги 2007]; bahno – 1) пиво *брне[н]ский диалект* 2) *жарг.* гаш, гашиш *см.* Наркотики :: bahno *n* жидкая грязь; *ил m* [Длуги 2007].

Тем не менее мы не можем удержаться от ряда замечаний и дополнений, которые, как нам представляется, способны придать данной работе в случае её возможного переиздания, большую методологическую целостность и последовательность.

По его собственному признанию, автор «исходит из отсутствия каких-либо систематизированных материалов» о том, что в русском тексте предварительных замечаний на странице 7 названо «разговорным чешским языком» (*hovorová čeština*), а в параллельном ему чешском тексте на странице 8 – «нелитературным чешским языком» (*něspisovná čeština*), а также из невозможности ознакомиться с данным феноменом ни в академической среде университетов, ни на курсах чешского языка в Чешской республике либо за её пределами.

Однако и в Чехии, и за её пределами как описание, так и преподавание «нелитературного» чешского, конечно же, ведется. Например, в вышедшем третьим изданием «Словаре нелитературного чешского языка» [Slovník něspisovné... 2009] мы находим не только 17 000 соответствующих словарных статей, но и историю изучения нелитературных регистров чешского языка в двадцатом веке, характеристику основных чешских сленгов (тюремный и воровской сленг, военный сленг, технический сленг, сленг железнодорожников, сленг работников городского общественного транспорта, спортивный сленг, цирковой сленг, театральный сленг, музыкальный сленг, журналистский сленг, школьный и студенческий сленг, сленг наркоманов и т.д.), а также литературу вопроса из почти ста наименований. При этом читателям предлагается присылать свои соображения по данной проблематике на адрес info@slangu.cz, чтобы данные соображения могли быть учтены при последующих переизданиях словаря.

Ведущий советский богемист заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широкова, поддержавшая 65 лет назад чешского исследователя Петра Сгалла в его взглядах на важность изучения так называемого обиходно-разговорного (букв. «обычного») чешского языка (*obecná čeština*) и способствовавшая переносу соответствующей дискуссии на страницы журнала «Вопросы языкознания» (см. [Сгалл 1960], [Белич 1961]), настаивала на том, чтобы специализирующиеся по линг-

вистике студенты-богемисты посвятили нелитературным формам чешского языка хотя бы одну из написанных ими за период обучения квалификационных работ (обычно это была курсовая работа за третий курс, но дело могло дойти и до работы дипломной). А.Г. Широкова основала существующую на филологическом факультете МГУ до сих пор традицию основательного знакомства студентов с «обычным» чешским языком в рамках обязательного для всех богемистов курса «История чешского языка» (четыре часа в неделю в течение двух семестров).

Подчеркнем, что с нелитературными формами чешского языка студенты-богемисты филологического факультета МГУ начинают знакомиться лишь после того, как его литературная форма уже была ими хорошо усвоена (достаточно хорошо, чтобы, например, успешно работать гидами-переводчиками во время каникул). В продолжающем оставаться лучшим отечественным учебником чешского языка для русских [Чешский 1988] материал по обиходно-разговорному чешскому языку помещен в **последнем**, тридцать третьем уроке рассчитанного на два года курса.

Точно так же и на языковых курсах в Чехии знакомство с нелитературными вариантами чешского языка недоступно отнюдь не для всех слушателей в принципе, а лишь для начинающих. Безусловно, изучающий чешский язык иностранец должен иметь представление также и о его нелитературных формах, однако на начальном этапе обучения приоритет должен отдаваться языку литературному, в поддержку чего директор Института богемистики (Ústav bohemistických studií) при Карловом университете в Праге и один из ведущих чешских специалистов по преподаванию чешского языка иностранцам М. Грдличка отмечает следующее:

Во-первых, в сложившейся мировой практике преподавания языка иностранцам базовым является наиболее социально престижный идиом (трудно себе представить, чтобы, например, подготовка зарубежного германиста началась с изучения баварского диалекта или берлинского просторечья). Далее, от иностранца, как правило, ожидается следование литературной норме (включая произносительную), любые отклонения от которой воспринимаются большинством рядовых носителей языка однозначно негативно. Наконец, использование литературного языка в целом ряде ситуаций официального общения обязательно, ср. [Hrdlička 2010: 76].

При этом если отклонения от литературной нормы в речи бегло говорящего по-чешски гостя воспринимаются большинством обычных чехов как простительный для иностранца недостаток (в то время как сам иностранец наивно полагает, что восхищает окружающих своей компетенцией в области нелитературного чешского), обращение к нелитера-

турным средствам того, кто недостаточно работал или не работал вообще над весьма непростым для русского чешским произношением, вполне может поставить его в положение персонажа романа «Кирза» В. Чекунова – призванного в советскую армию эстонца, сослуживцы которого далеко не сразу сообразили, какое именно слово («русское, и "отчен хароошее"») тот имеет в виду, произнося «шааэпешшь» («с эстонским акцентом, делая ударение на "а" и растягивая слоги»).

В рецензируемой книге в параллельных (чешском и русском) текстах чешской надписи «Sbirka slov a výrazů pouliční a hovorové češtiny» соответствует русская надпись «Сборник слов и выражений уличного и разговорного чешского языка», а сочетанию «o nespisovné (tzv. pouliční) češtině» - сочетание «о разговорном (т.н. *уличном*) чешском языке» [Beliavski 2015: 2-3; 6-7], при этом аббревиатуры «tzv.» / «т.н.» имплицитно существуют термина «pouliční čeština» / «уличный чешский язык». Однако мы не только не встречали в лингвистической литературе подобного термина, но и не смогли найти сочетание «pouliční čeština» ни в чешском Интернете, ни в Чешском национальном корпусе. Что же касается сочетаний *hovorová čeština* (269 контекстов употребления в подкорпусе SYN) и *spisovná čeština* (1551 контекст употреблений в SYN), то это устоявшиеся термины с весьма специфическим наполнением:

В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. 'обычном'] чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, см. [Navránek 1932]. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский», см. [Bělič 1959]. Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его, см. [Bělič 1958]. В отечественной богемистике чешский термин *hovorová čeština* принято переводить как «разговорный стиль литературного чешского языка».

Схема spisovná čeština – hovorová čeština – obecná čeština продолжает использоваться до сих пор.

Оставаясь в рамках сложившейся в богемистике терминологии, следует отметить, что предлагаемый словарь «Чешских нелитературных слов» [Beliavski 2015: 15-172], содержит лексику, относящуюся не только к нелитературным, но также и к литературным формам существования чешского языка, ср. стилистические пометы (или их отсутствие), которыми в [Изотов 2012(a)] снабжены некоторые лексемы из [Beliavski 2015]:

[Beliavski 2015]	[Изотов 2012(a)]
abst'ak – <i>разг.</i> 1) абстиненция, ломка из-за отказа от сигарет/алкоголя 2) <i>жарг.</i> абстыга, ломка, синдром отмены наркотика см. Наркотики	abst'ák, -u m slang. абстинентный синдром <i>spis.</i>
akne/akné – прыщи, угри см. beďary	akné neskl. ž med. угревая сыпь
amik – <i>разг.</i> америкос, америкашка	Amík, -a m hovor. expr. американец <i>m</i>
asák – ассистент	asák, -a m ob. ассистент <i>m</i>
atrapa – муляж, бутафория	atrap a, -y ž бутафория <i>ž</i>
bachař – <i>жарг.</i> вертухай, надсмотрщик в тюрьме также basman	bachař, -e m arg. тюремный надзиратель <i>spis.</i>

Как мы видим, первая, четвертая и шестая лексема действительно относятся к нелитературной лексике (*slang.* – сленг; *ob.* = *obecná čeština* – обиходно-разговорный чешский язык; *arg.* – арго), однако вторая, третья и пятая лексема вполне литературны (*med.* – медицинская терминология; *hovor.* = *hovorová čeština* – разговорный стиль чешского литературного языка; отсутствие пометы – чешский общелитературный язык). (При составлении словника [Изотов 2012(a)] мы исходили не из литературности/нелитературности соответствующих лексических единиц, а из качественного и количественного аспектов их представленности в современном чешском дискурсе, оценить которые современный уровень развития корпусных технологий вполне позволяет).

Мы никак не можем одобрить стремление автора словаря переводить чешские нелитературные слова и выражения русскими нелитературными же. Подобные попытки уже предпринималась в [Sádlíková 2005], в результате чего, например, дискотека (*disko*) оказалась *монтодромом*, наркоман (*drogista*) – *торчком*, детективный роман или фильм (*krvák*) – *убивашкой* и т.д. Однако для некоторого количества пользователей словаря непонятным может оказаться не только исходное слово,

но и предлагаемый эквивалент. Кроме того, сленговая лексика отнюдь не отличается стабильностью и однозначностью. Например, в соответствии с [Никитина 2003], *торчок* – не только ‘наркоман’, но и ‘фанат, поклонник какой-л. рок-группы’, а также ‘молодой солдат, подвергающийся притеснениям и эксплуатации со стороны старослужащих’. Какое значение выберет для себя пользователь словаря, если он знаком со всеми тремя русскими сленговыми значениями? А если только со вторым и/или третьим?

И уж совсем никуда не годится заявленный в [Beliavski 2015: 8] принцип «дословно, т.е. матом» переводить «чешские матерные слова» по той простой причине, что **чешская obscene лексика не является матерной**, даже если речь идет о прямых заимствованиях из русского языка в период совместного построения социализма. Мат – это феномен русского obscene дискурса, в основе которого лежит концепт размножения, тогда как в основе obscene дискурса чешского лежит концепт пищеварения, что иногда характеризуется как Sex-культура брани и Scheiss-культура соответственно, см. [Мокиенко 1994]. Кроме того, как убедительно показал Б.А. Успенский, исторически русский мат развивался как способ контакта с нечистой силой, поэтому в европейских языках ему функционально соответствуют формулировки, содержащие не названия детородных органов и их функций, а различные способы богохульства и/или кощунства, ср. [Успенский 1994].

К сожалению, в тексте книги немало неточностей, например, **čus** – не «искажение приветствия **čau**» (с. 183), а немецкое **tschüs(s)**, но очень грамотно записанное «чешскими буквами»; **bytná** – это не «букв. живущая в квартире со мной» (с. 184), а «букв. квартирная хозяйка»; словосочетание **atlas hub** (с. 18) означает «Справочник грибника» и существовало задолго до появления Facebook’а, каламбурное же переосмысление стало возможным в результате совпадения в форме род. падежа мн. числа слова **houba** ‘гриб’ и слова **huba** ‘рот’ (а также ‘морда, рыло’ в контекстах типа **rozbít hubu** ‘разбить/набить морду/рыло’); одно из пейоративных обозначений русского выглядит не как **azbuka** (с. 18), а как **Azbuk** (во множественном числе **Azbuci**), в тематической группе «Девушка» (с. 182) отсутствует **žába**, а в группе «Фаллос» (с. 209) – **pták**, при этом в число «разговорных обозначений» попал медицинский термин **pyj**, и т.д.

Немало в издании и погрешностей технического характера, например, слово **bambitka** (с. 20, 209) должно писаться с «а» (а не «о») на конце, слово **brácha** (с. 184) – с долгим «á» в корне, а слово **brach** (с тем же значением) – с кратким; слово **hůl** (с. 60) – с долгим «ů», а слова **kafe** и **jdeme** (оба на с. 10), наоборот, с кратким «e»; алфавитный порядок

следования статей не раз нарушается, есть повторы статей и лексем и т.д.

Подводя итог, повторим, что мы имеем дело с весьма полезным сочинением, возможное переиздание которого после определенной переработки с учетом сказанного выше мы бы сочли не только возможным, но и желательным.

О НОВОМ «БОЛЬШОМ ЧЕШСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ»⁴

В 2005 году чешское издательство LEDA в сотрудничестве со Славянским институтом Академии наук Чешской республики под названием «Большой чешско-русский словарь» / *Velký česko-ruský slovník* в одном томе переиздало в существенно переработанном виде чешско-русскую часть четырехтомного словаря, изданного в 1973 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» совместно с чехословацким «Государственным педагогическим издательством» (*Státní pedagogické nakladatelství*) и переизданного в 1976 в Праге «Государственным педагогическим издательством» совместно с советским издательством «Русский язык».

Потребность в подобном издании давно назрела, потому что словарь 1973 и 1976 годов, хотя и выходил он немалыми даже по тем временам тиражами (московское издание – 16 000 экземпляров, пражское – 30 000), давно стал библиографической редкостью. Кроме того, хотя он был подготовлен опытным коллективом лексикографов (М. Борская, Дворжакова, Я. Егличкова, Е. Мельников, М. Садликова, Е. Чермакова, З. Шромова, М. Шроуфкова, П. Полей; в обработке словарных статей принимали участие также Й. Бездек, В. Ботурова, В. Суксов, М. Мартинкова, Д.А. Длуги, Н.Б. Троепольская, С.Б. Луцкая, Н.Ф. Афонин, В. Колафова, М. Венцовская) под руководством профессора Л.В. Копецкого, Й. Филипца и О. Лешки, его словник, составленный в 60-е годы прошлого века (первый том московского словаря сдан в набор 26.11.1970), через какое-то время перестал отражать изменившуюся языковую (и внеязыковую) действительность в достаточной полноте. Так, в этом словнике мы не обнаружим многих мелькающих в чешских фильмах последней четверти XX века слов. Например, в комедии *Adéla ještě nevečeřela* (1977) в одном из самых напряженных эпизодов появляется **laser** ‘лазер’. Герои фильма *Jak svět přichází o básníky* (1982)

---

⁴ *Изотов А.И.* О новом «Большом чешско-русском словаре» // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (литературоведческий и лингвистический аспекты). – Кострома, 2008. – С. 492-503.

отправляются в сауну, чтобы там **odreagovat** ‘расслабиться после нервного напряжения’. Главный герой фильма *Jak básníci přicházejí o iluze* (1984) выкрикивает в переходе газетный заголовок **Inovace bez legrace** ‘Инновации всерьез’.

Видимо, по пуристическим соображениям в словарь 70-х годов не вошли весьма распространенные чешские разговорные и сленговые выражения. Так, нашему соотечественнику может оказаться недоступен юмор профессора анатомии в фильме *Jak básníci přicházejí o iluze* (1984), который на возражение коллеги, не желающего ставить на экзамене «отлично» студенту (V praktických cvičeních něco **přeřízl** ‘На практических занятиях он кое-что переперезал’) отвечает: Ale Sejkora, to se mu v životě stane ještě mockrát. ‘Да бросьте, Сейкора, это у него в жизни будет еще множество раз’ (сленговое значение глагола přeříznout – ‘совершить половой акт’). Точно так же может быть непонятно, почему одетый в форму «Сокола» с пером на головном уборе крепко выпивший герой фильма *Konec básníků v Čechách* (1993), услышав Bratře, ztratil jsi **pero** ‘Брат, ты потерял перо’, бросает взгляд на свои штаны (сленговое значение существительного pero – ‘мужской половой орган’, ср. также фильм *Knoflíkáři* 1997 года: A krom toho, Franta Brabec vůbec nemá malý **pero** ‘А кроме того, у Франты Брабца он совсем не маленький’). Может быть не оценено хулиганство школьников в фильме *Obecná škola* (1991), которые на вопрос молодой учительницы, каких они знают птиц, выкрикивают с хихиканьем «Коза! Две козы!» (сленговое значение слова **koza** – ‘женская грудь’). На обыгрывании подобных значений построено чуть ли не большинство ситуаций комедии Зденека Троски *Kameňák* и ее продолжений *Kameňák 2* и *Kameňák 3* (собственно говоря, в само название фильмов вынесено отсутствующее в словаре 70-х годов слово **kameňák** ‘простая, часто грубая шутка’).

Когда мы говорим о не вошедших в старый словарь разговорных и сленговых выражения, речь идет, естественно, не только о сексуально-половой сфере. Так, в фильме *Adéla ještě nevečeřela* (1977) полицейский инспектор не расположен пить **ňákej rampeliškovéj blivajz** ‘какую-то бурду из одуванчиков’. Он же, узнав, что его ждет экскурсия, соглашается: Tak se jdeme **exkurýrovat** ‘Но тогда пошли экскурсировать’. Герой фильма *Jak básníci přicházejí o iluze* (1984) просит по телефону свою мать, чтобы она к его приезду приготовила něco **echt českýho** ‘что-нибудь чисто чешское’. Заговорившая волшебным образом жирафа из популярного мультсериала о Махе и Шебестовой укоряет расшалившегося третьеклассника: ‘Horráčku, Horráčku, ty jseš pěkněj darebák a Pažout **jakbysmet**, to bych do vás nikdy neřekla. ‘Горачек, Горачек, ах ты озорник, да и Пажоут такой же, а ведь по виду не скажешь’. В фильме *Kolja* (1996) сменивший «доброго» «злой» следователь госбезопасности объ-

ясняет допрашиваемому интеллигенту, почему он обращается к нему «на ты»: *My si netykáme, milej zlatej. Já ti tykám. To je rozdíl. Poněvadž **muklům** já tykám. A ty budeš sedět. ‘Мы с тобой не на ты, дорогуша. Это я тебе тыкаю, что совсем другое дело. Зекам я тыкаю. А ты у меня будешь сидеть’*. Ребенок-вундеркинд из фильма *Báječná léta pod psa* (1997), которому на первом уроке в новой школе предложили прочитать фразу из букваря (другие дети с трудом разбирают слоги), легко читает ее и тут же комментирует: *Ema mele maso. Ema mele maso? Co je tohle za **krávovinu**? ‘Эма мелет мясо. Эма мелет мясо? Что это за чушь?!’*. В фильме *Pelíšky* (1999) ненавидящий коммунистический режим больной ветеран антигитлеровского Сопротивления кричит в распахнутое окно: *Proletáři všech zemí, vyližte si **prdel!** ‘Пролетарии всех стран, вылизите себе задницу!’*. В спектакле *Blaník* театра Яры Циммерманна, вышедшем на DVD в 1998 году, один из сказочных рыцарей говорит другому: *Veverko, tebe to bolí, a chceš nás **nasrat.** ‘Веверка, тебе больно, но ты хочешь нас позлить’*.

Ср. также следующий анекдот из сборника *Špalíček dobrých českých vtípů II*. Brno: Levné knihy KMa, 2006. S. 55-56, в котором выделены не зафиксированные в словаре 70-х годов слова и значения:

*Matka vejde do pokoje své dospívající dcery. Pokoj je prázdný a na posteli leží obálka. Obávaje se nejhoršího, otevírá matka dopis a čte následující řádky: „Milá maminko, je mi líto, že ti musím říct, že jsem odešla z domova se svým novým přítelem. Našla jsem u něj opravdovou lásku, měla bys ho vidět, je tak moc roztomilý, s tím jeho bohatým tetováním a **piercingem**, a především s jeho obrovskou motorkou! Ale to není všechno, maminko, jsem těhotná a Abdul říká, že si budeme krásně žít v jeho **karavanu** uprostřed lesa. Chce se mnou mít ještě mnoho dětí a to je také můj sen. A protože jsem přišla na to, že **marihuana** je vlastně prospěšná, budeme **trávu** pěstovat i pro naše přátele, aby nemuseli tak strašně trpět, až jim dojde **koks** nebo **heroin**. Zatím budu doufat, že věda konečně najde nějaký lék proti **AIDS**, aby se Abdulovi opět dařilo dobře, protože on si to opravdu zaslouží! Maminko, nemusíš mít strach, je mi už třináct a umím se o sebe postarat. Doufám, že tě budu moci brzo navštívit, abys poznala svá vnoučátka. Tvoje milovaná dcera.*

P.S.: Mami, všechno je to pitomost, jsem u sousedů. Chtěla jsem ti jen říct, že jsou v životě mnohem horší věci, než to vysvědčení, co leží na nočním stolku. Mám tě ráda.“

‘Мать входит в комнату своей дочери-подростка. Комната пуста, на кровати конверт. Ожидая самого страшного, мать открывает конверт и читает следующие строки: *Дорогая мама! Мне трудно говорить тебе это, но я ушла из дома со своим новым другом. Я нашла в нем свою настоящую любовь, ты бы только видела, какой он милый с его татуировками и пирсингом, а главное – с его классным мотоциклом. Но это*

не всё, я беременна, и Абдул говорит, что мы будем замечательно жить в его автомобильном прицепе в лесу. Он хочет иметь от меня еще кучу детей, это и моя мечта. А поскольку я узнала, что марихуана полезна для здоровья, мы будем выращивать травку и для наших друзей, чтобы они так не мучились, когда у них кончается кокс или героин. Надеюсь, что наука наконец откроет какое-нибудь лекарство против СПИДА и Абдул снова будет чувствовать себя хорошо, ведь он этого достоин! Мамочка, не бойся, мне уже тринадцать, и я могу о себе позаботиться. Надеюсь, что скоро смогу прийти к тебе в гости и ты познакомишься со своими внуками. Твоя любящая дочь.

PS.: Мама, всё это ерунда, я у соседей. Я только хотела сказать, что в жизни бывают вещи похуже табеля успеваемости, который лежит на столике. Люблю тебя.'

Впрочем, разговорное или сленговое выражение мы можем встретить не только в сборнике анекдотов, но и в газете, журнале, рекламном стенде. Например, отсутствующее в словаре 70-х годов сленговое слово **gympl** 'гимназия' вынесено в название популярного телесериала. Задав поиск [Gg]yml.* в подкорпусах современных письменных текстов Чешского национального корпуса (см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>), мы обнаружили 122 примера в подкорпусе SYN2000, 112 примеров в подкорпусе SYN2005 и 189 примеров в подкорпусе SYN2006pub.

В этом плане следует безусловно одобрить авторов «Нового чешско-русского словаря», активно включающих в словник обиходно-разговорную лексику.

На первых 606 страницах словаря (буквы **A–O**), соответствующих первому из двух томов чешско-русской части изданий 1973 и 1976 годов, мы обнаружили около 250 новых словарных статей, снабженных пометой *slang.*, *hovor.* или *ob.*, ср., например:

bágl, -u *m slang.* рюкзак *m spis.*

buzer|ovat, -uji *nedok. hovor. koho* помыкать кем; насиловать кого

cejch|a, -y *ž ob.* пузо *s*, брюхо *s*

Помета *slang.* характеризует слово как сленговое, помета *hovor.* – как относящееся к так называемому разговорному варианту литературного чешского языка, помета *ob.* – к обиходно-разговорному чешскому языку. Мы пользуемся данными вариантами перевода чешских терминов *hovorová čeština* и *obecná čeština* соответственно вслед за ведущим отечественным богемистом послевоенных лет А.Г. Широковой, которая много лет плодотворно разрабатывала данную проблематику, ср., например, сообщения Г.А. Лилич, Г.П. Нецименко, А.И. Изотова в «Материалах научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой» (М.: МАКС Пресс, 2004).

Отметим, что немало слов, которые в издании 1973 и 1976 годов имели помету *ob.*, в новом словаре получили помету *hovor.*, например:

česnečk|a, -y *ž hovor.* чесночная похлёбка, чесночный суп *spis.*

27 из обнаруженных новых статей были снабжены пометой *hanl.* ‘пейоративный’, 23 – пометой *zhrub.* ‘грубый’, и 4 – пометой *vulg.* ‘вульгарный’, ср.:

mezulán, -a *m hanl.* олух *m*

čúz|a, -y *ž zhrub.* стерва *ž*

chcan|ky, -ek *pomn. vulg.* моча *ž spis.*, *těž přen.* (špatné pivo)

Видимо, для компенсации было добавлено также довольно много книжных слов и выражений (мы обнаружили 93 новые статьи), ср., например:

adorac|e, -e *ž kniž.* обожание *s*

inherentní *kniž.* внутренне присущий

nadpřirozen|o, -a *s kniž.* сверхъестественное *s*

Всего же на первых 606 страницах мы обнаружили около пяти тысяч новых словарных статей, при этом значительная часть статей прежних подверглись заметной переработке (появились новые значения, зафиксировано новое графическое оформление и т.д.).

Среди добавленных слов немало терминов, прежде всего медицинских (обнаружено 221), спортивных (103) и относящихся к вычислительной технике (92), ср.:

absces, -u *m med.* гнойник *m*, абсцес *m*

aikid|o, -a *s sport.* айкидо *neskl. s*

antivir, -u *m výp. tech.* антивирус *m*

Новых химических терминов было обнаружено 82, биологических – 59, физических и экономических – по 52, ср.:

alkalizac|e, -e *ž chem.* подщелачивание *s*, алкализация *ž*

bakteriofag|e, -e *ž biol.* бактериофагия *ž*

antihmot|a, -y *ž fyz.* антиматерия *ž*

broker [broukr], -a *m ekon.* брокер *m*

Пометой *bot.* ‘ботаника’ оказались снабженными 46 обнаруженных новых статей, пометой *tech.* ‘техника’ – 45, пометой *jaz.* ‘языкознание’ и *hist.* ‘история’ – по 41, *hud.* ‘музыка’ – 37, *zool.* ‘зоология’ – 34, *práv.* ‘юриспруденция’ – 24, *anat.* ‘анатомия’ – 21, *geol.* ‘геология’ – 20, ср.:

amarylis *neskl. ž*, **amarylk|a**, -y *ž bot.* амариллис *m*

alterátor, -u *m tech.* генератор *m* переменного тока

adverbiální *jaz.* наречный, адвербиальный

arkebuz|a, -y *ž hist.* аркебуз *m*, аркебуза *ž*

baskytar|a, -y *ž hud.* бас-гитара *neskl. -ž*

bekasín|a, -y *m zool.* бекас *m*

civilněprávní *práv.* гражданско-правовой

ezofág|us, -u *m anat.* пищевод *m*

horninotvorný *geol.* пороодообразующий

В новых статьях в достаточном количестве (более 10 раз) представлены философские, психологические, математические, военные, строительные термины, а также термины, связанные с церковью, религией, торговлей, минералогией, садоводством, изобразительным искусством, ср.:

Mesiáš, -e *m náb.* Мессия *m*

novokřtěn|ec, -ce *m 1. cír.* новокрещенец *m*, неофит *m. 2.* анабаптист *m*

jang *neskl. s filoz.* ян *neskl. s;* **jin a** ~ инь и ян

freudist|a [froj-], -y, **freudov|ec** [froj-], -ce *m psych.* фрейдист *m*

extrapolac|e, -e *ž mat.* экстраполирование *s*, экстраполяция *ž*

futures [fjúčrs] *neskl. m. obch.* фьючерсный контракт

hád|ec, -ce *m miner.* серпентинит *m*

hřízen|ec, -ce *m zahr.* корневой отросток

manýrism|us, -u *m výtv.* маньеризм *m*

nadproporč|ík, -a *m voj.* старший прапорщик *m*

makadam, -u *m stav.* щебёночное покрытие

Единичные новые термины были обнаружены по астрономии, электротехнике, текстильному производству, кулинарии, политике, археологии, связи, литературоведению, логике, метеорологии, мифологии, полиграфии, физиологии, географии, металлургии, охоте, библеистике, фотографии, авиации, товароведению, горному делу, портновскому ремеслу, антропологии, дипломатии, фармакологии, радио, транспорту, стекольному делу, кинематографии, землемерию, мореходству, педагогике, железнодорожному транспорту, ср.:

kvazar, -u *m hvězd.* квазар *m*

bleskojistk|a, -y *ž elektr.* разрядник *m*

fleec|e [flis], -u *m text.* флис *m*

fondue [-dy], **fondy** *neskl. s, též fond|y*, -ů *m mn. kuch.* фондю *neskl. s*

establishment [-liš-], -u *m polit.* истеблишмент *m*

oppid|um, -a *s archeol.* оппидум *m*

mixáž, -e *ž sděl. tech.* микширование *s*

oxymóron, -a *s lit.* оксюморон *m*, оксиморон *m*

implikac|e, -e *ž log.* импликация *ž*

hygroskop, -u *m meteor.* гигроскоп *m*

jednotož|ec, -ce *m mytol.* единорог *m*

gumotisk, -u *m polygr.* флексография *ž*

libid|o, -a *s fyziol.* либидо *neskl. s*

hydrosfér|a, -y *ž zetěp.* гидросфера *ž*

besemerován|í, -í *s hut.* бессемерование *s*

halali *neskl. s mysl.* сигнал *m* к окончанию охоты

Noe, Noema *m bibl.* Ной *m*; **archa ~mova** Ноев ковчег
fleš, -e *ž 1. fot.* вспышка *ž. 2. (krátká zpráva)* флеш *m*
lopink, -u *m let.* мёртвая петля
molitan, -u *m zbož.* поролон *m*
injektáž, -e *ž, injektován|í, -í* *s horn., stav.* укрепление *s* нагнетанием, инъектирование *s*
betl, -a *m karty* мизер *m* □ **hrát ~a** *s kým* водить за нос *кого*
negroidní antr. негроидный
légla, -y *krejč.* декоративная складка
agremá *neskl. s dipl.* агреман *m*
mixtur|a, -y *ž lékár.* микстура *ž*
dlouhovlnný (vysílač) radio длинноволновой
dobyččák, -u *m dopr. slang.* телячий вагон
hrubován|í, -í *s 1. tech.* черновая обработка. **2. sklář.** грубая шлифовка. **3. hut** обрубка *ž*
animace, -e *ž film.* анимация *ž, мультипликация* *ž*
fotogrammetrie, -e *ž zeměměř.* фотограмметрия *ž*
kabotážní námoř. каботажный
defektologie, -e *ž med., ped.* дефектология *ž*
hradlař, -e *m želez.* дежурный *m* по блокпосту
mimoběžk|a, -y *ž zprav. v mn. ~y geom.* скрещивающиеся прямые

Значительное число новых статей относятся к реалиям, появившимся либо ставшим актуальными в последние десятилетия (здесь и далее речь идет уже не о терминах, а о словах, которые авторы словаря считают входящими в основной словарный фонд).

На первом месте, пожалуй, словарные статьи связанные с развитием техники, прежде всего бытовой, ср., например (здесь и далее мы в ряде случаев мы были вынуждены несколько отредактировать предлагаемый авторами словаря русский перевод):

airbag [érbek], **-u** *m* подушка *ž* безопасности
antiperspirant, -u *m* антиперспирант *m*
audiokazet|a, -y *ž* аудиокассета *ž*
audiopřehrávač, -e *m* аудиоплеер *m*
bezšňůrový *ve spoj. ~ telefon* бесшнуровой телефон
cédéčko, -a *s* компакт-диск *m*; сиди *neskl. m.*
deodorant, dezodorant, -u *m* де(з)одорант *m*
diskman [-en], **-u** *m* дискмен *m*, портативный CD-проигрыватель
fax, -u *m 1. (přístroj)* факс *m*; **poslat ~em** послать по факсу. **2. (vytištěný text)** факсограмма *ž, факс* *m*
faxmodem, -u *m* факс-модем *neskl.-m*
faxován|í, -í *s* передача *ž* по факсу

hi-fi *neskl. příd. i neskl. s* хай-фай *neskl. příd. i neskl. s*

high-tech I [haj-] *neskl. příd.* высокотехнологический

high-tech II [haj-] *neskl. s* высокие технологии *mn.*

Internet, -u m Интернет *m*, интернет *m*; **přístup k ~u** доступ в интернет; **obchodování na ~u** торговля через интернет; **surfovat na ~u** прыгать по сайтам

internetizace, -e ž интернетизация *ž*

internetový интернетовский; **~á kavárna** интернет-кафе *neskl.-neskl. s*; **~é podnikání** интернет-бизнес *neskl.-m*; **~á stránka** страница *ž* в интернете

jacuzzi [džakuzi] *neskl. ž i s* джакузи *neskl. s*

kopírk|a, -y ž копировальный аппарат

naxerox|ovat, -uji dok. отксерить

net, -u m výp. tech. Сеть *ž*

notebook [noutbuk], **-u m** ноутбук *m*

osken|ovat, oscan|ovat [-sken-], -uji dok. отсканировать

oxerox|ovat, -uji dok. ксерокопировать

Немало новых словарных статей связано с тем, что автомобиль перестал быть средством роскоши, ср.:

autoatlas, -u m автоатлас *m*

autobazar, -u m автобазар *m*

autobotičk|a, -y ž блокиратор *m*

autokosmetik|a, -y ž автокосметика *ž*

autokempink, -u m кемпинг *m*

automechanik, -a m автомеханик *m*

automotoklub, -u m автомотоклуб *m*

autonehod|a, -y ž автокатастрофа *ž* автомобильная авария *n.* катастрофа; **měl ~u** он попал в аварию

autopříslušenství|í, -í s автопринадлежности *mn*

autorádi|o, -a s автомобильный радиоприемник

bezdušový (pneumatika) бескамерный

bezolovnatý ve spoj. ~ benzin бензин, не содержащий свинца

karavan, -u жилой автоприцеп

Появились новые профессии, виды занятий, развлечения, ср.:

adrenalinový адреналиновый • **~é sporty** экстремальные виды спорта

aerobik, -u m аэробика *ž*

akvabell|a, -y ž водная фигуристка

akvalung, -u m акваланг *m*

akvalungist|a, -y m аквалангист *m*

akvapark, aquapark, -u m аквапарк *m*

akvaplán, -u m акваплан *m*

autogramiád|a, -y *ž* организованная раздача *ž* автографов
babysitter, baby sitter [bejbisitr], **-a** *m* бэ(й)би-ситтер *neskl.-m*
background [bekgrau-], **-u** *m* бэкграунд *m*
backvokalist|a [bek-], **-y** *m* бэк-вокалист *neskl.-m*
bowling [bou-], **-u** *m* боулинг *m*
beat [bít], **-u** *m* битовая музыка
beatlemánie [bít-], **-e** *ž* битломания *ž*
beatnik [bít-], **-a** *m* битник *m*
beatový [bít-] (*skupina*) битовый
big beat [bít], **-u** *m* биг-бит *neskl.-m*
big beatový [-bít-] биг-битовый
bigband [-be-], **u** *m* биг-бенд *neskl.-m*
bike [bajk], **-u** *m* горный велосипед, маунтинбайк *m*
biker [bajkr], **-a** *m* маунтинбайкер *m*
bikin|y, -n *ž pomn.* бикини *neskl. s*
biking [bajk-], **-u** *m* маунтинбайкинг *m*
bluesový [blús-] блюзовый
body *neskl. s 1. (prádlo) боди neskl. s 2. (oblečení) комбидресс m*
bodybuilding [-bil-], **-u** *m* бодибилдинг *m*
bodyguard [-gárd], **-a** *m* телохранитель *m*, охранник *m*
bookmaker [bukmejkr], **-ra** *m* букмекер *m*
bookmakerský [bukmejker-] букмекерский
breakdance, break dance [brejkdáns] *neskl. m.* брейк-данс *neskl.-m*
cool jazz [kúldžez], **-u** *m hud.* кул-джаз *neskl.-m*
country I [kán-] *neskl. s* **country music** [mjúzik] *neskl. ž* кантри (мьюзик) *neskl. s*,
country II [kán-] *neskl. příd.* **counryový** *zprav. ve spoj.* **country n.**
countryová skupina кантри-группа *neskl.-ž*
disko *neskl. s 1. (podnik) дискотека ž. 2. (hudba) диско neskl. s.* диско-музыка *neskl.-ž*
diskograf|e, -e *ž* дискография *ž*
diskohudb|a, -y *ž* диско-музыка *neskl.-ž*
džezband, jazzband [džezband], **-u** *m* джаз-бэнд *neskl.-m*
džezgymnastik|a, jazzgymnastyk|a [džez-], **-y** *ž* джазгимнастика *ž*
golf|ky, -ek *ž pomn.* брюки *jen mn.* для гольфа
golffist|a, -y *m* игрок *m* в гольф
golfišť|ě, -ě *s* площадка *ž* для гольфа
hédonism|us, -u *m* гедонизм *m*
hédonistický гедонистический
karaoke I *neskl. s* караоке *neskl. s*
karaoke II *neskl. příd. zprav. ve spoj.* ~ **bar** караоке-бар *m*; ~ **show** караоке-шоу *s*

katastrofický катастрофический; ~ **film** фильм-катастрофа *m-ž*
kvadrofonie, -e *ž* квадрофония *ž*
kvadrofonní quadro *přid. neskl.*; ~ **nahrávka** квадрозапись *ž*; ~ **zvuk**
 квадрозвук *m*
lambad|a, -y (*tanec*) ламбада *ž*
minigolf, -u *m* мини-гольф *neskl.-m*
 Интерес к научной фантастике вызвал к жизни такие понятия, как:
android, -a *m* андроид *m*
kyborg, -a *m* киборг *m*
mimozemský (*civilizace*) внеземной, инопланетный
mimozemšťan, -a *m* инопланетянин *m*
mutant, -u *m* мутант *m*
 Отметим ставшие модными темы для обсуждения:
antiglobalism|us, -u *m* антиглобализм *m*
antiglobalist|a, -y, **antiglobalizátor**, -a *m* антиглобалист *m*,
 противник *m* глобализации
antiglobalizační антиглобалистский
eutanazie, -e *ž* эвтаназия *ž*
exhalace, -e *ž mn.* (вредные) газовые выбросы *mn.*
feminizace, -e *ž* феминизация *ž*
genocid|a, -y *ž* геноцид *m*
geostrategický геостратегический
geril|a, **guerilla** [ge-], -y *ž* партизанская война
glasnost, -i *ž* гласность *ž*
globalism|us, -u *m* глобализм *m*
globalist|a, -y *m* глобалист *m*
globalizace, -e *ž* глобализация *ž*
globalizační глобализационный
globalizátor, -a *m* глобалист *m*
gulag, -u *m* ГУЛАГ *m*
haagský гаагский; ~é **úmluvy n. konvence** гаагская конвенция
intifád|a, -y *ž* интифада *ž*
klon|ovat, -uji *nedok.* клонировать
klonování, -í *s* клонирование *s*
klonovaný клонированный
mafie, -e *ž* мафия *ž*
mafíán, -a *m* мафиози *neskl. m*
mafíánský мафиозный
mafíánství, -í *s* мафиозность *s*
multikultur|a, -y *ž* мультикультура *ž*
multikulturní мультикультурный
multipolární многополярный

nelegál, -a *m* нелегал *m*
netoleranc|e, -e *ž* нетерпимость *ž*
netolerantní нетерпимый
Novorus, -a *m, zprav. v mn.* ~**ové** новые русские
obezit|a, -y *ž* тучность *ž*, ожирение *s*

Обычными стали некогда экзотические фрукты, продукты питания, напитки, ср.:

avokádo, -a *s* авокадо *neskl. s*
kiwi *neskl. s (ovoce)* киви *neskl. s*
müsli [mi-] *neskl. s* мюсли *neskl. s*
kešú *příd. neskl. zprav. ve spoj.* **ořížky** ~ орехи кешью
calvados [kal-], **-u** *m* кальвадос *m*
capuccino *v. kapučino*
camembert [kamembér], **-u** *m* камамбер *m*
čedar, -u *m* чеддер *m*
čili II, chilli [či-] *neskl. s* перец *m* чили *neskl.*
gyros, -u *m* шаурма *ž*

Политическое и экономическое объединение Европы вызвало к жизни такие понятия, как:

eur|o, -a *s (měna)* евро *neskl. s*
euroatlantický евроатлантический
euromě|a, -y *ž* евровалюта *ž*
euroskepticism|us, -u *m* евроскептицизм *m*
euroseptik, -a *m* евроскептик *m*
eurošek, -u *m* еврочек *m*

С проблемами толерантности/нетолерантности связаны такие словарные статьи, как:

germanofil, -a *m* германофил *m*
germanofilský германофильский
germanofilstv|í, -í *s* германофильство *s*
germanofibi|e, ž германофобия *ž*
anglofil, -a *m* англоман *m*
anglofob, -a *m* англофоб *m*
antisionism|us, -u *m* антисиионизм *m*
arizac|e, -e *ž* ариизация *ž*
autocenzur|a, -y *ž* самоцензура *ž*
autochton, -a *m* автохтон *m*
autochtonní автохтонный

Новые статьи отражают возросший интерес европейцев (в том числе и чехов) к мусульманскому миру, восточным культурам, мистике, ср.:

aikidist|a, -y *m* айкидист *m*
ajatolláh, -a *m* аятолла *m*

akupunktur|a, -y *ž* акупунктура *ž*, иглоукалывание *s*, иглотерапия *ž*
Alláh, -a *m* Аллах *m*
alžírský алжирский
aur|a, -y *ž* аура *ž*
bajadér|a, -y *ž* баядера *ž*
beduín, -u *m* бедуин *m*
beduínský бедуинский
bonsaj, -e *ž i m* бонсай *m i neskl. ž*
budhist|a, -ý *m* буддист *m*
budhistický буддистский
čakr|a, -y *ž* чакра *ž*
dalajlam|a, -y *m* далай-лама *neskl. -m*
druid, -a *m* друид *m*
druidský друидский
guru, -a *m i neskl. m* гуру *neskl. m*
hadž, **hadždž** *neskl. ž* хадж *m*
hadži, -ho *m* хаджи *neskl. m*
harakiri *neskl. m* харакири *neskl. s*
healer [hí-], -a *m* (*léčitel*) хилер *m*, целитель *m*
hebraism|us, -u *m jaz.* гебраизм *m*
hebraistik|a, -y *ž* гебраистика *ž*
hurisk|a, -y *ž* гурия *ž*
chalífa *v. kalif*
chalífát *v. kalifát*
ikeban|a, -y *ž* икебана *ž*
jogín, -a *m* йог *m*
jogínský йоговский
kaball|a, -y *ž* каббалистика *ž*
kabalistický каббалистический
karate *neskl. s* каратэ *neskl. s*
kung-fu *neskl. s* кун(г)-фу *neskl. s*
mantr|a, -y *ž* мантра *ž*
Mohamed, -a *m* Мухаммад *m, zast.* Магомет *m*
muftí [tý], -ho *m* муфтий *m*
numerolog, -a *m* нумеролог *m*
numerologi|e, -e *ž* нумерология *ž*
numerologický нумерологический

Немало новых статей связано с интимно-половой сферой, ср.:

anální (*otvor*) анальный
antikoncepc|e, -e *ž* контрацепция *ž*
asexualní асексуальный
bisexuál, -a *m* бисексуал *m*

bisexuální бисексуальный
buzerant, -a, buzík, -a m zhrub. педераст *m spis.*
call girl [kolgerl] *neskl.* ž девушка ž по вызову
deflorac|e, -e ž дефлорация ž
deflor|ovat, -uji nedok. i dok. лишить/лишать девственности
domin|a, -y ž домина ž
falický (kult) фаллический
fal|os, fal|us, -u m фаллос *m*
gay [gej] **I, -e m** гей *m*, гомосексуалист *m*
gay [gej] **II neskl. příd.** гей-; ~ **klub** гей-клуб *neskl.-m*
gigol|o [dži-], **-a m** жиголо *neskl. m*
heterosexualit|a, -y ž *odb.* гетеросексуальность ž
heterosexuální гетеросексуальный
incest, -u инцест *m*, кровосмешение *s*
klitorální, klitoridální клиториальный
klitori|s, -dy ž *i* **-su m** клитор *m*
lesbický zprav. ve spoj. ~á láska лесбийская любовь
lesbictv|í, -í s лесбиянство *s*
lesbičank|a, hovor. lesbičk|a, slang. lesb|a, -y ž лесбиянка ž *spis.*
masochism|us, -u m мазохизм *m*
masochist|a, -y m мазохист *m*
masturbac|e, -e ž мастурбация ž
masturb|ovat, -uji nedok. мастурбировать
nymfomank|a, -y ž нимфоманка ž
onanist|a, -y m онанист *m*
onanován|í, -í s онанирование *s*
onan|ovat, -uji nedok. онанировать
ošoust|at, -ám dok. vulg. совершить половой акт *spis.*
Добавленные в словник статьи отражают и появившиеся (актуализи-
зировавшиеся) социальные проблемы, ср.:
aids, AIDS [ajts, ejts], **-u m** СПИД *m*
aidový med. спидовый
amfetamin, -u m chem., med. амфитамин *m*
antidrogový антинаркотический, антинаркотиковый
bezdomovecký (život) божеский
bezdomovectv|í, -í s бездомничество *s*
běžěnecký (tábor) для беженцев
drog|ovat, -uji nedok. slang. употреблять наркотики *spis.*
drogov|ý ve spoj. ~á závislost наркозависимость ž
drogově přísl. ve spoj. ~ zývislý наркозависимый
crack [krek], **-u m (droga)** крэк *m*
haš, -e m slang. анаша ž

hašíř, -e *m* гашиш *m*
heroin, -u *m* героин *m*
HIV *neskl. příd. ve spoj.* **HIV pozitiv**
homeless [houm-], -a *m* бомж *m*
houmles|ák, -áka *m* *hovor. expr.* бомж *m* ■-čka, -čky *ž jako m*
joint [džojnt], -u *m slang.* сигарета *ž.* с наркотиком *spis.*
marihuan|a, -y *ž* марихуана *ž*
marihuanový марихуановый
morfin, -u *m chem.* морфин *m*
morfinism|us, -u *m med.* морфинизм *m*
morfinist|a, -y *m* морфинист *m* ■-ka, -ky *ž* морфинистка *ž*
narkobyznysz, -u *m* наркобизнес *m*
narkodealer [-dýl-], -a *m* наркочилер *m*
narkomafi|e, -e *ž* наркомафия *ž*
narkomafián, -a *m* наркочелец *m*
narkoman, -a *m* наркоман *m* ■-ka, -ky *ž* наркоманка *ž*
narkoman|e, -e *ž* наркомания *ž*

Реестр географических названий в конце словаря увеличился более чем в два раза – почти до двух с половиной тысяч статей (правда, при этом исчезла транскрипция, так что теперь хотя мы, например, и идентифицируем **Ajaccio** в качестве **Аяччо**, для того, чтобы узнать, что это слово по-чешски должно читаться [ažaksjo], нам придется его искать где-нибудь еще. Ср. также следующие словарные статьи из начала реестра (чешское произношение всюду добавлено нами по энциклопедическому словарю *Ilustrovaný encyklopedický slovník*. Praha: Academia. Díl 1. 1980; Díl 2. 1981; Díl 3. 1982):

Aberdeen [ebrdýn] *m* Абердин *m*
Åbo [óbú] *v.* **Turku**
Adamstown [edemstaun] *m* Адамстаун *m*
Adelaide [edelejɔ] *m* Аделаида *ž*
Aix-en-Provence [eks an -váns] *neskl. s* Экс-ан-Прованс *neskl. m*
Amiens [amjen] *m* Амьен *m*
Anchorage [enkeridž] *neskl. m* Анкоридж *m*
Anjou [-žu] *neskl. s hist.* Анжу *neskl. m*
Ascension [esenšn] *m* остров Вознесения
Asunción [-sjon] *m* Асунсьон *m*
Auckland [óklend] *m* Окленд *m*
Avignon [-iň-] *m* Авиньон *m*

Говоря о недостатках словаря, следует отметить не всегда удачные попытки перевода чешских разговорных и сленговых слов и выражений

русским нелитературным. В результате дискотека (disko) оказалось *топподромом*, наркоман (drogista) – *торчком*, детективный роман или фильм (krvák) – *убивашкой* и т.д. Во-первых, для некоторого (мы подразумеваем – значительного) количества пользователей словаря непонятным может оказаться не только исходное слово, но и предлагаемый эквивалент. Во-вторых, сленговая лексика отнюдь не отличается достаточной стабильностью и однозначностью. Например, в соответствии со «Словарем молодежного сленга 1980-2000 гг.» Т.Г. Никитиной, вышедшему в 2003 году в Петербурге, **торчок** – не только ‘наркоман’, но и ‘фанат, поклонник какой-л. рок-группы’, а также ‘молодой солдат, подвергающийся притеснениям и эксплуатации со стороны старослужащих’. Какое значение выберет для себя пользователь словаря, если он знаком со всеми тремя? А если только со вторым и/или третьим?

О том, что **fáro** – ‘дорогой автомобиль’ (приведенный эквивалент: **тачка, кап**) знает носитель чешского, но не русского языка. Если же словарь принципиально рассчитан на чешскоязычного, а не русскоязычного пользователя, то стоит ли совмещать в одном издании словарь общеупотребительной лексики и самоучитель (мягко скажем, не очень полный) иноязычного сленга?

Для того, чтобы сохранить объем словаря 70-х годов (62 000 словарных статей), были исключены многие старые статьи, которые были, видимо, сочтены неактуальными. Например, исчез Коминтерн (**Komintern**), зато появился департамент США (**department**). К сожалению, в их число попали многие слова, продолжающие встречаться в современных текстах. Например, в подкорпусе SYNEK, представляющем собой **десятикратно редуцированный** подкорпус SYN2000, тот же Коминтерн (поиск **Komintern.***) нам встретился 12 раз!

По-видимому, авторам имело смысл (если действительно не было возможности увеличить общее число статей), сократить или по крайней мере не увеличивать число статей с однокоренными словами и тем более формами одного и того же слова (глагол + причастие + герундий + ...).

В заключение следует подчеркнуть, что всё это ни в коей мере не умаляет огромной заслуги авторов и издателей, проделавших колоссальную и весьма полезную работу.

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ⁵

Начать я бы хотел с очень старого вопроса: Что такое филология? Это «искусство» или «наука», относится ли она к тому, что в англо-

---

⁵ *Изотов А.И.* Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2016. – № 1. – С. 3-8.

язычном мире принято называть ARTS или к тому, что там обозначают как SCIENCES? Или же это и то, и другое?

По свидетельству ученика А.Н. Колмогорова А.Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А.Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественнонаучным и гуманитарно-научным знанием. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математические науки), а об уникальности/неуникальности объекта исследования.

Естествоиспытатель имеет дело в основном с неуникальными объектами исследования. Знание, установленное в результате естественнонаучного эксперимента, в силу этого достоверно **верифицируемо**. Работа с результатами верифицируемого эксперимента - суть естественнонаучного исследования.

Гуманитарий же занимается, как правило, тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что татаро-монголы, разбив в Силезии объединенное войско Великой и Малой Польши, Тевтонского ордена, Тамплиеров, Госпитальеров, а также добровольцев со всей Центральной Европы, опустошив Моравию, Словакию, Венгрию, Хорватию и дойдя в 1242 году до берегов Адриатики, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшему поход Батью надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была якобы бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или же потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (как учили в школе автора настоящих строк). Анализ результатов верифицируемого эксперимента гуманитария заменяет критика источников, ср. [Хайдеггер 1993].

Естествоиспытатель оперирует доказанными фактами, а гуманитарий – данными, истинность/ложность которых установлена с большей/меньшей степенью вероятности, поэтому первому нет нужды по ходу изложения постоянно ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот второму надо ссы-

латься на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного заключения, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только количество свидетельств в пользу той или иной версии, но и их качество (информация, почерпнутая из реномированного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем полуанонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Человек с естественно-научным складом мышления, который при-вык, что в теоретическом построении нет ни одной лишней детали (как в изящном картонном домике), убежден, что и в гуманитарной науке появление дисгармонирующего с существующей традицией факта дискредитирует всю эту традицию (стоит вытащить одну единственную карту из нижнего ряда, и картонный домик рухнет). Однако речь идет не о картонном домике, а о муравейнике – десятках и сотнях тысяч элементов, весьма причудливо связанных между собой. Убрав лопату земли из основания, мы обрушим не весь муравейник, а лишь его участок.

Развивая метафору с картонным домиком и муравейником, отметим, что при построении первого из них никак не обойтись без неочайной ловкости рук, при построении же второго – без того, что немцы называют *das Sitzfleisch*, а также огромного количества строительного материала, собираемого десятилетиями. Это, конечно же, отнюдь не значит, что умелые руки (читай: «аналитические способности») не нужны строителю муравейника, однако легко объясняет численный перевес молодых «физиков» над молодыми «лириками» в первом зале «Ленинки» в советское время (когда туда пускали только профессоров и докторов наук).

Филологическое знание, как мы склонны считать, может быть и естественнонаучным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка / литературы / культуры изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции; литературные жанры и т.д.), речь идёт прежде всего о естественнонаучном знании, если же объект исследования **уникален** (история конкретного языка / конкретной литературы) – прежде всего о гуманитарно-научном.

Возможна, безусловно, и комбинация естественнонаучного и гуманитарно-научного знаний, ср., например, [Изотов 1991], где речь идет, с одной стороны, об общих грамматических свойствах форм с теми или

инными суффиксами, многократно употребленными в том или ином синтаксическом контексте, с другой же стороны - об историко-культурном фоне функционирования конкретной партиципальной системы в конкретном языке.

Тем не менее отнесение филологии к чему-то однозначно гуманитарному характерно как для массового сознания (ср. обидные статьи на <http://lurkmoge.to/>), так и для специалистов - от позднелатинского автора Марциана Капеллы, давшего Филологии в услужение семь Свободных Искусств [Martianus Capella 1983], до С.С. Аверинцева, определявшего филологию как «содружество гуманитарных дисциплин - лингвистич., литературоведч., историч. и др., изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистич. анализ письменных текстов» [Аверинцев 1977: 410].

Эти представления не смогли разрушить ни структурализм, ни «хомскианская революция». Возможно, их сможет хотя бы поколебать «корпусная революция», о которой заговорили и у нас, см. [Плунгян 2009].

Однако оправданно ли употребление слова «революция», когда речь идет о лингвистической дисциплине («корпусная лингвистика»), которая появилась около полувека назад, однако была до самого недавнего времени настолько никому не интересна, что у неё до сих пор нет даже собственного УДК-классификатора (приводимый обычно УДК-81'32 - это «Математическая лингвистика»)? Мы уверены, что совершенно оправданно, и вот почему:

Во-первых, сама дисциплина развивается так стремительно, что учебные материалы по ней устаревают, едва будучи опубликованными. Например, в замечательном (без всякой иронии) учебнике [Захаров, Богданова 2011], вышедшем в 2011 году, в Приложении 1 (Список Национальных корпусов) объем Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>) определен в **70 млн.** слов, тогда как уже в январе 2012 года этот объем равнялся **364 млн.** Что же касается ставшего **полуторамиллиардным** к 2012 году Национального корпуса чешского языка (сегодня совокупный объем его подкорпусов уже **около трех миллиардов** токенов – <http://ucnk.ff.cuni.cz/>), то он описывается в этом учебнике как ещё 100-миллионный.

Во-вторых, развитие корпусной лингвистики за последнее десятилетие позволило перевести изучение языкового материала на принципиально иной уровень. Если еще 10-15 лет назад при описании не отличающихся высокой частотностью явлений исследователь был вынужден опираться во многом на собственную интуицию, то появление крупных (свыше миллиарда словоупотреблений) репрезентативных корпусов, снабженных соответствующим программным обеспечением, расширило

эмпирическую базу исследования до немислимых прежде объемов. Ведь нетрудно подсчитать, что если бы кто-то захотел просто прочитать вслух составляющие входящий в состав Национального корпуса чешского языка тексты, объединенные в подкорпусе SYN – всего 2 миллиарда 232 миллионов токенов (120 слов в минуту – нормальный темп чешской речи, 8 часов в день без выходных и праздничных дней), ему понадобилось бы для этого **более 100 лет!** Компьютер же просмотрит весь этот массив в поисках заданной словоформы, лексемы, грамматической конструкции (а также их комбинации) в течение нескольких минут.

Эти возросшие возможности хорошо иллюстрируются сравнением трех работ, затрагивающих одну и ту же проблему – побуждение, выраженное перформативной конструкцией. В первой из них, написанной в еще «докорпусную» эпоху, на чешском материале выделяются, с опорой на известную классификацию речевых актов Дж. Серля (см. [Серль 1986]), 17 директивных (*rozkazovat, příkazovat, nařizovat, poroučet, zakazovat, vyzývat, navrhopvat, doporučovat, radit, žádat, požadovat, prosit, pověřovat, připomínat, varovat, ptát se, tázat se*) и 6 комиссивно-директивных (*nabízet, zvát, přihlašovat se, hlásit se, objednávat, zamlouvat si*) чешских глаголов, см. [Hirschová 1988]. Подготовленный к рубежу тысячелетий сотрудниками Института чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге 100-миллионный репрезентативный корпус современных чешских письменных текстов SYN2000 позволил пополнить наши знания о сочетаемости данных перформативных глаголов, см. [Hirschová 2004]. Наконец, более чем десятикратное увеличение объема синхронной части Чешского национального корпуса в последующие несколько лет (за счет добавления еще двух 100-миллионных корпусов SYN2005 и SYN2010, 300-миллионного корпуса SYN2006PUB и 700-миллионного корпуса SYN2009PUB), а также возросшие возможности корпусного менеджера Bonito, снизившие до приемлемого уровня необходимость визуального контроля найденных контекстов, позволили нам документировать перформативное употребление 39 чешских директивных и комиссивно-директивных глаголов (*doporučovat; dovolovat; hlásit se; nabádat; nabízet; napomínat; nařizovat; navrhopvat; objednávat; obsílat; odporučovat; poroučet; pověřovat; požadovat; prosit; přihlašovat se; příkazovat; přimlouvat se; připomínat; ptát se; radit; rozkazovat; schvalovat; tázat se; ukládat; upozorňovat; varovat; velet; volat; vybízet; vyprošovat si; vyzývat; zakazovat; zaklínat; zamlouvat si; zapovídat; zapřísahat; zvát; žádat*), ср. [Izotov 2013].

И, наконец, **в-третьих**: обращение филолога к корпусу как основному источнику фактического материала в условиях современного развития Интернета и компьютерных технологий не в разе, но в порядке

повышает **верифицируемость** используемых им данных. Например, для того, чтобы верифицировать даже какую-нибудь мелочь из кандидатской диссертации автора настоящих строк [Изотов 1991], для которой он когда-то с аспирантским энтузиазмом в течение трех лет собирал фактический материал, еще совсем недавно пришлось бы повторить этот трудоёмкий аналог естественнонаучного эксперимента (выборку примеров по заданному алгоритму из заданного массива текстов). Пользуясь же материалом Национального корпуса чешского языка, швейцарский исследователь М. Гигер не только проверил сделанные нами 20 лет назад выводы о статусе и функциональной нагруженности редкого причастного типа на $-(v)\acute{s}í$, но и существеннейшим образом откорректировал их, рассмотрев те аспекты их функционирования, анализ которых был в «докорпусную» эпоху немислим, см. [Giger 2010].

Предоставляемая корпусом возможность располагать беспрецедентным объемом контекстов употребления той или иной лексической единицы и/или грамматической конструкции позволяет более надёжно определять особенности концептуализации в языке той или иной семантической категории, а в конечном итоге – особенности соответствующих языковых картин мира, ср. [Изотов (а)].

Корпус бесценен для лексиколога и лексикографа, так как позволяет, например, при составлении словника исходить не из интуиции и неких умозрительных соображений, а из реальной употребительности тех или иных лексем в современных текстах. Это же реальное функционирование лексических единиц в речи определяет и выбор вариантов, и порядок следования синонимов, и сочетаемость, см. [Кульпина, Татарinov 2013].

Являясь своего рода огромной энциклопедией, хотя и организованной не парадигматически, а синтагматически, корпус может быть весьма полезен и лингвокультурологу. Проверив представленность рассматриваемых в энциклопедическом словаре Хирша [Hirsch 2002] феноменов в текстах Чешского национального корпуса, мы получили весьма интересные данные о зонах пересечения культурной компетенции современного американца и современного чеха, см. [Izotov 2010].

Таким образом, обращение к корпусному материалу в филологическом исследовании ощутимо сдвигает это исследование по оси «гуманитарное знание» - «естественнонаучное знание» в сторону последнего, не превращая при этом филолога в естествоиспытателя.

О «ТРОЯЗЫЧНОЙ ЕРЕСИ»⁶

1. В сложившейся отечественной традиции язык древнейших славянских переводов богослужебных текстов с греческого, выполненных в IX веке святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками, принято называть «старославянским языком», см. [Изотов 2010: 7-10]. Именно этот реконструированный книжно-литературный язык в сравнительно-исторической ретроспективе описывается в большинстве существующих учебников (учебных пособий) по одноименной учебной дисциплине и изучается будущими русистами и славистами. Существует и традиция описания не реконструированного, а реально фиксируемого древнейшими сохранившимися памятниками славянской письменности состояния грамматики и лексики – отметим многократно переиздававшуюся классическую работу А. Вайана [Вайан 2009], а также словарь [Старославянский... 1994], подготовленный совместно сотрудниками Академии наук Чешской республики и Российской Академии наук и четырехтомный «Словарь старославянского языка», издаваемый Чехословацкой, а затем Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 гг. и репринтно переизданный в 2006 году в издательстве С.-Петербургского университета, см. [Словарь... 2006]. Интересное сочетание названных двух подходов мы находим в монументальном труде [Поливанова 2013], где скрупулезно описываются [идеальные] старославянские морфологические и морфонологические конструкты, а также представленные в том или ином памятнике девиации.

1.2. Под влиянием живой речи болгарских, сербских и древнерусских книжников постепенно возникали региональные разновидности этого некогда единого книжно-литературного языка, которые опять же в отечественной лингвистической традиции принято называть «церковно-славянским языком» соответственно болгарского, сербского или русского извода, ср.: «Изводы церковно-славянского языка – это исторически засвидетельствованные региональные разновидности межнационального книжного языка славян, употреблявшегося в ряде славянских стран вплоть до XVIII в.» [Новикова 1993: 10]. К сожалению, существует разноречивость в написании данного термина (слитно или через дефис), вплоть до того, что один и тот же популярный современный учебник А.А. Плетневой и А.Г. Кравецкого был издан в 1996 году под названием «Церковно-славянский язык» (через дефис), а в 2001 году – уже в огласовке «Церковнославянский язык» (слитно), см. [Плетнева, Кравецкий 1996; 2001]. В

---

⁶ *Изотов А.И.* Современный церковнославянский язык и «троязычная ересь» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 54. – М.: МАКС Пресс, 2016. - С. 84-92. §

целом же вариант «церковнославянский» (слитно) преобладает в академической литературе, вариант «церковно-славянский» (через дефис) – в литературе церковной.

Некоторые авторитетные исследователи используют наряду с термином «извод церковнославянского языка» термин «редакция церковнославянского языка» в качестве синонимического, ср. [Нахтигал 1963: 161], [Хабургаев 1986: 5], [Живов 2001: 20]. Существуют, однако, и попытки эти термины разграничивать, когда под «редакцией» понимается результат сознательной деятельности (например, результат осуществленной по инициативе патриарха Никона «книжной sprawy»), а под «изводом» – то, что сложилось стихийно (А.С. Новикова в личной беседе).

В отечественной церковной традиции «церковнославянский» язык часто называют просто «славянским» («славенским») языком. Младограмматики широко использовали термин «древнеболгарский язык», ср., например, название классической работы [Leskien 1909]. В настоящее время этот термин (старобългарски език) используется прежде всего болгарскими исследователями, хотя и не только ими, ср. [Aitzetmüller 1978].

Недостатком данного термина, как и термина «древнемакедонский язык» (старомакедонски јазик) в том же значении, является нежелательная терминологическая омонимия, ведь язык кирилло-мефодиевских переводов не имеет ни малейшего отношения ни к настоящему древнеболгарскому языку – тюркскому языку древних болгар до их прихода на Балканы, ни к настоящему др.-македонскому – диалекту древнегреческого языка 1-го тысячелетия до н.э., см. [Нерознак 1978].

Термины «древнеболгарский» и «древнемакедонский» могут использоваться, впрочем, для противопоставления диалектов старославянского языка, ср. название соответствующего параграфа («Диалекты старославянского языка») в монументальной работе А. Вайана, ср. «Создатели письменного языка Кирилл и Мефодий происходили из западной Македонии (с. Салоники); там же (в районе Охрида) действовала и школа Климента; таким образом, можно сказать, что старославянский язык – это прежде всего язык древнемакедонский. Однако поскольку столицей болгарского государства Симеона и Петра был Преславль, в восточной Болгарии, то старославянский язык, естественно, получил здесь несколько иную форму и стал древнеболгарским литературным языком. Позднее, когда центр болгарского государства переместился в Охрид, древнемакедонский язык одержал верх. Различия между древнемакедонским и древнеболгарским языками не являются значительными, но все же заметны; больше всего их в словаре, а также в

грамматике. Наглядно выступают они в том случае, когда один и тот же текст представлен в двух вариантах <...> [Вайан 2009: 17-18].

1.3. Председатель Советского, а затем и Российского комитета славистов академик Н.И. Толстой ввел в употребление и активно пропагандировал термин «древнеславянский» язык, выделяя «ранний древнеславянский язык» (IX–XI вв.), «средний древнеславянский язык» (XII–XVI вв.) и «поздний древнеславянский язык» (XVII–XVIII вв.) и предпочитая данный термин термину «церковнославянский язык», так как «церковнославянский язык функционировал не только в церковной сфере, а значительно шире и в древности чаще всего имел название просто "словенский"» [Толстой 1988: 47-48].

1.4. Нельзя, однако, не отметить, что термины «старославянский язык» или «древнеславянский язык» не вполне удачны в том плане, что речь отнюдь не идет о языке «старых / древних славян», то есть о языке, на котором когда-то в древности говорили предки нынешних славян, т.е. чехов, поляков, сербов, украинцев, русских и т.д. (такой язык принято называть «праславянским» или «общеславянским»). Во времена Кирилла и Мефодия праславянский язык уже не представлял единства и диалекты солунских славян, которые предположительно легли в основу «старославянского» языка, довольно существенно отличались от диалектов, на которых говорило большинство существовавших тогда славянских племен. Весьма показательна в этом плане развитая система причастных формантов, унаследованная русским языком из церковнославянского (для причастий настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога, ср. *делающий*, *(с)делающий*, *делаемый*, *(с)деланный*). Если не считать белорусского языка, в случае с которым влияние церковнославянского и русского очевидно, такую систему причастных формантов мы не найдем ни в одном современном славянском языке. Ничего подобного нет ни в болгарском, ни в македонском, а ведь речь идет вроде бы о языках непосредственных потомков солунских славян и их соседей. В современном македонском вообще представлен единственный причастный формант *-и/-т*, в силу этого не охарактеризованный ни по времени, ни по залогу, см. [Усикова 1985: 108-109]. Совершенно иные, нежели в русском, системы причастий представлены в чешском и польском языках, см. [Изотов 1993], [Bartnicka 1970].

Кроме того, Кирилл и Мефодий не просто зафиксировали нечто уже существующее, им пришлось, по ходу перевода, **создавать** язык, который мог бы выразить по крайней мере основные смыслы, передаваемые греческими богослужебными текстами. Такой язык братья и их ученики создавали на основе известных им славянских диалектов, приписывая словам и выражениям обиходно-повседневной сферы общения

(а другой тогда у солунских славян и быть не могло), основываясь на греческих образцах, значения более абстрактные (*πνέω* > *πνεῦμα* > *ἄγιον πνεῦμα*; *доунѣти* > *доухъ* > *свѣтъ доухъ*), заимствуя из греческого языка модели словообразования и синтаксические конструкции, в том числе конструкции, совершенно чуждые славянским говорам, ср., например, весьма распространенный в старославянских текстах оборот «дательный самостоятельный».

1.5. Гораздо более удачной поэтому нам представляется концепция академика Ф.В. Мареша, изложенная им на организованных Московской патриархией юбилейных научных конференциях 1988 и 1989 годов, в соответствии с которой в рамках единого «церковнославянского» языка выделяется «древне-церковнославянский язык» (то, что у нас принято называть «старославянским языком»), «среднецерковнославянский язык» и «новоцерковнославянский язык», ср. [Slavica... 2006]/ Не говоря уже о том, что данная концепция находится в полном соответствии и с отечественной дореволюционной, и с зарубежной традициями, согласно которым язык кирилло-мефодиевских переводов обозначается как древнецерковнославянский (ср. англ. Old Church Slavonic и нем. Altkirchenslavisch), термин «церковнославянский язык» в наибольшей степени соответствует его основной, а порой и единственной функции – литургической, ведь речь идет о языке, изначально созданном для нужд церкви. Обычное для отечественных учебников напоминание, что «язык, зафиксированный в древнейших славянских христианских (переводных) текстах, с самого начала использовался не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы» [Хабургаев 1986: 6], вряд ли можно рассматривать как серьезное возражение против термина «церковнославянский язык», ведь и английский язык является родным не только для англичан. О том, для чего «с самого начала» использовался «старославянский» язык, свидетельствует и стандартный список древнейших славянских рукописей (см. тот же [Хабургаев 1986: 6-38]), среди которых нет ни одной, не относящейся к религиозной сфере.

Поэтому и на последующих страницах церковнославянским (или просто «славянским») мы будем называть тот язык, который был создан святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием для нужд славянского богослужения и который уже более тысячи лет используется нашими соотечественниками, а также нашими единославными братьями и сестрами за рубежом при молитвенном общении с Создателем, во всей его полноте. В качестве не вполне удачного, однако устоявшегося синонима для термина «древнецерковнославянский язык» может использоваться и термин «старославянский язык».

2. Одиннадцать с половиной веков назад братья Константин и Мефодий отстаивали право вести богослужение на понятном народу «сла-

вянском» языке в спорах с «троязычниками», считающими, что лишь три языка (др.-еврейский, др.-греческий, латинский, на которых, в соответствии с евангелиями, была сделана надпись «Иисус из Назарета, Царь Иудейский» над распятым Христом) достойны того, чтобы на них славилось имя Божие. Сегодня же, как может показаться на первый взгляд, ситуация парадоксальным образом изменилась: теперь уже против перевода богослужения на «живой» язык (например, на современный русский) возражают как раз сторонники «славянского» языка. Чтобы показать мнимый характер данного парадокса, рассмотрим два устойчивых мифа.

2.1. Во-первых, это миф о том, что противниками перевода сакрального текста на «язык народа» всегда руководило и руководит стремление не допустить того, чтобы «простые люди» смогли приобщаться к Божественной премудрости, ср., например, упоминание о переводах библейских текстов, выполненных Ф. Скориной, которые отличались «понятным народу языком, а потому были отвергнуты высшими церковными авторитетами и царем» [Marvan 2015: 96].

2.2. Во-вторых, это миф о том, что церковнославянский язык, первоначально воспринимаемый православными славянами «как неотъемлемая часть родного языка, <...> превратился [к 17-му веку, судя по упоминаемому в том же абзаце царе Михаиле Фёдоровиче. – *А.И.*] в непонятную для народа "православную латынь", то есть стал, подобно западной латыни, исключительно собственностью клира или, отчасти, других правящих сословий» [Marvan 2015: 165].

3. Мы начнем с первого мифа, поскольку он имеет более универсальный характер, затрагивая не только «славянский», но и любой «священный» язык – латынь, греческий, арабский, санскрит и т.д.

3.1. Каждому читавшему или слушавшему курс теории перевода известно, что в целом ряде случаев точный перевод невозможен из-за асимметрии грамматических и лексических систем языка оригинала и языка перевода, различий стилистических и коннотативных потенциалов соотносимых единиц, случаев полисемии и семантической недифференцированности, наличия безэквивалентной лексики и т.д., так что переводчику постоянно приходится прибегать к тем или иным ухищрениям, чтобы хоть как-то компенсировать неизбежную потерю смысла. Но как быть со священным текстом, при переводе которого эта неизбежная трансформация смысла может стать роковой?

3.2. Во времена Константина и Мефодия по отношению к возможности перевода Священного писания на народный язык не было единого мнения. С одной стороны, польза церковной проповеди на понятном для простого народа языке была очевидна (особенно если речь шла о новообращенном народе, который надо было окончательно вырвать из пут

язычества). С другой стороны, существовали вполне обоснованные опасения, что не обладающий специальной теологической подготовкой человек может неправильно истолковать те или иные строки Писания, а если этот человек обладает пламенной верой, то его невольные заблуждения могут дорого стоить и ему, и другим – вспомним религиозную нетерпимость и костры средневековья, которые в протестантской Женеве горели не менее жарко, чем в католической Испании. Поэтому хотя на ряде западных синодов (франкфуртский 794 года, аахенский 802 года, майнцкий 813 года) «троязычие» было осуждено, см. [Сказания... 1981: 130], споры вокруг него не утихали. В дальнейшем всё в конечном итоге зависело от решения местного монарха. Например, если во Франции после расправы над еретиками-альбигойцами (в 1209 папа Иннокентий III призывает к крестовому походу против них, в результате чего весь юг Франции оказывается залитым кровью) вводится запрет на перевод Писания на «мирской» язык, в Чехии, которая была в те времена прочнейшим образом интегрирована в Европу (чешский король был одним из курфюрстов Священной Римской империи – тех, кто избирал императора) уже в 1370 году появляется полный перевод Библии на чешский язык (так называемая Дрезденская Библия), в последующие несколько десятилетий – дальнейшие переводы, например, Оломоуцкая Библия, Литомнержицкая Библия и т.д., см. [Marvan 2015: 403]. В соответствии с решением Тридентского собора (1545-1563), «чтение Б.[иблии] на народном языке может быть дозволено только тем, кто вполне укрепился в вере, так как, по мнению членов собора, это чтение может быть более опасным, чем полезным» [Полный... 326].

Итак, у противников перевода богослужения с уже освященного традицией языка на язык, такой традицией не освященный, могут быть иные, кроме сугубо эгоистических, мотивы.

4. Не выдерживает обращения к реальности и утверждение о том, что «славянский» язык был жителям Киевской Руси X-XI веков (когда он здесь появился) более понятен, чем сегодняшний церковнославянский язык жителям Украины, России или Белоруссии.

4.1. Во-первых, как уже отмечалось, к XI-му веку праславянский язык уже успел распасться на отдельные диалекты, так что солунские славяне, язык которых был знаком братьям, говорили уже не вполне так, как говорили славяне Киевской Руси. При этом помимо весьма существенных различий в фонетике (рефлексы *tj и *dj, l-epentheticum на стыке морфем, первого и второго славянского ъ, носовых гласных, сочетаний *ort-/*olt-, *tort-/*toIt-, *tьrt-/*tьIt-, мягких и полумягких согласных, сверхкратких гласных и т.д., см. [Изотов 2010: 55-70]), которые уже сами по себе способны затруднить восприятие, логично предположить и немалые различия в словарном составе, так что предложе-

ния со словами типа *катапетазма* (ср. *катапетазма црковънаѣ • раздѣра са • съ вѣшьнѣго • краѣ • до нижънѣаго • на дѣвое* [Старославянский... 1994: 282]), вполне понятные, видимо, жившим в греческом окружении солунским славянам, для тогдашних киевлян могли звучать так же странно, как для киевлян сегодняшних звучат приписываемые канадским украинцам фразы типа *Петро, зачини виводку / дору, бо чилдринята зафризнуть*. Во-вторых, как уже отмечалось, никакого «языка старых славян» в IX веке не существовало, братьям приходилось, по ходу перевода, **создавать** этот язык. И, наконец, самое главное: для адекватного понимания текста знаний грамматики и лексики, то есть знаний чисто языковых, иногда оказывается недостаточно. Необходимо также иметь представление о стоящих за текстом историко-культурных феноменах. Например, поможет ли Гугл-переводчик французскому немцу правильно понять реплику центрального персонажа сериала «Останній москаль» (*Дядя Вань, твоя фамилия случайно не Сусанин, а?*), смысл которой очевиден для тех, для кого данный сериал снимался. При этом чем сложнее текст, тем больший объем историко-культурных знаний требуется для адекватного понимания данного текста: все ли выпускники московских школ смогут внятно объяснить, почему трактирщик из «Преступления и наказания» переходит в середине реплики с «тыканья» на «выканье» (*А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?*) или что такое «вино кометы» из «Евгения Онегина»? Что же удивительного в том, что наш соотечественник, впервые придя в церковь, чего-то не понимает? Дело не в «славянском» языке, а в том огромном пласте историко-культурных знаний, который стоит за церковным обрядом и который, увы, многим представителям современной постмодернистской культуры оказывается недостаточно знакомым. Однако очевидно, что для язычника IX века этот пласт был непонятным в значительно большей степени, чем для нашего современника, который, будь он даже атеистом или агностиком, тем не менее является продуктом европейской культуры, в своей основе прежде всего христианской (при всей важности иудейского, исламского и скандинавского элементов).

4.2. Сближались и сами языки (язык богослужения и язык народа), причем процесс был двусторонним. Церковнославянский язык приспособивался (сначала чисто фонетически, а потом и грамматически) к языку восточных славян, ср. старославянские (=древнецерковнославянские) тексты кирилло-мефодиевского периода с соотносимыми текстами Острожской Библии, Московской Библии и Елизаветинской Библии, благо они доступны в Интернете, см. например, ресурс <http://joymylife.org.ua/>. Но при этом и «народный» язык век от века напитывался церковнославянскими элементами, какие мы без труда

находим и в староукраинском Пересопницком евангелии, и в старобелорусских изданиях Фр. Скорины.

Что же касается русского языка, то он впитал в себя столько церковнославянских элементов, что способен выглядеть потомком «древнеболгарского» языка ничуть не меньше, чем его прямой потомок – современный болгарский язык.

Основатель так называемой «кондициональной лингвистики» А.В. Исаченко, размышлявший, в частности, о том, как бы мог выглядеть современный русский язык, если бы в нем восторжествовала церковнославянская норма, предложил когда-то следующий образец подобного не осуществившегося русского языка:

Автомобилю же въ гаражѣ суцу, разнервничалса вельми и отъидохъ остановиць трамвая. Ни единому же приходящу, призвахъ таксомоторъ и влзшие отвезень быхъ, аможже нужду имгъяхъ [Florilegium... 2011: 9].

Несколько упрощая ситуацию, историю взаимоотношений «славянского» и русского языков можно представить следующим образом: «Славянский» язык с самого начала и до сегодняшнего дня исправно выполнял и продолжает выполнять свою основную функцию – средства молитвенного общения человека с Создателем, попутно выполняя ряд иных функций письменного языка, из которых его постепенно вытеснял формирующийся древнерусский (а затем просто русский) язык, который приобрел более или менее современный вид к концу первой трети XIX века, когда гений Пушкина синтезировал «славено-росский» язык так называемых архаистов и «галло-росский» язык карамзинистов. Не случайно «гимназическая программа 1877 года не разделяет преподавание русского и церковнославянского языков», см. [Кравецкий 2001: 32].

5. В результате церковнославянский язык современной литургии достаточно близок современным русскому, украинскому и белорусскому языкам, чтобы быть понятным самым широким массам верующих без тех усилий, которые затрачивают, например, на изучение арабского языка крымские или волжские татары (изучение арабского текста Корана входит в обязанности каждого мусульманина), в то же время он достаточно отдален от них, чтобы предотвратить смешение сакрального и профанного дискурсов.

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕВОДЕ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА⁷

Рецензируемая статья представляется весьма актуальной, поскольку она неизбежно поднимает целый ряд проблем, среди которых назовем хотя бы

(1) проблему трансформации в сакральном тексте существующей в том или ином конкретном языковом сообществе системы иллокутивных типов побуждения (Может ли побуждение, исходящее от Господа, восприниматься иначе, чем приказ/запрет? С другой стороны, основной признак приказа/запрета – жесткие санкции за его невыполнение, а о каких санкциях за невыполнение религиозных запретов идет речь, если, конечно, мы живем не в средневековой Испании и не в Саудовской Аравии?);

(2) проблему восприятия сакрального текста в секуляризованном обществе (Одни и те же слова Иисуса совершенно по-разному воспринимаются теми, кто видит в Нем «сн̄а в̄жпа ѓдинорѳднаго», теми, для кого он, как для А. Вассермана, – Иешуа Иосифович Давыдов, то есть живший 2000 лет назад обычный человек, и, наконец, теми, для которого он – персонаж литературных произведений, сочиненных когда-то людьми, известными нам как Матфей, Марк, Лука и Иоанн);

(3) проблему функционирования идиоматической фразеологии библейского происхождения в тех или иных жанрах и стилях, которая может решаться, учитывая наличие миллиардных электронных корпусов, на принципиально ином уровне, чем в докорпусную эпоху.

(4) проблему языкового оформления библеизмов в различных лингвокультурах; даже на примере приводимых в данной статье видно, что некоторые фрагменты библейского текста, превратившиеся в англоязычной среде в идиомы, в русский паремиологический фонд вошли в русской огласовке, некоторые в церковнославянской, а некоторые не вошли вообще.

К сожалению, хотя автор статьи оперирует понятиями «модальность», «побуждение», «директив» и т.д., классических работ ни по теории модальности и императивности (*Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука, 1986; Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модаль-

---

⁷ Внешняя рецензия А.И. Изотова на опубликованную впоследствии статью: *Иванова Н.А.* Побудительная модальность как механизм формирования общечеловеческих ценностей (на материале русскоязычного и англоязычного перевода библейских идиом // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. - 2015. - № 2. - С. 133-139.

ность. – Л.: Наука, 1990), ни по теории речевых актов (статьи в сборниках: Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17), как и работ, совмещающие отечественную теорию модальности с лингвистической прагматикой (*Бирюлин Л.А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1992; *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2007) он не учитывает. В результате в тексте статьи довольно много неудачных формулировок, например:

(1) *«В данном случае в англоязычном переводе этой идиомы используется вопрос, который, однако, не запрашивает информацию, а содержит сему побуждения, т.е. побуждает адресата ответить на обращенный к нему вопрос».*

В соответствии с классической теорией речевых актов Серля, вопрос – один из директивов. «Запрос информации» и есть «побуждение ответить на вопрос». То, что вопрос может быть риторическим, а речевой акт – косвенным, ничего в этом не меняет.

(2) *«Предложение представляет собой побуждение к совместному действию говорящего и адресата».*

«Инклюзивными», то есть побуждающими к совместному действию, могут быть и другие семантико-прагматические подтипы побуждения, например, команда («Остановились!»), уговаривание («Ну давайте пойдем все вместе в кино!»), предостережение («Нам не стоит туда соваться») и т.д.

(3) *«Предупреждение – косвенное побуждение, которое указывает на существующую опасность или на возможные неблагоприятные последствия какого-либо действия для адресата»*

Большинство семантико-прагматических подтипов побуждения могут выражаться как в рамках прямого, так и косвенного побуждения (в терминологии Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990), как прямых так и косвенных речевых актов (в терминологии языковой прагматики и теории речевых актов).

«Не пейте сырой воды!» - предупреждение, выраженное прямым речевым актом / в рамках прямой императивности.

(4) *«Требование - вид прескриптива, основанный на нежелании адресата выполнить указанное действие»*

Требование не может быть «прескриптивом», потому что не соответствует определению прескриптива, данному автором статьи («Прескриптивы – директивы, предписывающие действия адресата, в которых его подчинённое положение даёт говорящему право на побуждение

адресата к действию»). В случае с требованием уйти в отставку о каком подчинённом положении адресата (большого начальника по отношению к человеку на плакате, где написано это требование) может идти речь? «Требование», если пользоваться терминологией автора статьи, – разновидность не «прескриптива», а «реквестива», о чем свидетельствует и его внутренняя форма (глагол **require** и в латинском, и в английском языках значит «требовать»), и его семантико-прагматические характеристики (ср. *Апресян Ю.Д.* Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. – С. 11-23.)

(5) *«В приглашении сочетаются признаки реквестивов и суггестивов: действие является одновременно желаемым для говорящего и приятным или полезным для адресата».*

Приглашение действительно является гибридным речевым актом, однако оно совмещает признаки не «реквестивов и суггестивов» (и те, и другие – директивы), а признаки директива (побуждение к действию) и комиссива (взятие на себя обязательства). Когда вы приглашаете кого-то в гости, вы не только побуждаете собеседника, чтобы он пришел к вам в гости, но и (имплицитно) обязуетесь быть дома и открыть ему дверь. Что же касается ситуации, когда *«действие является одновременно желаемым для говорящего и приятным или полезным для адресата»*, то эта ситуация инклюзивного совета в большинстве его возможных вариантов.

Из текста статьи неясно, принадлежит ли вариант иллюкутивного структурирования (в терминологии автора статьи «содержательного объема») побудительной модальности самому автору статьи, либо кому-то еще, однако в любом случае этот вариант должен быть более убедительным. Представленный же в статье вариант 1) внутренне противоречив (см. выше); 2) не включает в себя огромного количества подтипов побуждения (команда, повеление, распоряжение, заповедь, наказ, заказ, указание, директива и многое другое), 3) механически экстраполирует варианты побуждения одного языка на другой, а ведь в разных языковых картинах мира и побудительная модальность иллюкутивно структурируется неодинаково. Английскому *cheese* может соответствовать и «сыр», и «творог», и «брынза» (то, что в русской языковой картине мира – разные продукты, в английской разновидности одного продукта). Точно так же и в случае с подтипами побуждения нельзя механически подставлять из словаря переводы тех или иных слов (ср. Изотов А.И. Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №11. - С. 78-83.).

Кроме того, в статье много неточностей и неудачных формулировок, которые желательно исправить, например:

(1) Упоминается «метод сплошной выборки из Библии», однако не уточняется, какие именно книги Библии привлекались. Напомним, что православные и католические наборы текстов Библии отличаются и друг от друга, и от тех или иных протестантских наборов (от 66 книг до 81 книги), причем всё они отличаются от еврейской Библии (24 книги).

(2) Не указано также, на материале каких переводов (русских и английских) проводилось исследование, тем более что первые же приводимые цитаты («Помни день Господень», «Почитай отца своего и матерь твою») не соответствуют ни Синодальному, ни другому из известных русских переводов (в Синодальном переводе в Исход 20: *Помни день субботний, чтобы святить его; Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе; во Втор.5: *Помни день субботний, чтобы святить его; Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе).**

Не соответствуют Синодальному переводу абсолютное большинство приводимых автором статьи русских текстов, например «Я Господь Бог твой. Да не будет у тебя других богов, кроме меня» (в Синодальном переводе в Исход 20: *Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим*; во Втор.5: *Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим*), «Я есть Альфа и Омега, начало и конец, - говорит Господь» (в Синодальном переводе в Откр.21:6: *И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой), Ищите и обряцете (в Синодальном переводе в Матф.7:6: *Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам*; в Лука 11:9: *И я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте, стучите, и отворят вам*) [раз уж в названии статьи указан русский («русскоязычный»), а не церковнославянский перевод библейских идиом, то и приводить переводы надо по-русски, а не по-церковнославянски; а был бы там церковнославянский, нужна была бы и диакритика, и юсы с омегами – и́щите, и ѿвѣра́цете]; «Кесарю Кесарево, а Боже Богу» (в Синодальном переводе в Матф.22:21: *Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю [слова в обратной последовательности и оба с маленькой буквы!!], а Божие Богу*; в Марк 12:17: *Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*; в Лука 20:25: *Он сказал им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*); «Man doesn't live by bread only. (Deut 8:3) – Не хлебом единым жив человек» (в Синодальном переводе в Втор.8:3: *... дабы**

показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек); «Can the leopard change his spots? (Jerem 13:29) – Горбатого могила исправит» (в Синодальном переводе в Иер.13:23 (!): Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою, а барс – пятна свои?); «The Lord gave, the Lord has taken away. (Job 1:21) – Бог дал, Бог взял» (в Синодальном переводе в Иов 1:21: Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно!).

Русский текст "И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле" соответствует 28-му стиху книги Бытия, а не 22-му, как пишет автор (в 22-м тоже есть повеление «плодиться и размножаться», но только обращено оно там не к людям).

(3) Вопреки утверждению автора статьи (*Любой жанровый образец религиозного дискурса содержит призыв и побуждает верующих следовать основным религиозным канонам, действовать согласно основным моральным принципам, заложенным в Священном Писании*), далеко не все из библейских текстов дидактичны (ср., например, Песню Песней Соломона). Библия неоднородна, кроме Второзакония, где речь идет о прямо «предписывающих» или «запрещающих» пассажах, есть и тексты других жанров.

(4) Нельзя согласиться в утверждении, что «Практически все понятия, которые относятся к разряду ценностей, имеют свою абсолютную противоположность – «антиценность»: добро – зло, истина – ложь, жизнь – смерть, земное – божественное». Содержащиеся в Законе 613 заповедей находятся в состоянии сложной взаимоподчиненности и сама их иерархичность – предмет споров (Закон по определению содержит предписания на все случаи жизни древнего иудея, а в реальной жизни человек часто оказывается в ситуации выбора, когда выполнение одного предписания влечет за собой нарушение другого и наоборот). Поэтому и Иисуса спрашивали о приоритете заповедей, ср.:

28Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? 29Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; 30и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всю душу твою, и всем разумением твоим, и всю крепость твою, — вот первая заповедь! 31Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет. 32Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; 33и любить Его всем сердцем и всем умом, и всю душу, и всю крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. 34Иисус, видя,

что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его (Марк 12:28-34)

Отметим, что талмудист и кодификатор законов Торы Маймонид (Моисей Египетский), в отличие от Иисуса, помещает заповедь *Любить ближнего, как самого себя* лишь на 206 место среди «предписывающих заповедей».

(5) Библия формирует не «общечеловеческие», а иудео-христианские ценности. Многие из пропагандируемых на Западе «общечеловеческих ценностей» противоречат библейским заповедям, ср. рассуждения Обамы по поводу решения Верховного Суда США, узаконившего гомосексуальные браки на всей территории страны, и заповедь «Не ложись с женщиною, как с женщиною, это мерзость» (Левит 18:22), цит. по Синодальному переводу.

Суммируя сказанное, полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к печати после исправления отмеченных выше недоработок.

О РЕЛИГИОЗНОМ / ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ⁸

Понятие церковно-религиозного функционального стиля заняло прочное место в отечественной русистике. Речь идет не только о множестве посвященных соответствующей проблематике публикаций, среди которых немало и диссертационных исследований [Бугаева 2010; Гольберг 2002; Звездин 2012; Ицкович 2016; Расторгуева 2005; Худякова 2009]. Церковно-религиозному стилю посвящен отдельный параграф в популярном и регулярно переиздаваемом учебнике по русской стилистике [Кожина, Дускаева, Салимовский 2016: 412-432], а также отдельные статьи в популярных справочниках [Стилистический... 2006; Эффективное... 2014], находящихся в свободном доступе в Сети и тем самым являющихся источником многократного копирования авторами всевозможных образовательных сайтов, а уже оттуда – пишущими рефераты, курсовые и дипломные работы студентами, что переводит данный феномен в разряд общеизвестного знания.

Тем не менее до сих пор нет единого мнения даже по поводу наименования данного функционального стиля, хотя некоторые тенден-

---

⁸ *Изотов А.И.* Об обоснованности вычленения церковно-религиозного функционального стиля в русистике и религиозного функционального стиля в богемистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 100-103.

ции всё же прослеживаются. Наиболее употребительным, судя по всему, является введенный в массовый обиход М. Н. Кожинной, О. А. Крыловой и Л. П. Крысиным в названных выше сочинениях [Кожина, Дускаева, Салимовский 2016; Стилистический... 2003; Эффективное... 2014] термин «церковно-религиозный стиль» [Гречаная 2016; Звездин 2012; Крылова 2000; Листрова-Правда, Расторгуева 2006; Мишланов, Худякова 2008; Николаева 2008], который представляется более удачным с точки зрения внутренней формы, чем сопоставимый с ним по употребительности термин «религиозный стиль» [Велижанина, Филатова 2015; Ицкович 2016; Павловская, Трошева 2014; Прохвятилова 2006; Щукина, Михеенко 2008], так как сужает декларируемую сферу его функционирования, исключая нехристианские религии (κυριακόν – это не просто религиозное сообщество, но религиозное сообщество христиан). Термин «религиозно-проповеднический стиль», заявленный было как синоним термина «церковно-религиозный стиль» [Эффективное... 2014] и представленный в некоторых старших, однако регулярно цитируемых работах [Гольберг 2002; Крысин 1996], сужает функциональную сферу термина до объема речевого жанра [Расторгуева 2005; Худякова 2009; Щукина 2008]. Употребления терминов «богослужебный стиль» и «конфессиональный стиль», заявленных в работе [Велижанина, Филатова 2013: 426] в качестве синонимичных названным выше (церковно-религиозный стиль, религиозный стиль, религиозно-проповеднический стиль), применительно к русскому материалу нам обнаружить не удалось. Не удалось нам обнаружить и примеров употребления в данном контексте огласовки «религиозно-культурный функциональный стиль», которую называет в числе синонимичных терминов О.А. Крылова [Стилистический... 2003].

Что же касается наполнения термина «церковно-религиозный функциональный стиль», то здесь ситуация, к сожалению, еще дальше от идеальной. Мы категорически не согласны с определением, предлагаемым Л.П. Крысиным:

«ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ, или РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ, – один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Обслуживает церковно-религиозную сферу. Близок к Публицистическому стилю (см.), т.к. в нём язык используется в своей агитационной функции: проповедуя слово Божие, священники стремятся воздействовать на сознание слушателей и убеждать их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни» [Эффективное... 2014: 732-733].

Во-первых, непонятно, почему монополия на использование данного стиля предоставлена «священникам»? Разве данный стиль запрещен

для дьякона? для епископа? для академика РАН Сергея Сергеевича Аверинцева, который священником никогда не был?

Во-вторых, что такое «непреложные религиозные истины»? Это некие общеизвестные среди представителей данной конфессии утверждения, то есть «религиозные» аналоги «светских» сентенций типа «Волга впадает в Каспийское море»? Или же речь идет о религиозной догматике, то есть об утвержденных церковью положениях вероучения, объявленных обязательной и неизменяемой истиной и не подлежащих критике? Первое предположение оскорбительно для слушателей, поскольку исходит из предположения об их умственной неполноценности, второе – для проповедника, перепутавшего проповедь с лекцией для семинаристов. И на проповеди, и на исповеди священник не сообщает некие «непреложные религиозные истины», а рассуждает о них.

О.А. Крылова предлагает более корректное определение: «Церковно-религиозный стиль – функциональная разновидность совр. рус. лит. языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания» [Стилистический... 2003: 612]. Тем не менее трудно удержаться от напоминания, что кроме православных и в Москве, и на Руси немало русскоязычных католиков и протестантов, у которых тоже есть и «сфера церковно-религиозной общественной деятельности», и «религиозная форма общественного сознания». Значит ли это, что обсуждаемый церковно-религиозный функциональный стиль является общим и для православных, и для католиков, и для протестантов (причем самых разных деноминаций)?

Поскольку при несовпадении взглядов на сущность того или иного понятия при прочих равных условиях приоритет принадлежит, как мы полагаем, изобретателю этого понятия, мы решили обратиться к истокам самой теории функциональных стилей, а именно к работам Б. Гавранека и других основателей Пражского лингвистического кружка, предложивших разграничивать в рамках этнического языка так называемые «функциональные языки» (*funkční jazyky*) в зависимости от сфер их использования, а именно *hovorový* (*konverzační*) ‘≈ разговорный’, *pracovní* (*věcný*) ‘≈ профессионально-деловой’, *vědecký* ‘научный’, *básnický* ‘художественный’ [Havránek 1932]. Эти «функциональные языки» легли в основу, после добавления публицистического стиля и объединения «научного» и «профессионально-делового» в единый «специальный функциональный стиль», классической чешской четырехкомпонентной классификации, успешно используемой по сей день (например, при стилистической разметке 3,626-миллиардного подкорпуса современных письменных текстов *SYN* (*verze 4*) в составе Чешского национального корпуса [Изотов 2013(b)]. Этому ничуть не мешает

появление в [Příruční... 1996: 725] более подробной «Таблицы функциональных стилей», включающей 12 компонентов с возможностью дальнейшего членения (когда появляется, в частности, также и «религиозный функциональный стиль» (náboženský), который, в соответствии с соответствующей статьей [Encyklopedický 2002: 450], может, в свою очередь, подразделяться на «проповеднический» (kazatelský), «богослужебный», *он же* «литургический», *он же* «обрядовый» (bohoslužební/liturgický/obřadní), «молитвенный» (styl molíteb) и т.д.). В этой же статье отмечается возможность использования в составе «религиозного» стиля, в зависимости от традиций того или иного религиозного объединения, так называемых агиолектов (hagiolekt = lingua sacra), например древнееврейского, латыни, церковнославянского. При этом возможность сосуществования и краткой, и подробной (в различных вариантах) классификаций объясняется, в частности, выбором адекватной целям описания степени обобщения материала.

Основываясь на сказанном, мы полагаем вполне обоснованным вычленение в рамках русского этнического языка «церковно-религиозного функционального стиля» как особого «функционального языка», используемого клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации. Яркой особенностью данного стиля является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта, причем степень этой инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может доходить до 100%, что выглядит как полное вытеснение русского языка языком церковнославянским (речь идет не только о лексике и графике, но также о морфологии и синтаксисе). В рамках же чешского этнического языка вычленение особого «религиозного функционального стиля» на аналогичном уровне обобщения не представляется обоснованным, так как в сакральном дискурсе чехами сегодня используется в принципе тот же чешский литературный язык, что и в ряде дискурсов несакральных.

СТИЛИСТИКА УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА⁹

Новаторский характер рецензируемой коллективной монографии обусловлен целым рядом обстоятельств.

---

⁹ *Изотов А.И.* [рец на:] J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. *Stylistika mluvené a psané češtiny*. Praha: Academia, 2016. 528 s. // *Славяноведение*. 2018. № 3. С. 119-120.

Во-первых, она посвящена рассмотрению феномена, способного возникнуть лишь на современном уровне развития языка и технологий – мы имеем в виду прежде всего интернет-коммуникацию и связанное с ней размывание границ между устным и письменным дискурсом, а также появление доступных для анализа электронных корпусов устных и письменных текстов, объем которых сопоставим с количеством слов, воспринимаемых или/и воспроизводимых образованным носителем языка в течение всей его жизни (нетрудно подсчитать, что для того, чтобы просто озвучить тексты входящего в состав Чешского национального корпуса 3,836-миллиардного подкорпуса SYN verze 5, читая по 16 часов в день без выходных и праздничных дней, понадобится более 70 лет). Не случайно в качестве источника фактического материала авторами монографии используются исключительно современные чешские устные и письменные тексты (не старше двух десятилетий).

Во-вторых, дихотомия «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) – «обиходно-разговорный чешский язык» (*obecná čeština*), еще недавно занимавшая столь существенное место в богемистических и сопоставительно-типологических исследованиях (см. [Нещименко 2003: 12]), в рецензируемой монографии уходит даже не на второй, а на третий план, на переднем же плане оказывается противопоставление «устный чешский» (*mluvená čeština*) – «письменный чешский» (*psaná čeština*). Это закономерно связано с основным источником фактического материала исследования – электронными корпусами, среди которых есть корпуса устных и письменных чешских текстов, но нет корпусов «литературного чешского языка» и корпусов «обиходно-разговорного чешского языка». Подчеркнем, что в то время как русское просторечие (с которым «обиходно-разговорный чешский язык» иногда соотносится, см. [Бельчиков 1990: 402]) ограничено, как правило, устной коммуникацией, и его фиксация в письменном тексте – нечто исключительное, использование обиходно-разговорной лексики в современном чешском письменном тексте – вещь весьма обычная, ср. [Изотов 2014с], где на основе материала корпусов современных **письменных** чешских текстов документировано употребление 537 имеющих однословное соответствие в литературном чешском языке однословных же единиц обиходно-разговорного чешского, причем у 165 подобных единиц количество документированных контекстов употребления превышает 1000, у 32 единиц – 10 000, а у 7 единиц – 100 000.

В-третьих, авторы монографии отказываются от использования понятий «функциональных стилей», восходящих к «функциональным языкам» Б. Гавранека [Havránek 1932] (*jazyk hovorový / konverzační* ‘язык разговорный/коллоквиальный’ для функции общения, *jazyk pracovní/věsný* ‘язык рабочий/деловой’ для функции «практического сооб-

щения», *jazyk vědecký* ‘язык научный’ для функции «теоретического сообщения», *jazyk básnický* ‘язык поэтический’ для функции эстетического воздействия) и долгое время выступавшими в роли своего рода визитной карточки чешской функциональной стилистики, оперируя понятиями «коммуникативных сфер». Именно анализу наиболее значимых, по мнению авторов монографии, «коммуникативных сфер» современного чешского устного и письменного дискурса посвящены главы монографии со второй по восьмую. Сфера повседневной коммуникации (*sféra běžné každodenní komunikace*) проанализирована Я. Гоффманновой (Jana Hoffmannová) и Л. Ёилковой (Lucie Jílková), сфера институциональной коммуникации (*sféra institucionální komunikace*) – Ё. Гомолачем (Jiří Homoláč) и К. Мразковой (Kamila Mrázková), сфера специальной коммуникации – П. Кадеркой (Petr Kaderka), сфера учебной коммуникации (*sféra školní komunikace*) – Э. Хваловской (Eliška Chvalovská), сфера медиальной коммуникации (*sféra mediální komunikace*) – П. Марешом (Petr Mareš) и П. Кадеркой (Petr Kaderka), сфера рекламной коммуникации (*sféra reklamní komunikace*) – К. Мразковой (Kamila Mrázková), сфера литературной коммуникации (*sféra literární komunikace*) – Я. Гоффманнова (Jana Hoffmannová).

При этом монография действительно продолжает, как подчеркивают авторы, традиции чешской функциональной стилистики, и дело не только в том, что они используют ключевое для современной чешской лингвистики (и необычное для лингвистики отечественной) понимание стиля как «способа сознательного отбора и организации языковых средств, осуществляющегося при порождении текста» [Stylistika 1997: 9], а рассматриваемые ими «коммуникативные сферы» очевидным образом соотносятся с расширенным списком функциональных стилей в [Příruční... 1996] и [Encyklopedický... 2002]. Каждая из исследовательских глав начинается с критического обзора работ, относящихся к проблематике данной главы, далее характеризуются стилеобразующие факторы, релевантные для данной коммуникативной сферы, после чего следует скрупулезный анализ образцов письменных и устных текстов, занимающих существенную часть объема публикации.

Текст монографии прекрасно структурирован, что существенно облегчает ориентацию в книге – идет сплошная нумерация арабскими цифрами глав, разделов, подразделов, пунктов и подпунктов, ср. подпункт 6.1.3.4.1 *Automatizace a aktualizace* на с. 269.

Графическое приложение к монографии содержит 25 цветных иллюстраций (аудиовизуальная и стендовая реклама, обложки книг и журналов, бумажные и электронные письма и т.д.).

Не являясь результатом абстрактных рассуждений по поводу уже известных фактов, не будучи и нормативным руководством по стили-

стике для массового читателя, рецензируемая монография вводит в научный обиход огромную порцию нового и ценнейшего материала, самым добротным способом обработанного.

Подводя итог, горячо рекомендуем данное издание всем богемистам, а также всем специалистам по функциональной стилистике.

ЧЕШСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ИДИОМАТИКА¹⁰

Публикация рецензируемого ономазиологического словаря чешской идиоматики и фразеологии – очередное крупное достижение чешской корпусно-ориентированной лингвистики, ставшее возможным благодаря разрабатываемому с 1994 года в Карловом университете Чешскому национальному корпусу, который сегодня бесспорно принадлежит к числу наиболее успешных проектов подобного типа в мире.

Уже в 2000 году для всех заинтересованных лиц был открыт бесплатный онлайн-доступ к его первому крупному подкорпусу – референтному репрезентативному стомиллионному SYN2000, образованному современными письменными чешскими текстами. При этом, в отличие от Национального корпуса русского языка, который изначально был, по выражению одного из его создателей академика РАН В.А. Плунгяна, «литературоцентричным» [Плунгян 2005], доля художественных текстов в Чешском национальном корпусе была и остается принципиально иной. Составители SYN2000 исходили из того, что письменный текст не только **отражает** языковую действительность, но и **формирует** её, звуча в сознании читателя всякий раз, когда им прочитывается (вслух или про себя), и тем самым непосредственно влияет на идиолект данного читателя, а через этот идиолект – и на прочие соответствующие идиомы национального языка. Поэтому, опираясь на результаты специально проведенных социологических исследований, они включили в SYN2000 то, что граждане Чешской республики читали чаще всего в последнее десятилетие XX века. В результате 60% всего SYN2000 составляют газетные тексты, 25% – тексты всевозможных справочников, и только 15% – тексты художественные, причем не только оригинальные, но и переводные, а также тексты, написанные и изданные до 1990 года, если они продолжают пользоваться у современно-го чешского читателя популярностью.

---

¹⁰ *Иотов А.И.* [рец. на:] Fr. Čermák, J. Holub. Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. Praha: LEDA, 2016. 528 s. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 5. С. 276-283.

В настоящее время в серию современных письменных текстов SYN входят также три стомиллионных референтных репрезентативных корпуса с иным процентным соотношением публицистических, специальных и художественных текстов (SYN2005, SYN2010, SYN2015), а также три референтных корпуса публицистических текстов (трехсотмиллионный SYN2006PUB, семисотмиллионный SYN2009PUB и девятисотмиллионный SYN2013PUB). Поскольку тексты, входящие в названные корпуса, не совпадают, возможно их объединение в один общий корпус с совокупным объемом **более 4 миллиардов** токенов. Все эти корпуса размечены, поэтому поиск в них возможен по словоформе, по лексеме, по грамматической матрице, а также по любой их возможной комбинации. Предусмотрена также возможность объединения в один любой комбинации названных подкорпусов, а также возможность формирования собственных корпусов из текстов, в данные подкорпусы входящих.

Кроме серии SYN, в состав Чешского национального корпуса входит еще два десятка подкорпусов, из которых половина – подкорпусы устной речи, например, Пражский разговорный (под)корпус, Брненский разговорный (под)корпус, (под)корпус публичных выступлений 14-ти чешских президентов от Эдуарда Бенеша до Милоша Земана, (под)корпус записи школьных уроков и т.д. В «письменной» же части Чешского национального корпуса нашлось место в том числе и для (под)корпусов квалификационных работ студентов-иностранцев или же школьных сочинений, написанных детьми представителей национальных меньшинств и детьми мигрантов.

Поэтому неудивительно, что корпусный материал используется современными богемистами самым активным образом. На ресурсе <https://www.korpus.cz/biblio> мы находим библиографические данные более двух тысяч научных публикаций, материалом для которых послужил Чешский национальный корпус, и этот список ежедневно пополняется. Именно на корпусном материале была подготовлена новая «Академическая грамматика литературного чешского языка» [Štícha 2013] (в настоящее время составляется её расширенный вариант в четырех томах), а также два тома «Грамматики современного чешского языка» [Svřček 2010], [Panevová 2014], «Новый энциклопедический словарь чешского языка» [Nový 2016], новаторская «Стилистика устного и письменного чешского языка» [Hoffmannová 2016], а также четвёртый том монументального «Словаря чешской фразеологии и идиоматики» [Slovník 2009d], посвященный предикативным фразеологическим единицам и включающий в себя 4 910 словарных статей. При этом опубликованные еще в «докорпусную эпоху» (в 1983, 1988 и 1994 годах соответственно) первые три тома «Словаря...» были капитальным образом переработаны и дополнены в соответствии с новыми корпусными дан-

ными и в соответствии с унифицированной методикой обработки материала, см. [Slovník 2009a] (фразеологические единицы, в основе которых лежит сравнение – 1 031 словарная статья), [Slovník 2009b] (неглагольные фразеологические единицы – 1 460 словарных статей), [Slovník 2009c] (глагольные фразеологические единицы – 3 765 словарных статей).

В пятом томе «Словаря...» [Slovník 2016] предпринята удачная попытка систематизации материала 11 166 словарных статей первых четырех томов в соответствии с ономаσιологическим принципом, что позволяет читателю ориентироваться во всём массиве чешской фразеологии и идиоматики. При составлении словника этого пятого тома учитывалась частотность употреблений тех или иных фразеологизмов в метаязыке томов предыдущих (при игнорировании употреблений неполнозначных слов, а также глагольно-именных «квазифразем» типа *věnovat pozornost* ‘уделять внимание’), образующая континуум от самой частотной лексемы *být* ‘быть’ (6 754 употребления) до гапаксов типа *kazajka* ‘смирительная рубашка’. Наиболее частотными (от 6754 до 215 употреблений по нисходящей) оказались следующие 20 лексем: *být* ‘быть’, *mit* ‘иметь’, *u/dělat* ‘(с)делать’, *dát* ‘дать’, *dostat* ‘получить’, *stát* ‘стоять’, *dobře* ‘хорошо’, *moc* ‘очень’, *život* ‘жизнь’, *chodit* ‘ходить’, *mluvit* ‘говорить’, *dobrý* ‘хороший’, *vzít* ‘взять’, *nechat* ‘оставить’, *čas* ‘время’, *slovo* ‘слово’, *člověk* ‘человек’, *peníze* ‘деньги’, *přijít* ‘прийти’, *den* ‘день’.

Словарные статьи пятого тома расположены в алфавитном порядке. Поскольку в рамках одной статьи может происходить и, как правило, происходит объединение материалов сразу нескольких предыдущих томов, используются пометы, указывающие на источники этого материала и эксплицитно обозначающие тем самым функциональный потенциал фраземы. Речь идет о пометах **ŘIROV** ■ – первый том (фразеологические единицы, в основе которых лежит сравнение); **NESLOVES** ■ – второй том (неглагольные фразеологические единицы); **SLOVES** ■ – третий том (глагольные фразеологические единицы); **VĚTNÉ** ■ – четвертый том (предикативные фразеологические единицы).

Заглавие словарной статьи может быть однословным, ср. в приводимом далее примере набранное полужирным шрифтом заглавное слово **bojovat**, материал к которому взят и из первого тома (текст за пометой **ŘIROV** ■), и из третьего (текст за пометой **SLOVES** ■). Когда же однословное заглавие оказывается недостаточным, то указываются и возможные частные значения, а замещаемое тильдой (~) заглавное слово дополняется набранным таким же полужирным шрифтом расширением, сама же приводимая далее фраза выделена маркером списка (•). У

имеющих антонимы заглавных слов эти антонимы приводятся в скобках курсивом после знака умножения (×).

На страницах 11-13 пятого тома словаря приводится образец словарной статьи, наглядно иллюстрирующий сказанное (наш перевод на русский язык чешских фрагментов дается в квадратных скобках и в марровских кавычках), ср.:

NESLOVES ■ **boj** [‘бой; битва; схватка; сражение’], **válka** [‘война’], **zápas** [‘бой; состязание’] viz *těž spor, vojenství* [‘см. также спор, военное дело’] • **boj** na bodáky [‘штыковой бой’], **boj** o bytí a nebytí [букв. ‘битва о существование и несуществование’], **boj** na dvou frontách / na dvě fronty [‘война на два фронта’], **boj** muže proti muži [‘рукопашная битва’], **boj** na nůž [‘ножевой бой’], **boj** na život a na smrt [‘битва не на жизнь, а на смерть’], **válečná** vřava [‘военная суматоха’], **boj** o (holé) přežití [‘борьба за (само) существование’], **bratrovražedný boj** [‘братоубийственная война’], **lítěj boj** [‘лютая битва’], **nerovný boj** [‘неравный бой’], **válečný buben** [‘барабан войны’], **krvavá daň** [‘кровавая дань’], **druhá fronta** [‘второй фронт’], **válečná jatka** [букв. ‘военная бойня’], **válečné jatky** [букв. ‘военная бойня’], **kdo s koho** [‘кто кого’], **válečná konflagrace** [‘пожар войны’], **krví a železem** [букв. ‘кровью и железом’], **krvavá lázeň** [‘кровавая баня’], **válečná mračna** [букв. ‘военные тучи’], **na ostří nože** [букв. ‘на острие ножа’], **krvavá oběť** [‘кровавая жертва’], **křížová palba** [‘перекрестный огонь’], **světový požár** [‘мировой пожар’], **příznak války** [‘признак войны’], **válečný stroj** [‘военная машина’], **válečná mašinérie** [‘военная машинерия’], **válečné šílenství** [‘военное безумие’], **křížové / křížácké tažení** [‘крестовый поход’], **křížová / křížácká válka / výprava** [‘крестовый поход’], **válečná trouba** [‘военный горн’], **frontální útok** [‘фронтальная атака’], **blesková válka** [‘блицкриг’], **zákon džungle** [‘закон джунглей’], **zákon smečky** [букв. ‘закон стаи’], **vlčí zákon** [букв. ‘волчий закон’], **závod ve zbrojení** [‘гонка вооружений’], **se zbraní v ruce** [‘с оружием в руках’], **země nikoho** [‘межфронтальная полоса’], **po zuby ozbrojený** [‘вооруженный до зубов’], **neznámý bojovník / voják** [‘неизвестный солдат’], **válečný mrzák** [‘инвалид войны’], **potrava pro děla** [‘пушечное мясо’]

РЪІROV ■ **bojovat** [‘воевать, сражаться’]

• **bojovat** jak lev, jako muž [‘сражаться как лев, как мужчина’]

SLOVES ■ **bojovat** [‘воевать, сражаться’] (× *být pasivní, vzdát se* [‘быть пассивным, сдать’]) viz *těž bránit se* [‘см. также защищаться, обороняться’] • **pracovat polem** [букв. ‘работать полем’], **být** na válečné stezce (s někým) [букв. ‘быть на военной тропе (с кем-либо)’] ~ **proti něčemu** [‘против чего-либо’] • **nechat to (jen)** [букв. ‘не оставить это (просто) так’] ♦ ~ **o existenci** [‘о существовании’] • **bojovat o bytí a nebytí (něčeho)** [букв. ‘бороться за существование и несуществование (чего-

либо’), hájit / uhájit (si) svou existenci [‘защищать/защитить свое существование’], sotva se držet nad vodou [‘едва держаться на поверхности’] ♦ ~ **za ideál něčeho** [‘за идеалы чего-либо’] • bojovat pod praporem něčeho [‘биться под флагом чего-либо’] ♦ ~ **za ideál společný** [‘за общие идеалы’] • hájit čest praporu [‘отстаивать честь мундира’] • ~ **do konce** [‘до конца’] • bojovat / bránit se do posledního dechu / muže [‘биться до последнего вздоха/человека’], bojovat do poslední kapky krve [‘биться до последней капли крови’], draho / draze prodat svou kůži [букв. ‘дорого продать свою кожу’], prodat svůj život draze [‘дорого продать свою жизнь’], bojovat (s někým) na život a na smrt [‘биться (с кем-либо) не на жизнь, а на смерть’] ♦ ~ **za svůj názor** [‘за свою точку зрения’] • bojovat za své přesvědčení [‘бороться за свои убеждения’] ♦ ~ **proti nepříteli** [‘против кого-либо’] • bojovat s ďáblem [букв. ‘бороться с дьяволом’] ♦ ~ **proti pomluvě** [‘против клеветы’] • hájit svou / něčí čest [‘отстаивать свою честь’] ♦ ~ **s problémy** [‘с проблемами’] • zápasit s obtížemi [‘бороться с трудностями’] ♦ ~ **s překážkami** [‘с препятствиями’] • klestit si cestu (mezi) něčím / někudy [‘прокладывать свой путь куда-либо’] ♦ ~ **s vývojem nepříznivým** [‘с неблагоприятным развитием’] • rvát se / porvat se s osudem [‘бороться с судьбой’], jít / plout proti proudu / větru [‘идти/плыть против течения’], čurat / chcát proti větru [букв. ‘мочиться / писать против ветра’] ♦ ~ **se zlem** [‘со злом’] • odporovat zlému [‘противиться злу’] ♦ ~ **čestně** [‘честно’] • bojovat s otevřením hledím [‘биться с поднятием забралом’] ♦ ~ **krvavě** [‘кроваво’] • skropit zem krví [‘оросить землю кровью’], brodit se v krvi [‘бродить по колено в крови’] ♦ ~ **nezištně** [‘бескорыстно’] • bojovat pro / za čest a slávu (něčeho) [‘биться во славу чего-либо’] ♦ ~ **otevřeně** [‘открыто’] • jít čelem proti něčemu / někomu [букв. ‘идти в лоб против чего-либо/кого-либо’] ♦ ~ **společně** [‘совместно’] viz též podporovat [‘см. также поддерживать’] • bojovat někomu po boku / s někým bok po boku [‘биться бок о бок к кем-либо’] ♦ ~ **usilovně** [‘с натугой’] • zoufale bojovat [‘отчаянно биться’], rozdávat rány (na všechny strany) [‘раздавать удары направо и налево’] ♦ ~ **proti dvěma** [‘против двух’] • bojovat na dvou frontách [‘сражаться на два фронта’]

VĚTNÉ ■ bojuj s krajností obdobně! [‘с крайностями борись соответственно’]

• Extremis malis extrema remedia. (Lat. Proti krajnímu zlu (je třeba volit) krajní prostředky [‘лат. Против абсолютного зла (следует использовать) крайние меры’].)

VĚTNÉ ■ bojuj statečně! [‘бейся мужественно!’]

• Nepřátel se nelekejme / nelekejte, na množství nehleďme/ nehleďte! [‘Не бойтесь/не будем бояться врагов, не смотрите/не будем смотреть на

их число!'] • Vzhůru na nepřítel! ['Вперед на врага!'] • Tužme se! ['Мужаемся!']

VĚTNÉ ■ **bojujte za svobodu úplnou!** ['боритесь за полную свободу']

• Raději žalář a okovy nežli svobodu otroka ['Лучше тюрьма и оковы, чем свобода раба'].

VĚTNÉ ■ **bojujte za vlast!** ['защищайте Родину']

• Poutnice, zvěstuj Lakedaimonským... ['Путник, передай спартамцам...'] • Dost v zemi železa na dobré meče [букв. 'В стране достаточно железа для хороших мечей'].

VĚTNÉ ■ **bojuj vynalézavě ne však nečestně!** ['борись изобретательно, но честно']

• Přeskoč, přelez, jenom nepodlez [букв. 'Перепрыгни или перелезь, но только не подползай'].

Рецензируемый словарь является уникальным в своем роде в плане широты охвата языкового материала, самым добротным способом обработанного, в связи с чем мы горячо рекомендуем его всем богемистам, а также всем специалистам по фразеологии.

О САМОУЧИТЕЛЕ ОПАВСКОГО ЯЗЫКА¹¹

В предисловии к рецензируемому учебнику его автор признается, что сам термин «опавский язык» (чешск. *opavština*) не входит в научный обиход и что речь идет об идиоме, известном в чешской диалектологии как «западная (опавская) группа силезско-моравских (= ляхских) говоров» [чешского языка. – *А.И.*], вполне способном, однако, рассматриваться в качестве микроязыка, носителями которого являются около 150 тысяч жителей окрестностей городов Опава (чешск. *Opava*, нем. *Troppau*) и Глучина (чешск. *Hlučín*, нем. *Hultschin*) в Чешской Силезии, а также некоторых прилегающих территорий.

На большей части Силезии (и прежде всего в Силезии Польской) этот идиом известен как «моравский язык» (*moravština*), в Моравии и в части Чешской Силезии – как «силезский язык» (*slezština*) или «пруссский язык» (*prajzština/prajsština*; аннексированная в 1742 году Фридрихом Великим часть Силезии получила у её жителей и их соседей название «прусская», в отличие от оставшейся в составе Священной Римской империи «имперской» части), в отечественной богемистике в последнее время популярен термин «североморавские» (= «силезские» = «ляхские») диалекты / говоры чешского языка, см., например, [Скорвид 2005: 234, 272-234]. Сами же носители данного идиома, как это часто и происходит с носителями микроязыка, полагают, что они говорят про-

¹¹ Изотов А.И. [рец.:] *V. Skalička. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. №3. С. 203-209.*

сто «по-нашему» (po našemu), ср. [Skalička 2017: 6], [Дуличенко 1993: 152].

Как выглядит фраза на «опавском языке» (opavština) на фоне изучаемого всеми гражданами Чешской республики в школе литературного чешского языка (spisovná čeština), а также экспансирующего за пределы территории собственно-чешских диалектов обиходно-разговорного чешского койне (obecná čeština), автор самоучителя иллюстрирует на с. 7 следующими примерами (порусски означающими одно и то же – ‘Поскольку эта тележка там мешала, я в неё врезался, слетел вниз и ушиб себе при этом локоть о старую бочку’):

[opavština:] Jak tam ten vuzek zavazal, tak sem doňho žduchnul, sletěl sem nadul a nachrapal sem se při tym loket o staru bečku.

[spisová čeština:] Jak tam ten vozík překážel, tak jsem do něho šťouchl, sletěl jsem dolů a natloukl jsem si při tom loket o starý sud.

[obecná čeština:] Jak tam ten vozejk překážel, tak sem do něho šťouchnul, sletěl sem dolu a natlouk sem si při tom loket vo starej sud.

Бесспорно являясь частью чешского языкового континуума, рассматриваемый идиом расположен где-то поблизости пересечения границ континуумов чешского, польского и моравско-словацкого (= «восточноморавского»). С польским ареалом его сближает (противопоставляя чешскому и моравско-словацкому ареалам), в частности, отсутствие фонологической долготы гласных и ударение на втором от конца (а не на первом от начала) слоге, с ареалом чешским – наличие <ř>, с ареалом моравско-словацким – мягкое окончание/суффикс инфинитива и т.д. Эту близость/удаленность идиомов автор самоучителя метафорически иллюстрирует на с. 9 перекрестком с указателем Opavské nářečí [чешск. ‘Опавские наречия’]: газон с одной стороны снабжен табличкой Česká oblast [чешск. ‘Чешский регион’], газон с другой – табличкой Okręg polski [пол. ‘Польский регион’], с третьей стороны – табличкой Slovenská oblast [словац. ‘Словацкий регион’], а стрелки в соответствующих направлениях сообщают: «Литературный чешский язык – 3 км», «Обиходно-разговорное чешское койне – 5 км», «Польский язык – 6 км», «Польско-силезские наречия – 4 км», «Валашские [северные восточно-моравские] наречия – 2 км», «Словацкий язык – 4 км» и предлагает два составленных им отрывка «на опавском языке», первый из которых звучит почти по-словацки, а второй – почти по-польски:

1. V zoológickej zahradě maju volny deň. Ružova opice a lemury môžu čítať encyklopediu a hryžt' šalat a kel. Navštevníci idu preč. Hroch hraje hry na mobile, idě spať do izby až něskoro rano. Další deň v paviloně vitaju cvičitěla. Ten ma šikovne ruky a robi kusky, jake ště eště něviděli <...>

2. Raz bylo pani Volne zle. Tajak by ju nožicama pchał v pucheřině. V tym tydnu něbyło u nich dochtora, tuž šla do svych děcek. Martin ju vzal na vože s koněm. <...>

При обращении к «опавским» текстам в глаза бросается также и обилие германизмов, вполне закономерное, учитывая многовековое сосуществование его носителей с немцами Силезии, а также политику германизации, которая в Пруссии проводилась гораздо более жестко, чем в относительно толерантной в языковом отношении Священной Римской империи, подробнее см. [Stříbrný 2010], ср. сценку на с. 52, в которой владелец дома соглашается с гостем, обратившим внимание на плачевное состояние крыши, и обещает всё починить; лексические германизмы выделены нами полужирным шрифтом:

Ja, maš recht. Rynštok a dekelfyra v luftě, mur bez pucu, dachpapa je durch a jakystyk kryšbaum už leze raus. Muj švigerfoter, un je taky bajstler, un ma na to vercajk a zycher aj ybryšny plech. Němusitě měť v šlafcimře vašpeky. Albo na ten dach přinaglujemy tepich a fertig!

Для записи «опавских» слов и текстов автор использует расширенный за счет графем ĺ, ś, ź, ȳ современный чешский алфавит, детально изложив на с. 13-17 правила чтения букв этого расширенного алфавита в трех основных группах говоров Чешской Силезии. Например, буква ʹ читается как мягкий [tʲ] в группе А (южная группа), как [č] в группе В (западная группа) и как [č] в группе С (восточная группа), буква ĺ обозначает твёрдый [l] в группе А и [ŭ] неслоговой в группах В и С, буква ř в группах А и В (а также части говоров группы С) имеет те же фонетические реализации, что и в литературном чешском языке, однако в некоторых говорах группы С может обозначать обычные [ž] или [š], что же касается буквы ȳ, то дистрибуция её фонетических реализаций проходит «поверх» названных трех групп – на большей части территории Чешской Силезии эта буква соответствует назальному [ɥ] или же сочетанию [um], на южной и на восточной периферии – обычному [u]. На обороте обложки автор разместил трехцветную (каждой из названных трёх групп говоров соответствует определенный цвет) карту региона и сводную таблицу произношения используемых им букв. Это позволило автору унифицировать графический облик регулярно привлекаемых им художественных и фольклорных текстов других авторов (при взгляде «со стороны» на говоры Чешской Силезии в глаза бросаются прежде всего их фонетические расхождения, различия же в словоизменении и синтаксисе менее заметны), а потенциальному читателю предоставило возможность изучать данный идиом в нужном для него (читателя) варианте произношения. В результате получился самоучитель не только заявленного в предисловии «опавского языка», но и «ляшского языка» в целом, в сферу которого входят также и записанные чешской графикой

тексты в Сети (ср., например, материалы в интернет-журнале <http://denik.ostravaka.cz/> или статьи известного блогера Ладислава Ветвички на <https://vetvicka.blog.idnes.cz/>), а также, что особенно важно, основывающаяся на верхне-остравских говорах Чешской Силезии поэзия номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970 года Ондры Лысогорского, «ляшский язык» которого А.Д. Дуличенко рассматривает как один из литературных микроязыков Славии, см. [Дуличенко 1993: 154, 158след.].

Самоучитель построен по образцу классических учебников близкородственного языка. Лексический и грамматический материал разбит на 12 уроков со сходной структурой. Каждый урок открывается учебным текстом и диалогом, снабженными «опавско»-чешским словариком, где представлены лексемы, отсутствующие в чешском языке либо расходящиеся с похоже звучащим чешским словом семантически или грамматически. После текста и диалога идет грамматический и лексический материал, подаваемый в последовательном сопоставлении с чешским языком (литературным и/или обиходно-разговорным).

Например, на с. 20 в параграфе «Чешско-моравские литературные дублеты» (*Česko-moravské spisovné dublety*) сообщается, что на территории Силезии могут активно употребляться лексемы, характерные для всего моравского региона (в состав которого входит и Чешская Силезия), в том числе и допустимые в чешском литературном языке («восточные» (моравские) дублеты «западных» (чешских в узком смысле) лексем, ср. **truhlář – stolař** ‘столяр’, **vesnice – dědina** ‘деревня’, **prkno – deska** ‘доска’, **borovice – sosna** ‘сосна’, **sud – bečka** ‘бочка’ и т.д. Автор дает сначала «чешский», а потом «моравский» вариант, специально это не оговаривая (поскольку носителю чешского языка, на которого и ориентирован самоучитель, это и так очевидно), зато отмечает случаи фонетических/графических особенностей «ляшской» версии «моравского» варианта, ср. **větev – haluz** (laš. *haluž*) ‘ветка’, **světnice – jizba** (laš. *izba*) ‘комната’, **čtyřka – čtverka** (laš. *štverka*) ‘четверка’ и т.д. Заметим, что очень часто, хотя и не всегда, «восточный» вариант оказывается ближе к соответствующей русской лексеме, чем «западный», ср. русск. *столяр, доска, сосна, бочка, изба, четверка*.

На с. 21 из рубрики «Говоря по-простому» (*Ausdruky od pyščiska*) мы узнаем, что «любимое словечко жителей Силезии – *fajny*», которое «употребляется чуть ли не в любом сочетании, обозначающем нечто хорошее, красивое или приятное», причем «употребляется еще чаще, чем несклоняемое *fajn* в обиходно-разговорном чешском», так что **fajna děvucha** – это ‘шикарная девчонка’ (чешск. *prima holka*), **fajny synek** – ‘отличный парень’ (чешск. *dobry kluk*), **fajny čas** – ‘хорошая погода’ (чешск. *pěkné počasí*), **fajna zabava** – ‘классная вечеруха’ (чешск. *bezva*

zábava), **fajne ponožky** – ‘удобные носки’ (чешск. příjemné ponožky), **fajný materiál** – ‘качественный материал’ (чешск. kvalitní materiál) и т.д.

В рубрике «Об именах и названиях» (O jménech a názvech) на той же странице отмечаются местные способы образования феминативов, например, Šnajder > Šnajderka (лит. чешск. Šnajderová), Jedlička > Jedliččena (лит. чешск. Jedličková), [Kreuzberger >] Krajcbergřena (лит. чешск. Kreuzbergerová) и т.д. Тут же читателя предупреждают, что подобные огласовки звучат фамильярно, а иногда и насмешливо, и рекомендуют при «вежливом» способе обращения использовать всё же литературную модель, а также отсылают к встречающимся на последующих страницах огласовках **Vuška** и **Klajnka** (первую даму мы находим на с. 26 в песне «Hrušku» [‘Груши’], где она была застигнута в соседском саду во время кражи, а вторую – под надписью **Řeznictví Kleipová** [‘Мясная лавка Клейновой’] в комиксе на с. 27 в роли владелицы соответствующего магазина).

В приводимых на с. 25 комментируемых словоизменительных парадигмах **roba** ‘жена, женщина’, **ruža** ‘роза’, **siň** ‘зал; сени’ выделены окончания, не совпадающие с окончаниями соотносительных слов и парадигм литературного чешского языка (тип *žena* ‘жена, женщина’, тип *ruže* ‘роза’, тип *piěseň* ‘песня’, по которому склоняется и слово *siň*).

На с. 32 в рубрике «Можно перепутать» (*Můžte se plést*) сообщается, что **židla** – это совсем не «стул» (в литературном чешском языке *židle*, в реплике приехавшего в Прагу моравского провинциала из фильма «*Vrchní, prchní*» – *židla*), а «сундук» (= чешск. *truhla*). Точно так же к «стулу» не имеет никакого отношения и **židlo** (= чешск. *pramen* ‘источник’, ср. чешскую же лексему *žídlo* с тем же значением, однако в 22 раза менее употребительную, чем лексема *pramen*, если верить нашему пилотному поиску в Чешском национальном корпусе); пример **Děvucha pije z čisteho židla** переводится автором на чешский как *Holka pije z čistého pramene* ‘Девчонка пьет из чистого источника’ и иллюстрируется цветной фотографией. «Стул» же «по-опавски» будет **stolek** или **malý stul**, а в случае с «ночным» стулом – **nachkasla**.

На последовательном сопоставлении с чешским языком строятся и упражнения (снабженные, как правило, ключом). Так, на с. 28 в упражнении 1 читатель тренируется произносить слова и словосочетания, содержащие **mě**, которое в «опавском» языке (в отличие от чешского литературного языка, а также большинства чешских диалектов) читается как [mje], в упражнении 2 – восстанавливает пропущенные (и не совпадающие с литературными) окончания существительных, в упражнении 4 – заменяет в приведенных словах пропущенный «чешский» дифтонг **ou** на «ляшский» краткий **u** (в истории чешского языка возникший в результате стяжения либо по какой-либо иной причине долгий [ū])

в собственно-чешских говорах в позиции после твёрдого согласного дифтонгизировался в [оц], а в ляхских говорах просто сократился – в любой позиции) и т.д.

Самоучитель богат иллюстрирован цветными рисунками и фотографиями, выполненными самим автором.

Во-первых, это своего рода «словарь в картинках» (до полусотни слов) в каждом уроке. Например, на с. 22-23 перед нами раскинулся сельский пейзаж, где на переднем крупном плане трубочист (подпись *kominař*) с каким-то мотком на плече (подпись *žčetka*) балансирует на крыше дома (подпись *dach*), за трубочистом виднеется огороженное каменной стеной (подпись *mur*) кладбище (подпись *krchov/krchovo*) с церквушкой (подписи *zakrystija*, *veža*, *baňa*), мимо кладбища вот-вот проедет тележка (подписи *hnojníca*), где-то вдали на пастбище (подпись *pastvísko*) пасутся коровы (подпись *jařuvky*) и т.д.

Во-вторых, это авторские комиксы в рубрике «Случаи с иностранцами в нашем городе» (*Minifřky s cuzincama v naším měště*) и его же картинки о злоключениях вымышленных персонажей, одного из которых автор называет *Pukeř*, потому что это «парнишка с шишкой на голове, торчащим шнобелем и заячьим прикусом» (*chłopek s bulč na hlavě, vystupřym šnupakem a zajičím předkusem*), а второго – *Paduř*, так как «однажды ему что-то свалилось на башку, вот у него там и вмятина» (*řaz mu cosyk spadřo na baňu, temu v ni ma řaduř*). Автор самоучителя утверждает, что именно Пукел разработал используемый в данной книге алфавит – «пуклицу» (*puřlica*), тогда как изобретенная Падулом на основе кириллицы «падолица» (*padolice*), которая приводится на с. 11 параллельно с «пуклицей», на последующих страницах не используется.

В-третьих, это картинки и фотографии к регулярно встречающимся на страницах книги мини-текстам страноведческого характера, к завершающей каждый урок рубрике «Из дневника» (*Napisane do zeřita*) или же просто к тем или иным грамматическим / лексическим фрагментам.

В восьми приложениях на с. 172-187 приводятся словоизменительные парадигмы рассматриваемого идиома, списки лексем, пишущихся и/или читающихся с отступлениями от общих правил, реестр топонимов, грамматический индекс, а также библиография, включающая 48 лингвистических и социолингвистических наименований (от классических работ А. Лампрехта середины прошлого столетия до изданий последних лет), 16 художественных изданий, а также 37 адресов интернет-ресурсов, использованных при написании самоучителя.

Подводя итоги, констатируем, что рецензируемое издание является поистине бесценной находкой для зарубежного богемиста, желающего ознакомиться с современным чешским языком во всей его полноте.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Филология // Большая советская энциклопедия. Т. 27. – М., 1977. – С. 410-412.
- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. 9-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 384 с.
- Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. К.А. Долинина. М., 1961. 394 с.
- Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания, 1961, № 1. С. 44-51.
- Бельчиков Ю. А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
- Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.
- Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2010. 48 с.
- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Изд. пятое. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 440 с.
- Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Вып. 1. М., 2003. С. 46-69.
- Веверкова К. Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790-1869) в водовороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Правова держава. Вып. 14. Одесса: Астропринт, 2012. С. 12-18.
- Велижанина А. О., Филатова В. В. К вопросу о статусе церковно-религиозной речи // Актуальные проблемы социальной коммуникации: мат-лы IV Всерос. научно-практ. конференции. Нижний Новгород, 2013. С. 425-428.
- Велижанина А. О., Филатова В. В. Проблема идентификации религиозного стиля // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2015. С. 146-153.
- Виноградов В.В. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Воронцова Т.А. Элементарная стилистика. Ижевск: Изд-во «Удмурдский университет», 2008. 130 с.
- Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. 462 с.

- Гольберг И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 157 с.
- Гречаная А. И. Церковно-религиозный стиль в системе стилей современного русского литературного языка // Эволюция современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Сукиасян. Пермь, 2016. С. 76-78.
- Губачек Я. О традиции изучения сленга в чешском языке // Вопросы языкознания. 1980. №2. С. 127-135.
- Длуги Д.А., Раевский Б.Г., Буравцева Н.Р. Чешско-русский. Русско-чешский словарь: около 40 000 слов и словосочетаний. М.: АСТ, 2007. 731 с.
- Дуличенко А.Д. Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 151-161.
- Живов В.М. Исторический очерк о церковнославянском языке // Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. - М.: РОПО «Древо добра», 2001. - С. 11-27.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск, 2011. – 161 с.
- Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2012. 20 с.
- Иванова Н.А. Побудительная модальность как механизм формирования общечеловеческих ценностей (на материале русскоязычного и англоязычного перевода библейских идиом // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. 2015. № 2. С. 133-139.
- Изотов, А.И. Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991. 21 с.
- Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: Филологический факультет МГУ, 1993. - 100 с.
- Изотов А.И. Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 2. С. 4-11.

- Изотов А. И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. (a)
- Изотов А.И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация. Вып 36. М. : МАКС Пресс, 2008. С. 64-69. (b)
- Изотов А.И. О новом «Большом чешско-русском словаре» // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (литературоведческий и лингвистический аспекты). Кострома, 2008. С. 492-503. (c)
- Изотов А.И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. - 200 с.
- Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. - М.: Дрофа, 2012. 1023 с. (a)
- Изотов А.И. Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2012. № 3. С. 99-107. (b)
- Изотов А.И. [рец. на:] Калита И.В. Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность. *Ústí nad Labem*, 2010. 300 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2013. № 3. С. 218-223. (a)
- Изотов А. И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-71. (b)
- Изотов А. И. Обиходно-разговорный чешский язык – химера или реальность // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 69-72. (c)
- Изотов А. И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52-60. (d)
- Изотов А. И. К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 82-88. (a)
- Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешской обиходно-разговорной лексики в сопоставительном плане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 67—76. (b)
- Изотов А.И. Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 5-25. (c)

- Изотов А.И. [рец на:] Belivski M. *Čeština uncensored*. Praha: Powerprint, 2015. 216 с. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 223–228. (a)
- Изотов А.И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. №3(15). С. 115-126. (b)
- Изотов, А.И. [рец. на:] Калита, И.В. *Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге*. М.: Дикси Пресс, 2013. 240 с. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 6. (a)
- Изотов А.И. Современный церковнославянский язык и «троязычная ересь» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 54. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 84-92. (b)
- Изотов А.И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016. № 1. С. 3-8. (c)
- Изотов А.И. Об обоснованности вычленения церковно-религиозного функционального стиля в русистике и религиозного функционального стиля в богемистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 100-103.
- Изотов А.И. К вопросу об общенациональном субстандарте в чешском и русском языковых пространствах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2-2. С. 131-134.
- Изотов А.И. [рец на:] J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jilková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. *Stylistika mluvené a psané češtiny*. Praha: Academia, 2016. 528 s. // Славяноведение. 2018. № 3. С. 119-120.
- Изотов А.И. [рец. на:] Fr. Čermák, J. Holub. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník*. Praha: LEDA, 2016. 528 s. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. - 2018. - № 5. - С. 276-283.
- Изотов А.И. [рец.:] V. Skalička. *Opavština pro samouku*. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. №3. С. 203-209.
- Ицкович Т. В. *Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дисс. ... д. филол. н.* Екатеринбург, 2016. 387 с.
- Калита И.В. *Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность*. Ústí nad Labem: PF ÚJEP, 2010. 300 с.
- Калита И.В. *Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге*. М.: Дикси Пресс, 2013. 240 с.

- Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. 155 с.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. Изд-е 5-е. М.: Флинта; Наука, 2016. 464.
- Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: Юна, 1998. 248 с.
- Кондрашов Н.А. Славянские языки: Учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
- Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.
- Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика [Берлин]. 1993. № 2. С. 15-31.
- Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX век) / Отв. ред. А.М. Молдован. - М.: Языки русской культуры, 2001. - 400 с.
- Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 107-119.
- Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 135-138.
- Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63-91.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Кудинова Т. А. «Общий жаргон» в системе субстандарта // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2010. № 5.
- Кудрявцева Л. А. Живая речь – язык СМИ – общелитературный язык: аспекты взаимодействия // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество. Сб. научн. тр. / Под общей ред. Л.А. Кудрявцевой. Киев, 2004. С. 61-65.
- Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М.: Диалог-МГУ, 1999. 165 с.

- Липгарт А.А., Хуринов В.В. Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. М.: Книжный Дом "Либликом", 2013. 208 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Листрова-Правда Ю. Т., Расторгуева М. Б. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2006. № 1. С. 49-54.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 285 с.
- Лукашанец А. Сацыяльная стратыфікацыя беларускай мовы // Язык и социум: материалы VIII Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2009. С. 36-40.
- Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа, 1982. 135 с.
- Мареш П. Стиль и разновидности языка // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 206-210.
- Меркурьева В.Б. О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. № 2. С. 124-130.
- Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18. № 3. P. 299-322.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2-х томах. СПб., 1902-1903. [<http://e-heritage.ru/ras/view/person/publications.html?id=46949276>]
- Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. 2008. Т. 2. С. 28.
- Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994, № 1/2. С. 50-73.
- Нахтигал Р. Славянские языки / Под ред. и с предисловием С.Б. Бернштейна. - М.: Издательство иностранной литературы, 1963. - 340 с.
- Нерознак В.П. Палеобалканские языки. - М., 1978. - 250 с.
- Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.

- Никитина Т.Г. Словарь молодежного сленга 1980-2000 гг. СПб.: Фолио-Пресс, 2003. 704 с.
- Николаева Н. Г. Проблема «церковно-религиозного» стиля в современном русском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2008. № 6. С. 123-126.
- Новикова А.С. Старославянский язык: Фундаментальный курс авторизованного изложения. М.: Московский экстерный гуманитарный университет, 1993. 180 с.
- Норман Б.Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма // Русский язык. М.: Издательский дом «Первое сентября», 2010. №6.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. Изд. стереот. М.: URSS, 2014. 264 с.
- Павловская О. Е., Трошева Т. Б. Полевая структура современного религиозного стиля // Наука и образование в XXI веке: сб. научных трудов. М., 2014. С. 129-131.
- Петрова Г.И. Репрезентативная функция языка: классическая и современная интерпретации // Философия. Социология. Политология. 2012. №4 [<http://psibook.com/philosophy/reprezentativnaya-funktsiya-yazyka-klassicheskaya-i-sovremennaya-interpretatsii.html>]
- Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковно-славянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования / Научн. ред. В.М. Живов. - М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. - 192 с.
- Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования / Научн. ред. В.М. Живов. - М.: РОПОО «Древо добра», 2001. - 288 с.
- Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. М., 2005, № 2. С. 296-308.
- Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов // <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> [Обращение 16.12.2015]
- Поливанов Е.Д. Русский язык как предмет грамматического описания // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 54–66.
- Поливанова А. К. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 792 с.
- Прохватилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006. С. 19-26.

- Расторгуева М. Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2005. 26 с.
- Руденко М.Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 127-134.
- Сталл П. Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. С. 11-20
- Солопов А.И. Начала латинской стилистики. М.: Издательство «Индрик», 2008. 695 с.
- Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.
- Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 234-274.
- Словарь старославянского языка. В 4-х томах. - СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. - Т.1. 854 с. Т.2. 640 с. Т.3. 672 с.; Т.4. 1046 с.
- Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2000. 253 с.
- Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. М.: Русский язык, 1994. - 842 с.
- Степанов Г.В. Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.
- Суслова А.С. Семантические особенности медицинского просторечья // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 488-496.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. - М.: Наука, 1988. - 240 с.
- Усикова Р.П. Македонский язык: Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. - Скопје: Македонска книга, 1985. - 240 с.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 53-128.
- Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. 196 с.

- Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.
- Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1986. - 288 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
- Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере (на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата): Автореф. дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2009. 19 с.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Директ-Медиа, 2014. 267 с.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1988. 544 с.
- Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1961. 351 с.
- Шкловский В.Б. Художественная проза. Размышления и разборы. М.: Сов. писатель, 1961. 628 с.
- Шумарин С.И., Шумарина М.Р. Теория и практика научной речи: Спецкурс для негуманитарных специальностей вузов. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2008. 406 с.
- Щукина И. Н., Михеенко Д. А. Адресация воздействия в жанрах религиозного стиля // Вестник Пермского университета. Филология. 2008. № 3. С. 105-113.
- Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.
- Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg, 1978. 254 s.
- Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. Prag, 1809.
- Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press. 1962. 166 p.
- Bachmannová J. Tradiční dialekt a mluva mládeže na Železnobrodsku // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 183-192.
- Bally Ch. Traité de stylistique française. Heidelberg, 1909.
- Bartnicka B. Adjektywizacja imiesłowów w języku polskim. Warszawa, 1970. 192 s.

- Bečka J. V. Úvod do české stylistiky. Praha, 1948.
- Bečka J. V. Odstavce // Naše řeč 47, 1964. S. 65-74.
- Beliavski M. Čeština uncensored. Praha: Powerprint, 2015. 216 c.
- Bělič J. Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha : NČAV, 1958. S. 59—71.
- Bělič J. Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura, 9. 1959. S. 433-441.
- Bělič J. Celonárodní slovní zásoba ne plně spisovná a nespisovná // Slovo a Slovesnost 25, 1964. S. 11-24.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.
- Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost. 2010. № 1. S. 5-30.
- Bosák C., Camutaliová I. K výstavbě dialogu // Slovo a Slovesnost 25, 1967. S. 237-245.
- Brabec O. Významový slovník běžnějších odborných pojmů, slangových výrazů a zkratk z oblasti provozu ČST v Praze. Praha, 1978.
- Budovičová V. Spisovné jazyky v kontakte // Slovo a Slovesnost 35, 1974. S. 171-181.
- Conrad R. Fragesätze als indirekte Sprechakte // Studia Germanica, XXII: Untersuchungen zur Semantik, R. Růžička und W. Motsch (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1983. S. 343-367.
- Čechová M. Dynamika frazeologie // Naše řeč 69, 1986. S. 178-186.
- Čechová M. Charakteristika administrativního stylu // Naše řeč 72, 1989. S. 1-10.
- Čechová M. Kulturní frazeologie v současné komunikaci // Naše řeč 76, 1993. S. 179-184.
- Čechová M., Karhanová K. K recepci kulturních frazémů v současné komunikaci // Naše řeč 78, 1995. S. 138-145.
- Čermák F. Paradigmatika a syntagmatika slovníku. Problémy a možnosti // Slovo a Slovesnost 53, 1992, S. 249-264.
- Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. 292 s.
- Čeština: Řeč a jazyk / Eds. M. Čechová. Praha: ISV Nakladatelství, 1996. 380 s.
- Daneš Fr. Téma – základ – východisko výpovědi // Slovo a Slovesnost 25, 1964. S. 148-149.
- Daneš Fr. Typy tematických posloupností v textu (na materiále českého textu odborného) // Slovo a Slovesnost 29, 1968. S. 125-141.
- Daneš Fr. O identifikaci známé (kontextově zapojené) informace v textu // Slovo a Slovesnost 40, 1979. S. 257-270.

- Daneš Fr. Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha: PFUK, 1988. S. 21-28.
- Daneš Fr. Odstavec jako centrální jednotka tematicko-kompoziční výstavby textu // Slovo a Slovesnost 55, 1994. S. 1-7.
- Daneš Fr. Text a jeho ilustrace // Slovo a Slovesnost 56, 1995. S. 174-189.
- Daneš Fr., Doležel L., Hausenblas K., Váhala Fr. Kapitoly z praktické stylistiky. Praha: Orbis, 1957.
- Doležel L. K obecné problematice jazykového stylu. Příspěvek do diskuse // Slovo a Slovesnost 15, 1954. S. 97-105.
- Doležel L. Pracovní porada o otázkách stylistiky // Slovo a Slovesnost 16, 1955. S. 56-64.
- Doležel L. O stylu moderní české prózy. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1960.
- Dusilová K. Slang ve školním prostředí – porovnání ZŠ a SŠ: BP. Praha: PF UK, 2018. 183 s.
- Cvejnová J. Česky, prosím II. Učebnice češtiny pro cizince. Praha: Karolinum, 2012.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny 1/ Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček, V. Kodýlek, M. Kopřivová, D. Kovářiková, P. Sgall, M. Šulc, J. Táborský, J. Volín, M. Waclawičová. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.
- Encyklopedický slovník češtiny / Eds. Karlík P., Nekula M., Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 604 s.
- Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P. P. London : Penguin, 1972. P. 232-251.
- Filipec J. Naše současná společnost, slovní zásoba a slovníky // Naše řeč 75, 1992. S. 1-11.
- Florilegium in honorem Alexandri Isačenko: Ad iubulaeum centenarium oblatum / Eds. A. Eliáš, E. Matejko. Bratislava, 2011. 131 s.
- Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York – San Francisco – London: Academic Press. 1975. P. 187-210.
- Giger M. The Czech Active Past Participle in -(v)ší in Contemporary Journalist Texts // Korpus - Gramatika - Axiologie. Journal for Corpus Research and Evaluation of Language. – 2010. – № 2. – Pp. 3-23.
- Giger, M., Sloboda, M. Language Management and Language Problems in Belarus: Education and Beyond // The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Vol. 11, Nos. 3&4, 2008. - P. 315-339.
- Hacknutá čeština: Neortodoxní slovník dnešní mateřtiny / M. Kavka, M. Škrabal, M. Lišková, H. Zdražil, R. Nekula, L. Papřoková, P. Tomeš,

- P. Kukul, A. Charvátová, J. Marvan. M. Losekoot. Příbram: Jan Melvil Publishing, 2018. 272 s.
- Hancher M. The classification of cooperative illocutionary acts // *Language in Society*. 1979. Vol. 8. № 1. P. 1-14.
- Hausenblas K. K základním pojmům jazykové stylistiky // *Slovo a Slovesnost* 16, 1955. S. 1-10.
- Hausenblas K. Styly jazykových projevů a rozvrstvení jazyka // *Slovo a Slovesnost* 23, 1962. S. 189-201.
- Hausenblas K. K pojetí „současného jazyka“ // *Slovo a Slovesnost* 29, 1968. S. 348-354.
- Hausenblas K. Práce Viléma Mathesia o stylu a české stylistice v uplynulém čtvrtstoletí // *Slovo a Slovesnost* 31, 1970. S. 194-206.
- Hausenblas K. Učební styl v soustavě stylů funkčních // *Naše řeč* 55, 1972. S. 150-158.
- Hausenblas K. Vysoký – střední – nízký styl a diferenciacie stylů dnes // *Slovo a Slovesnost* 34, 1973. S. 85-91.
- Hausenblas K. Texty, komunikáty a jejich komplexy. Zamyšlení pojmoslovné // *Slovo a Slovesnost* 45, 1984. S. 1-7.
- Hausenblas O. K tzv. pronikání obecné češtiny do spisovného jazyka // *Slovo a Slovesnost* 54, 1993. S. 97-106.
- Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // *Spisovná čeština a jazyková kultura* / Eds. B. Havránek, M. Weingart. Praha: Melantrich, 1932. S. 32-84.
- Havránek B. K historické dialektologii // *Slovo a Slovesnost* [16]. 1955. №3. S. 5-30. S. 153-158.
- Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha: Nakladatelství Akademie věd, 1963.
- Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1981. 592 s.
- Hirsch E.D., Kett J.F., Trefil J. *The New Dictionary of Cultural Literacy*. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 2002.
- Hirschová M. Česká verba dicendi v performativním užití. – Olomouc: Nakladatelství Univerzity Palackého, 1988.
- Hirschová M. Jaké poznatky o ilokučních slovesech lze z korpusu získat? // *Korpus jako zdroj dat o češtině* / Ed. P. Karlík. – Brno: Masarykova univerzita, 2004. – S. 99-102.
- Hoffmannová J. Teorie kontextualizace: vzájemné působení jazyka a neverbálních prostředků // *Slovo a Slovesnost* 55, 1994. S. 51-57.
- Hoffmannová J. et al. Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 512 s.

- Homoláč J. Transtextovost a její typy // Slovo a Slovesnost 55, 1994 S. 18-33, 99-105.
- Horálek K. K otázkám tzv. vedlejších jazykových funkcí // Slovo a Slovesnost 21, 1960. S. 4-7.
- Hrbáček J. Hovorová čeština // Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu letní školy slovanských studií. Praha : FFUK, 1995. S. 53-61.
- Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. 248 s.
- Hubáček J. K dnešnímu stavu studentského slangu // Naše řeč. 1965. № 2. S. 86-90.
- Hubáček J. Železničářský slang. Praha, 1974.
- Hubáček J. O českých slanzích. Ostrava, 1979.
- Hubáček J. Úvod do stylistiky českého jazyka: Určeno pro posl. pedagog. fak. interního studia i studia při zaměstnání a postgraduálního studia. Ostrava: Pedagogická fakulta, 1985.
- Hubáček J. Malý slovník českých slangů. Ostrava: Profil, 1988. 189 s.
- Chloupek J. Nářečí ve filmu o slovácké vesnici // Naše řeč. 1955. № 7-8. S. 217-221.
- Chloupek J. Funkční styly dnes // Naše řeč 77, 1994, 2. S. 57-66.
- Ivić P. Zusammenfassung der Ergebnisse des Internationalen Symposiums 'Zur Theorie des Dialekts' // J. Göschel et al. (eds.) Dialekt und Dialektologie. Beihefte N.F. Nr. 26 der Zeitschrift für Mundartforschung. Wiesbaden, Franz Steiner, 1980. S. 366-383.
- Izotov A. I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. – Moscow: Azbukovnik, 2010. 200 s.
- Izotov A. I. Nové možnosti korpusového výzkumu českých performativních direktivních a závazkově-direktivních sloves // Grammar and Corpora 2012: 4th International Conference. - Hradec Králové: Gaudeamus, 2013.
<http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sites/avcr/data/avcr.cz/humansci/ujc/zakladni-informace/oddeleni/oddeleni-gramatiky/konferencni-sbornik/IzotovAndrey.pdf> [Обращение 16.12.2015]
- Jančák P. Běžná mluva v Praze a její nářeční zázemí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 200-211. (a)
- Jančák P. Mluva v severozápadočeském pohraničí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 239-249. (b)
- Jančáková J. Nářečí středočeské obce Dobrovíz u Prahy // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 174-182.

- Janečková M. Vývoj nářečních jevů v jihočeském regionu // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 193-199.
- Jedlička A. K pojetí a vymezení knižnosti // Slovo a Slovesnost 34, 1973. S. 92-97.
- Jedlička A. Problematika variantnosti normy spisovného jazyka // Slovo a Slovesnost 38, 1977. S. 35-42.
- Jedlička A. Příspěvek ke vztahu sociolingvistiky a funkční stylistiky // Slovo a Slovesnost 38, 1977. S. 324-328.
- Jedlička A. K problematice jazykové situace // Slovo a Slovesnost 1978. S. 300-303.
- Jedlička A. Typy norem jazykové komunikace // Slovo a Slovesnost 43, 1982. S. 272-281.
- Jedlička A., Formánková V., Rejmánková M. Základy české stylistiky. Praha: SPN, 1970.
- Jelínek M. Kniha o výstavbě textu umělecké prózy // Naše řeč. 1960. Č. 9-10. S. 281-288.
- Jelínek M. Stylistika // Příruční mluvnice češtiny. Vydání 2. / eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996. S. 699-780.
- Klímeš L. Poštovní slang v Plzni // Sborník Pedagogické fakulty v Plzni, Jazyk a literatura 11. Praha, 1973.
- Klímeš L. Slang plzeňských pekařů // Sborník Pedagogické fakulty v Plzni, Jazyk a literatura 12. Praha, 1976.
- Kloferová S. Mluva v severomoravském pohraničí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 250-255.
- Kochánková K. Jazykový paskvil Dukly 61: „Krátký zobák“ a extrémní nářečí dělají zlo // https://www.expres.cz/celebrity/dukla-61-jazyk.A180530_150836_dx-celebrity_krio (Обращение 10.01.2020).
- Korálek K. Slovo, věta, promluva // Slovo a Slovesnost 38, 1977. S. 259-262.
- Kořenský J., Hoffmannová J., Müllerová O. Metoda analýzy komunikačního procesu // Naše řeč 70, 1987. S. 57-69.
- Kořínek J. M. O jazykovém stylu // Slovo a Slovesnost 7, 1941. S. 28-37.
- Kraus J. Jazyk a styl ve společenské interakci // Slovo a Slovesnost 36, 1975. S. 257-265.
- Kraus J. K sociolingvistickým prvkům ve funkční stylistice // Slovo a Slovesnost 32, 1971. S. 271-278.
- Kraus J. Jazyk a styl ve společenské interakci // Slovo a Slovesnost 36, 1975. S. 257-265.
- Kraus J. Žánrové a stylové proměny veřejné jazykové komunikace // Naše řeč 63, 1980. S. 57-62.

- Kraus J., Kuchař J., Stich A., Štícha F.; Současný slav a vývojové perspektivy kodifikace spisovné češtiny // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 228-238.
- Krčmová M. Mluva dítěte v dnešní moravské jazykové situaci // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 219-224. (a)
- Krčmová M. Proměny brněnské městské mluvy // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 225-230. (b)
- Leskien A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909. 260 s.
- Macurová A. Subjektová problematika jazykového projevu // Slovo a Slovesnost 35, 1974. S. 121-128.
- Macurová A. O vzájemných vztazích řečové a neřečové komunikace // Slovo a Slovesnost 37, 1976. S. 168-170
- Macurová A., Mareš P. Jazyk, styl, smysl, text - a stylistika // Slovo a Slovesnost 54, 1993. S. 279-286.
- Mareš P. Metajazyk, metařeč, metatext // Slovo a Slovesnost 44, 1983. S. 123-131.
- Müllerová O. K výstavbě dialogického textu // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 282-290.
- Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii / Ed. J. Willis. – Leipzig, 1983.
- Marvan J. Jazyk, jeho český případ. Prvních tisíc let: 800-1800. - Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. - 456 s.
- Mathesius V. Funkční lingvistika // Slovo a Slovesnost 6, 1940. S. 112.
- Mathesius V. Řeč a sloh // Čtení o jazyce a poesii / Eds. B. Havránek, J. Mukařovský. Praha: Družstevní práce, 1942. S. 11-102.
- Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost. Praha: Odeon, 1982.
- Michálková V. K interferenci jazykových útvarů v současnosti // Slovo a Slovesnost 29, 1968. S. 369-379.
- Minářová E. Stylistika pro žurnalisty. Praha: Grada, 2011. 296 s.
- Mistrík J.: Stylistika. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1985.
- Mitter P. Stylistika českého jazyka. Ústí-nad-Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, [s.a.]. [<http://www.pf.ujep.cz/pf/osobni-dokumenty/kbo/289-kbo-mitter-studijni-opora-stylistika/file>]
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. Praha : Academia, 2011.
- Mluvnice češtiny. D. III. Praha: Academia, 1987. 748 s.

- Molnárová H. Spisovná čeština a nespisovné útvary českého jazyka // Slovník nespisovné češtiny / Hl. ed. J. Hugo. 3. vyd. Praha: Maxdorf, 2009. S. 10-17.
- Moravek M., Müllerová O. Dyadická komunikace. Pokus o komplexní charakteristiku dialogu // Slovo a Slovesnost 37, 1976. S. 195-201.
- Müllerová O. K výstavbě dialogického textu // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 282-290.
- Müllerová O. Otázka a odpověď v dialogu // Slovo a Slovesnost 43, 1982. S. 200-212.
- Müllerová O., Nekvapil J. Pauzy v mluveném textu // Slovo a Slovesnost 47, 1986. S. 105-113.
- Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. 2180 s. [два тома с продолжающейся нумерацией] см. <https://www.czechency.org/> (Обращение 23.01.2020)
- Oberpfalcer Fr. O čišnicích a... // Naše řeč. 1934. Č. 4. S. 115-120.
- Obrátil K. J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. Brno: O. Sobek, 1936.
- Ouředník P. Šmírbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny 1945-1989. Praha: Volvox Globator, 2016. 536 s.
- Panevová J. et al. Mluvnice současné češtiny 2/ Syntax češtiny na základě anotovaného korpusu / J. Panevová, E. Hajičová, V. Kettnerová, M. Lopatková, M. Mikulová, M. Ševčíková M. Praha: Karolinum, 2014. 292 s.
- Pauliny E. O funkčnom rozvrstvení spisovného jazyka // Slovo a Slovesnost 16, 1955. S. 17-24.
- Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. Praha, 1989. S. 5-38.
- Poštoľková B. K vlivu odborné terminologie na národní jazyk // Slovo a Slovesnost 38, 1977. S. 112-120.
- Příruční mluvnice češtiny / eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Vydání 2. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1996. 800 s.
- Puchmajer A. J. Románi Čib, das ist: Grammatik und Wörterbuch der Zigeuner Sprache, nebst einigen Fabeln in derselben: Dazu als Anhang die Hantýrka oder čechische Diebessprach. Prag, 1821. 88 s.
- Rejzek J. K formální adaptaci anglicismů // Naše řeč 76, 1993. S. 26-31.
- Sádlíková M. a kol. Velký česko-ruský slovník / Большой чешско-русский словарь. Voznice: LEDA, 2005.
- Searle J.R. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. Vol. 3 / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York – San Francisco – London: Academic Press, 1975. P. 59-82.
- Sekera J. Česká mluva myslivecká. Praha: Státní zemědělské nakladatelství, 1972. 165 s.

- Sgall P. Text a reference // Slovo a Slovesnost 41, 1980. S. 140-145.
- Sgall P. K některým otázkám naší jazykové kultury // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 299-306.
- Sgall P. Chceme spisovnou češtinu ochuzovat a činit nemluvnou? (Na okraj jedné recenze) // Slovo a Slovesnost 51, 1990. S. 60-63
- Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992.
- Skalická V. Promluva jako lingvistický pojem // Slovo a Slovesnost 3, 1937. S. 163-166.
- Skalická V. Problémy stylu // Slovo a Slovesnost 7, 1941. S. 191-197.
- Skalická V. Syntax promluvy (enunciace) // Slovo a Slovesnost 21, 1960. S. 241-249.
- Skalická V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.
- Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš / Johannes Reinhart (Hrsg.). - Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2006. - 147 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 508 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 548 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 1248 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné / Ed. Fr. Čermák. Praha: LEDA, 2009. 1268 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník / Ed. Fr. Čermák. Praha: LEDA, 2016. 528 s.
- Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835-1839.s
- Slovník nespisovné češtiny / Hl. ed. J. Hugo. 3. vyd. Praha: Maxdorf, 2009. 500 s.
- Sochová Z. K nářečí ve filmu // Naše řeč. 1953. č. 9-10. S. 276-281.
- Současná stylistika / M. Čechová, M. Krčmová, E. Minářová. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2008.
- Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23. 27.8.1993. Praha, 1995. 192 s.
- Starý Z. O stylové indiferenci // Slovo a Slovesnost 38, 1977. S. 27-34.
- Stylistika současné češtiny / M. Čechová, J. Chloupek, M. Krčmová, E. Minářová. Praha: ISV Nakladatelství, 1997. 282 s.
- Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jilková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 528 s.
- Šipková M. Jak se adaptují nářeční mluvčí na mluvu Prostějova // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 212-218.

- Špalíček dobrých českých vtipů. II. Brno: Levné knihy KMa, 2006. 518 s.
- Šrámek R. Jak se proměňují slezská nářečí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 231-238
- Štícha Fr. K pojetí spisovnosti // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. J. Jančáková, M. Komárek, O. Uličný. Praha : FFUK, 1995. S. 57-60.
- Štícha Fr. et al. Akademická gramatika spisovné češtiny / Fr. Štícha, M. Vondráček, I. Kolářová, J. Hoffmannová, J. Bílková, I. Svobodová. Praha: Academia, 2013. 972 s.
- Stříbrný T. Einfluss des Deutschen auf die Hultschiner Mundart. Brünn: FF MU, 2010. 76 s.
- Švehlová-Dvončová J. Dvě stati A. G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. № 4. S. 226-230.
- Suk J. Několik slangových slovníků. Praha: Inverze, 1993. 142 s.
- Špatný Fr. Mluva myslivecká. Praha: Nákladem spisovatelovým, 1876. 73 s.
<https://kramerius.uzei.cz/search/i.jsp?pid=uuid:9b058475-c0e2-11e5-9556-001999480be2>
- Švehlová-Dvončová J. Dvě stati A. G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. № 4. S. 226-230.
- Trávníček F. O jazykovém slohu. Praha, 1953.
- Torberg F. Anhang : Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). München: Verlag Langen Müller, 2008. S. 615-620.
- Trost P. K obecným otázkám stylu // Slovo a Slovesnost 16, 1955. S. 15-17.
- Trost P. Střídání kódů // Slovo a Slovesnost 37, 1976. S. 1-3.
- Tříška J. O rétorice a stylu naší středověké literatury // Slovo a Slovesnost 25, 1964. S. 260-270.
- Uličný O. K teorii mluveného jazyka // K diferenciaci spisovného jazyka / Ed. D. Davidová. Ostrava: FFOU, 1994. S. 19-25.
- Utěšený S. Lidový jazyk v Stroupežnického „Našich furiantech“ // Naše řeč. 1954. № 3-6. S. 115-123.
- Utěšený S. K rozrůznění českého národního jazyka // Slovo a Slovesnost 41, 1980. S. 7-16.
- Vendler Z. Res Cognitas: An Essay in Rational Psychology. Ithaca, 1972. 225 p.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main: Athenäum 1972. 235 p.
- Wunderlich D. On Problem on Speech Theory // Basic Problems in Methodology and Linguistics. Dordrecht, 1977. P. 243-258.
- Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, 1980. P. 291-312.

Izotov, Andrey Ivanovich.

Czech Stylistics : manual / A.I. Izotov. – Moscow : MAKS Press, 2020. – 164 p.

ISBN 978-5-317-06357-3

<https://doi.org/10.29003/m867.978-5-317-06357-3>

The book presents a theoretical course of Czech stylistics as the final one in the line of such courses as a Theoretical Course of Czech Phonetics, Czech lexicology, Czech Grammar, History of the Czech Language, which are taught in Russia for students of Czech as a foreign language.

Intended for students of linguistics and students of Czech studies of universities of the level C1 in the Czech language.

Keywords: Slavic studies, Czech studies, Czech stylistics, Czech language, standard language, idiom, dialect, koine.

Учебное издание
ИЗОТОВ Андрей Иванович
ЧЕШСКАЯ СТИЛИСТИКА
Учебное пособие

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор *Е. М. Бугачева*
Обложка: *М. А. Еронина*

Отпечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 14.02.2020 г.
Формат 60х 90 1/16. Усл.печ.л. 10,25.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–50 экз.). Изд. № 030.

Издательство ООО «МАКС Пресс».
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91, Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.